Дм 900/179

Suum cuique
Всякому свое
ИЗ КНИГ А.М. МАКАРОВА.

XIX в.

1793

РУССКІЕ

въ

АХАЛЬ-ТЕКЕ.

1879 г.

В. А. Туганъ-Мирза-Барановскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Горсховая ул., № 46.
1881.

Н. В. Шидловскому
от автора
18 2/IV 81 г.
М
900
179
ВО
Кл. М

РУССКІЕ
въ
АХАЛЪ-ТЕКЕ.
1879 г.

В. А. Туганъ-Мирза-Барановскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Гороховая ул., № 46.
1881.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

9682-65

2000014628

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАНИЦЫ:

Нѣсколько словъ къ читателю . V—VIII

ГЛАВА I. — Принятіе рѣшенія экспедиціи противъ текинцевъ. — Стараніе отыскать причину этого событія. — Настоящая причина. — Рекогносцировки и походы русскихъ войскъ по туркменскимъ степямъ за послѣднее десятилѣтіе.—Отсутствіе какихъ либо свѣдѣній о текинскомъ оазисѣ и его обитателяхъ. — Избраніе Чекишляра базисомъ экспедиціоннаго отряда и причины этого. — Исторія Чекишляра. — Сообщеніе судовъ съ берегомъ. — Постройка пристани. — Расширеніе укрѣпленія. — Торговая часть Чекишляра. — Низменность берега; наводненія. — Почва и окрестности. — Бѣлый Бугоръ . 1—10

ГЛАВА II. — Медленность перевозки войскъ и всего необходимаго для экспедиціи. — Составъ отряда. — Прибытіе въ Чекишляръ генералъ-адъютанта Лазарева и отряда «Краснаго Креста». — Выступленіе авангарда. — Попытка направить Атрекъ по старому руслу. — Заботы начальника отряда объ устройствѣ складовъ и обоза. — Конно-желѣзная дорога. — Пріобрѣтеніе верблюдовъ; злоупотребленія. — Случай съ полковникомъ Навроцкимъ. — Наемъ верблюдовъ помѣсячно. — Хитрости верблюдохозяевъ. — Исторія съ верблюжьими хвостами. — Колесный обозъ. — Полевая почта; отдѣленія ея и дѣятельность. — Туркмены-почтальоны . 11—17

ГЛАВА III. — Болѣзни въ отрядѣ. — Причины развитія ихъ.—Колодцы; свойства воды. — Жара. — Бичь Чекишляра—мухи. — Однообразіе лагерной жизни. — Первое извѣстіе о текинцахъ. — Офицерская скачка. — Приготовленія къ выступленію. — Болѣзнь генерала Лазарева. — Снаряженіе пѣхоты и выступленіе колонны графа Борха; составъ ея.—Снаряженіе кавалеріи. — Неумѣніе людей обращаться съ верблюдами. — Положеніе этихъ животныхъ во время похода . 18—26

ГЛАВА IV. — Выступленіе колонны князя Витгенштейна; составъ ея. — Солдатскія пѣсни. — Первый переходъ. Пески. — Артезіанскій коло-

дезъ. — Миражи. — Колодцы Беюнъ-Баши; качество ихъ воды. — Верблюжья колючка. — Озеро Дели-Дефе; горько-соленая вода. — Появленіе диссентеріи. — Солнечные удары. — Переходъ до Гудри-Олума. — Рѣка Атрекъ. — Очищеніе воды. — Первая русская могила. — Дневка. — Лагерь дагестанцевъ. — Баядъ-Хаджи. — Развалины; два преданія объясняющія ихъ существованіе. — Усиленный переходъ до Яглы-Олумы — Текенджикъ-Олумъ. — Переходъ до Чата 27—36

ГЛАВА V. — Укрѣпленіе Чатъ. — Госпиталь «Краснаго Креста»; предубѣжденіе противъ него въ средѣ солдатъ. Смертность въ немъ и причины ея. — Кладбище. — Дневка. — Порядокъ движенія колоннъ: пѣхотной и кавалерійской. — Нестерпимая жара; жажда возбуждаемая ею. — Пища. — Хоръ-Олумъ. — Измѣненіе характера мѣстности. — Развалины гробницы Джанъ-Махмуда. — Укрѣпленіе Дузъ-Олумъ. Гарнизонъ его. — Пріемъ провіанта и фуража. — Слухи о непріятелѣ. — Прибытіе штаба. — Извѣстіе объ осложненіи болѣзни начальника отряда. — Гора Бекъ-Тепе. — Пыль. — Путь до Теръ-Сахана 37—45

ГЛАВА VI. — Теръ-Саханская долина. — Горы окружающія ее; окаменѣлости, свидѣтельствующія о нахожденіи ихъ подъ водой. — Торговля Теръ-Сахана. — Вѣсть о кончинѣ генералъ-адъютанта Лазарева; послѣдніе часы его жизни. — Принятіе начальствованія отрядомъ генераломъ Ломакинымъ. — Отъѣздъ начальника штаба въ Чатъ и отправленіе тѣла генерала Лазарева въ Чекишляръ. — Выступленіе въ Хаджи-Кала — Колодцы Маргисъ. — Хаджи-калинская долина. — Охота на кабановъ. — Развалины укрѣпленія. — Дѣйствія авангарда: проложеніе дорогъ; стычка у Хаджи-Кала и отбитіе барановъ; набѣгъ въ оазисъ 46—52

ГЛАВА VII. — Прибытіе генерала Ломакина въ Хаджи-Кала. — Военный совѣтъ. — Выступленіе отряда. — Набѣгъ колонны полковника Навроцкаго на кочевья акъ-аттабаевцевъ. — Развалины Чукурунъ-Кала. — Бендесенъ. — Парадъ. — Чтеніе приказа о вторженіи въ непріятельскую землю. 53—56

ГЛАВА VIII. — Что такое Текинскій оазисъ? — Почва; производительность ея. — Орошеніе. — Общій типъ ауловъ. — Укрѣпленія. — Жилища: кибитки и сакли. — Численность народонаселенія. — Религія. — Государственное устройство и ханы. — Обычное право и судъ 57—66

ГЛАВА IX. — Войско и вооруженіе. — Сторожевые пикеты. — Система сигналовъ. — Способъ обороны края. — Нашествія: хивинцевъ въ 1855 г. и персовъ въ 1859 г. — Набѣги. — Организація партіи. — *Кунъ* — вознагражденіе за убитыхъ. — Рабство. — Торговля; вывозъ и ввозъ; торговцы. — Промышленность 67—72

ГЛАВА X. — Домашній бытъ. — Положеніе женщины. — Амазонки. — Наружность текинцевъ. — Пища. — Куреніе табаку; *еръ-чилимъ*. Развлеченія. — Заключеніе браковъ: торгъ; цѣнность невѣстъ; брачный об-

рядъ.—Разводъ. — Похороны. — Кладбища.—Имущество движимое и недвижимое. — Текинскія лошади.—Характеристика текинцевъ 73—81

ГЛАВА XI. — Бендесенскій перевалъ.—Подъемъ на Копетъ-Дагъ.—Видъ на текинскій оазисъ.—Спускъ съ горы Козлы.—Привалъ въ котловинѣ источниковъ.—Козлинское ущелье.—Бахчи.—Первая ночь въ Теке.—Прибытіе арьергарда колонны.—Бами. — Беурма 82—88

ГЛАВА XII.—Депутація отъ арчманцевъ. — Арчманъ. — Склады.—Мирные жители. — Гробница Нуръ-Ніазъ-Сардара. — Сунче. — Мурче. — Бегриденъ.—Появленіе непріятельской конницы. — Дурунъ. — Первый раненый. Драгунскій разъѣздъ. — Ночная перестрѣлка. — Парадъ. — Прибытіе колонны графа Борха. — Жертва фанатизма.—Путь до Яроджи.- Послѣдній бивакъ. — Толки о непріятелѣ. — Характеристика состава отряда. — Два шпіона.—Приготовленія къ бою 89—98

ГЛАВА XIII. — Выступленіе колоннъ; составъ ихъ.—Дорога отъ Яроджи до Геокъ-Тепе. - Туманъ. — Появленіе текинской конницы.—Схватка ея съ колонной гр. Борха.—Перестрѣлка съ джигитами.—Поле битвы.—Геокъ-Тепе, укрѣпленія его и окрестности. — Число нашихъ враговъ.—Почему текинцы удержали при себѣ семьи?—Совѣтъ вождей и ишановъ.—Принесеніе народомъ *тобы* 99—106

ГЛАВА XIV. — Атакованіе джигитами нашей цѣпи.—Подступленіе къ западной сторонѣ Геокъ-Тепе и открытіе артиллерійскаго огня.—Двѣ атаки.—Взятіе мельницы. — Дѣйствіе нашего огня. — Пѣшая атака драгунъ.—Взятіе передоваго укрѣпленія.—Переходъ кавалеріи на асхабадскую дорогу. — Попытка части текинцевъ прорваться изъ крѣпости.—Плѣнная текинка. — Очищеніе восточной стороны отъ непріятеля.—Еще пѣшая атака драгунъ. — Гибель казака посланнаго къ колоннѣ графа Борха.—Прибытіе ея. — Попытка зажечь аулъ. — Приготовленія къ штурму и занятіе войсками позицій 107—115

ГЛАВА XV. — Штурмъ. — Саперы и куринцы.—Кабардинцы и стрѣлки. — Грузинцы и эриванцы. — Охотники Липоваца. — Вылазка. — Смерть Сафонова. — Отступленіе штурмующихъ. — Резервъ майора Шауфуса. — Атака текинцевъ на терскую батарею и смерть Берды-Мурадъ-Хана. — Атака переяславцевъ. — Обстрѣливаніе крѣпости. — Отводъ войскъ на ночлегъ. — Забытые. — Возвращеніе драгунъ и дагестанцевъ на бивакъ 116—125

ГЛАВА XVI. — Ночь послѣ боя. — Наши солдаты. — Перевязочной пунктъ. — Потери непріятеля.—Высылка семействъ изъ Геокъ-Тепе.—Сборы къ выступленію. — Было ли необходимо отступленіе? — Уныніе среди текинцевъ; совѣтъ; поздняя депутація. — Отступленіе отряда. — Убыль въ войскахъ за день боя. — Раненые. — Санитарный отрядъ и перевозочныя госпитальныя средства. — Положеніе раненыхъ, ѣхавшихъ на колесахъ и на верблюдахъ и шедшихъ пѣшкомъ 126—136

ГЛАВА XVII. — Порядокъ отступленія. — Медленность движенія.—Появленіе текинцевъ. — Перестрѣлка. — Охота за отстававшими животными. — „Бахча". — Кара-Карызъ. — Похсроны прапорщика Григорьева. — Ночь. — Смерть шпіона. — Послѣдній орудійный выстрѣлъ. — Кто были наши преслѣдователи? — Прикалываніе верблюдовъ. — Карызъ. — Расхищеніе барановъ. — Приходъ въ Дурунъ. — Козлятина . 137—145

ГЛАВА XVIII. — Остановка въ Сунче. — Отведеніе текинцами воды. — Огни на горахъ. — Прибытіе почты. — Ночная перестрѣлка въ Арчманѣ. — Утомленіе раненыхъ. — Стычка. — Приходъ къ Беурму. — Первый отдыхъ раненымъ. — Намѣреніе укрѣпить Беурму и устроить склады. — Недостатокъ провіанта. — Голоданіе лошадей. — Конскія галеты — лакомство для солдатъ. — Арбузные и дынные листья. — Появленіе текинскаго отряда и схватка съ нимъ. — Прибытіе колонны полковника Чижикова. — Допросъ плѣнныхъ 146—154

ГЛАВА XIX. — Отправленіе плѣннаго въ Геокъ-Тепе съ прокламаціей. — Присоединеніе колонны полковника Навроцкаго. — Голодъ. — Отосланіе верблюдовъ въ Бендесенъ. — Внезапное выступленіе изъ Беуры. — Затруднительное положеніе частей. — Помощь драгунъ. — Послѣдняя бахча. — Извѣстіе о назначеніи новаго начальника отряда. — Послѣдняя ночь въ оазисѣ. — Снова на перевалѣ. — Слухи о намѣреніяхъ непріятеля. — Привалъ у источниковъ. — Новая дорога. — Послѣдній взглядъ на Ахалъ — Возращеніе въ Бендесенъ 155—163

ГЛАВА XX. — Нападеніе на фуражировъ. — Бѣгство Текме-Сердаря. — Легенда объясняющая его плѣнъ. — Съѣстные припасы найденные въ Бендесенѣ. — Выступленіе кавалеріи. - Плѣнные. — Появленіе текинскихъ шаекъ въ хаджи-калинской долинѣ. — Безводный переходъ. — Теръ-Саханъ.—Извѣстіе о прибытіи въ Чекишляръ генерала Теркукасова. — Записка начальника штаба. — Зарево. — Появленіе диссентеріи.— Прибытіе всего отряда въ Теръ-Саханъ 164—170

ГЛАВА XXI. — Курьеръ къ Намѣстнику. — Цынга среди дузъ-олумскаго горнизона.—Отправленіе эскадрона драгунъ для встрѣчи новаго начальника отряда. — Отъ Дузъ-Олума до Чата. — Ливень. — Смотръ. — Депутація съ амазонкой во главѣ. — Текинскія шайки и ихъ подвиги. — Выступленіе изъ Чата. — Гнилая вода. — Колодцы Караджа-Батырь. — Возвращеніе въ Чекишляръ. — Разформированіе отряда. — Болѣзни. — Медленность перевозки войскъ на Кавказъ. — Заключеніе. 171—176

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Приступивъ къ изданію описанія похода, въ которомъ я имѣлъ счастіе и въ то же время несчастіе участвовать (счастіе потому, что въ нѣсколько мѣсяцевъ проведенныхъ мною въ средѣ солдатъ, мнѣ удалось тысячу разъ убѣдиться въ нравственной ихъ силѣ и прирожденной доблести и несчастіе потому, что пришлось разочароваться во многомъ и испытать всю горечь вынужденнаго отступленія предъ непріятелемъ, котораго мы считали заранѣе побѣжденнымъ),—я прежде всего считаю долгомъ объяснить читателю причину побудившую меня къ этому смѣлому шагу.

Вернувшись въ концѣ 1879 года изъ Ахалъ-Текинской экспедиціи, я меньше всего думалъ, что мнѣ прійдется когда либо написать о ней хотя-бы одно слово. Мое тогдашнее званіе рядоваго переяславскаго драгунскаго полка заставило меня отклонить мысль объ этомъ, поданную нѣкоторыми близкими мнѣ людьми. Между тѣмъ въ обществѣ всюду, гдѣ только ни приходилось бывать, большинство не имѣло ни малѣйшаго понятія о, только что, окончившейся экспедиціи и знало лишь, что русскія войска потерпѣли пораженіе. Многіе винили непосредственныхъ руководителей ея, немалое число

сваливало вину на солдатъ. Досадно было слушать сужденія людей, незнавшихъ ни подробностей, ни обстоятельствъ дѣла. Несправедливые нападки на солдатъ (какъ будто бы въ Ахалъ-Теке были какіе-то особенные солдаты) и на нѣкоторыхъ лицъ менѣе всего виновныхъ въ неудачѣ, оскорбляли во мнѣ чувство справедливости и вынудили наконецъ воспользоваться знакомствомъ съ многоуважаемымъ В. В. Комаровымъ и описать вкратцѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» бой при Геокъ-Тепе и отступленіе нашего отряда.

Бой 28-го августа 1879 г., подъ стѣнами Геокъ-Тепе не есть пораженіе, не есть пятно на славномъ знамени русскаго войска. Въ двѣнадцати часовомъ бою горсть русскихъ солдатъ боролась съ тридцатитысячнымъ непріятелемъ, рѣшившимъ драться до послѣдней капли крови, поставившемъ въ свои ряды женъ и дѣтей, чтобъ въ льющейся ихъ крови находить поддержку своему мужеству,—въ этомъ бою русскій солдатъ не былъ хуже чѣмъ на Шипкѣ и на стѣнахъ Карса. Такъ же безъ мысли о себѣ и о далекой родинѣ умиралъ онъ беззавѣтно, такъ же честно исполнялъ свой долгъ. Поле сраженія осталось за нами, если же не удалось взять крѣпости, то объясненіе этого заключается въ поговоркѣ: «сила соломенку ломитъ»; хотя въ данномъ случаѣ соломенка эта только надтреснула отъ напора силы—одна треть отряда выбыла изъ строя. Если бы солдаты не отразили вылазки непріятеля, послѣ неудавшагося съ нашей стороны штурма, соломенка была бы сломана и уничтожена, — ни одинъ человѣкъ не вышелъ бы изъ оазиса. Мы отступили изъ подъ Геокъ-Тепе, чтобъ спасти себя отъ голодной смерти (такъ какъ съ двухдневнымъ запасомъ провіанта и фуража, не имѣя сообщенія съ тыломъ, осада была немыслима) и чтобъ спасти своихъ раненыхъ. Геокъ-тепинскій

бой не увѣнчался успѣхомъ,—но еще разъ подтвердилъ доблесть русскаго солдата.

Какъ сейчасъ помню, поразившій меня разговоръ съ фельдфебелемъ эриванскаго полка на первомъ привалѣ послѣ отхода изъ подъ Геокъ-Тепе. Увидѣвъ его, я подошелъ къ нему поздороваться. Онъ не отвѣтивъ на привѣтствіе, прямо высказалъ мнѣ то, о чемъ, повидимому, думалъ все время:

— «Эхъ, осрамились мы! Ужь лучше бы всѣмъ намъ остаться тамъ, лучше бы всѣмъ погибнуть, чѣмъ вернуться теперь цѣлыми въ штабъ квартиру...»

Я попытался утѣшить его сказавъ, что солдаты свято выполнили свой долгъ, что войска никто не попрекнетъ въ трусости и т. п.

— «Не то баринъ говоришь... прервалъ онъ меня. Гокъ-Тапы то мы не взяли... вотъ что! — и круто повернувшись отошелъ въ сторону, нежелая продолжать непріятный ему разговоръ.

Въ этомъ простомъ отвѣтѣ было глубокое сознаніе долга, какъ его понимаетъ русскій солдатъ: исполненіе его не заключается въ томъ, чтобъ сдѣлать все возможное, а въ томъ, чтобъ точно выполнить порученную ему задачу. Если ему поручатъ невозможное и онъ сдѣлаетъ все что было въ силахъ человѣческихъ, чтобъ выполнить это, — онъ все-же будетъ глубоко убѣжденъ, что *осрамился* если не доведетъ дѣла до конца и ему стыдно будетъ взглянуть на другихъ, онъ самъ себя будетъ укорять.

И на этихъ людей многіе сыпали упреки...—тѣ кто не имѣетъ понятія о нихъ.

Прошло со дня боя почти полтора года—Геокъ-Тепе въ рукахъ русскихъ, текинцы разбиты на голову. Я все поджидалъ,

что кто нибудь изъ участниковъ первой экспедиціи ознакомитъ общество съ нею и съ тѣмъ, что перенесъ нашъ отрядъ, съ непріятелемъ нашимъ, съ его страной и т. п. — и потому молчалъ. Но никто не рѣшился взять это на себя и видя, что экспедиція наша забудется прежде чѣмъ русское общество ознакомится съ ней, я взялъ на себя смѣлость выполнить, насколько силы позволятъ, эту трудную для меня задачу. Единственно, что поддерживаетъ меня, это надежда, что читатель снисходительно отнесется ко мнѣ и проститъ мнѣ, быть можетъ крайне неудачное, выполненіе принятаго на себя труда. Если въ мое описаніе вкрались неточности, то смѣю надѣяться, что товарищи мои по походу исправятъ ихъ, не осудивъ меня. — Я старался быть простымъ лѣтописцемъ, записавшимъ все, что удалось видѣть и слышать отъ другихъ, и старался, насколько возможно было, провѣрять все слышанное.

Къ приложенной къ описанію картѣ, мною составленной, я надѣюсь не отнесутся строго. Не будучи спеціалистомъ, быть можетъ скажутъ многіе, я не имѣлъ права взять на себя ея составленіе, но дѣло въ томъ, что вполнѣ вѣрной карты этого края не составилъ еще ни одинъ спеціалистъ, — рѣшившись же на это, я заботился только о доставленіи читателю возможности, хотя приблизительно, слѣдить по картѣ за движеніями нашего отряда по Туркменіи и Ахалу.

ГЛАВА I.

Принятіе рѣшенія экспедиціи противъ текинцевъ. — Стараніе отыскать причину этого событія. — Настоящая причина. — Рекогносцировки и походы русскихъ войскъ по туркменскимъ степямъ за послѣднее десятилѣтіе.— Отсутствіе какихъ либо свѣдѣній о текинскомъ оазисѣ и его обитателяхъ.— Избраніе Чекишляра базисомъ экспедиціоннаго отряда и причины этого.— Исторія Чекишляра. — Сообщеніе судовъ съ берегомъ. — Постройка пристани. — Расширеніе укрѣпленія. — Торговая часть Чекишляра. — Низменность берега; наводненія. — Почва и окрестности. — Бѣлый Бугоръ.

Въ началѣ 1879 года была рѣшена экспедиція противъ туркменскаго племени текинцевъ, населяющаго оазисъ Ахалъ-Теке, который простирается узкой полосой между сѣвернымъ склономъ хребта Копетъ-Дага и песками Кара-Кума. Экспедиція была задумана въ весьма широкихъ размѣрахъ; дѣятельныя приготовленія къ ней тотчасъ же начались и велись чрезвычайно секретно. Назначались части войскъ, заключались подряды и контракты, перевозились на ту сторону Каспія провіантъ, фуражъ, снаряды и т. п., переправлялись затѣмъ и войска, а въ Россіи еще никто не зналъ о новомъ походѣ. Первыя извѣстія объ ахалтекинской экспедиціи распространились въ обществѣ только въ половинѣ мая.

Естественно возникъ вопросъ о причинахъ ея; большинство впервые услышало имя племени, противъ котораго предпринималась экспедиція, незнало даже гдѣ находятся земли

имъ обитаемыя; но слыша о большихъ приготовленіяхъ и о назначеніи начальникомъ ея генералъ-адъютанта Лазарева, пріобрѣвшаго себѣ столь громкое имя въ послѣднюю войну, всѣ поняли, что задуманное дѣло, не есть обыкновенная степная экспедиція, какіе предпринимались чуть не ежегодно въ закаспійскомъ краѣ, а нѣчто болѣе серьезное.

Причинъ оказалось превеликое множество, но настоящей причины никто не произносилъ, а можетъ быть и нехотѣлъ сознавать.

Одни говорили, что причина экспедиціи и конечная цѣль ея—демонстрація противъ Англіи. Въ виду ожидаемаго занятія англичанами Кабула, необходимо, говорили они, предупредить дальнѣйшее движеніе ихъ на Гератъ, а достичь этого можно будетъ только приближеніемъ къ послѣднему, насколько возможно ближе, сильнаго русскаго отряда, да еще вдобавокъ поставленнаго подъ начальство генерала съ громкимъ именемъ. Но англичане лучше знали положеніе своихъ дѣлъ въ Афганистанѣ чѣмъ мы и, празднуя побѣды надъ Афганами, они съ первыхъ же шаговъ въ непріятельской странѣ поняли, что о Гератѣ имъ нечего и думать, распространяли же ложные слухи для того лишь, чтобъ въ случаѣ окончанія войны не встрѣтилось бы препятствій со стороны Россіи къ присоединенію къ индійскимъ владѣніямъ хотя-бы Кандагара.

Другіе увѣряли, что экспедиція противъ текинцевъ необходима для наказанія ихъ за набѣги на нашихъ подданныхъ Туркменъ: Іомудовъ, Гоклановъ, Джафарбайцевъ, Аттабаевцевъ и т. п.; что русское правительство не можетъ допустить, чтобъ дикія шайки грабили людей намъ преданныхъ; что если мы не заступимся за несчастныхъ, то они, въ концѣ концевъ, или обратятся къ защитѣ Персіи и такимъ образомъ нашъ *престижъ* будетъ подорванъ въ Средней Азіи, или же присоединятся къ текинцамъ и сообща съ ними будутъ нападать на насъ. Всѣ эти доводы кажутся неотразимо вѣскими и убѣдительными, но дѣло въ томъ, что во 1) всѣ эти племена находятся у насъ часто въ фиктивномъ подданствѣ,

а пожалуй даже и менѣе того; изъ 12 мѣсяцевъ года, въ нашихъ предѣлахъ многіе живутъ лишь 4, остальное же время пребываютъ на персидской территоріи; во 2) дань платятъ не намъ, а персамъ; въ 3) преданность ихъ заключается лишь въ томъ, что они готовы за хорошую плату доставлять намъ верблюдовъ и принимать старшинъ назначаемыхъ нашими властями изъ ихъ же среды, причемъ признаютъ за ними только званіе, а продолжаютъ подчиняться своимъ выборнымъ аксакаламъ; въ 4) эти несчастные и сами нападаютъ на текинцевъ при всякомъ удобномъ случаѣ; въ 5) они никогда не предадутся персамъ, потому, что не вѣрятъ ихъ могуществу и хорошо знаютъ, что текинцевъ персы боятся и не въ силахъ съ ними справиться, и, наконецъ, въ 6) племена эти никогда не присоединятся къ текинскому, что нетрудно заключить изъ того, что страдая постоянно отъ набѣговъ текинцевъ, они тѣмъ не менѣе немогутъ, вслѣдствіе вражды между собой, соединиться для общаго отпора врага. Текинцевъ же они считаютъ своими злѣйшими врагами.

Наконецъ третьи доказывали, что текинцевъ необходимо покорить потому, что они препятствуютъ установленію правильной караванной торговли между Хивой и Красноводскомъ. Таковой никто и не пытался никогда установить.

Причина движенія нашего въ Текинскій оазисъ, и причина единственная, есть наше сосѣдство съ ними, сосѣдство цивилизованнаго государства съ нецивилизованнымъ, которое на основаніи историческаго закона должно всегда и вездѣ кончаться полнымъ подчиненіемъ послѣдняго первому. Какъ бы ни были плохи наши финансы, какъ бы ни были намъ дороги русская кровь и милліоны рублей, историческій законъ неумолимъ и мы должны подчиниться его требованіямъ и можемъ лишь отдалить событіе, но не устранить его. Покоривъ Ташкентъ мы не могли быть непосредственными сосѣдями Кокана и Хивы; не по своей волѣ мы заняли Кульджу, не изъ-за честолюбивыхъ завоевательныхъ стремленій подчинимъ себѣ Текинскій оазисъ, а за нимъ Мервъ и Бухару. Будутъ ли къ намъ относиться

Мервцы враждебно, а бухарцы дружественно, это безразлично, — рано или поздно они должны будутъ, несмотря на все нежеланіе даже съ нашей стороны, подпасть подъ нашу власть и подчиниться нашей культурѣ. Задачи Россіи и Англіи на востокѣ сходны и эти государства въ концѣ концовъ должны сдѣлаться въ Азіи непосредственными сосѣдями.—

Русскимъ войскамъ расположеннымъ въ закаспійскомъ военномъ отдѣлѣ, при полученіи извѣстія о снаряженіи новой экспедиціи, не впервые пришлось готовиться къ выступленію въ степной походъ. На этотъ разъ только ихъ оказалось очень мало и они должны были послужить, такъ сказать кадрами для формируемаго экспедиціоннаго отряда.

Походы по закаспійскимъ степямъ были совершаемы нашими отрядами въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ чуть не ежегодно, причемъ нѣкоторые изъ нихъ ходили даже въ текинскій оазисъ.

Такъ въ 1870 году, въ ноябрѣ и декабрѣ, полковникъ Столѣтовъ съ небольшимъ отрядомъ прошелъ отъ Красноводска до Кизилъ-Арвата, т. е. до пункта отъ котораго начинается оазисъ.

Въ 1871 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ русскіе впервые заняли аулъ Чекишляръ.

Въ 1872 г. тотъ же полковникъ Столѣтовъ съ отрядомъ въ 1,700 человѣкъ выступилъ по старому руслу Аму-Дарьи, прошелъ до колодцевъ Игды, затѣмъ посѣтилъ аулы текинцевъ Казилъ-Арватъ, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ и Кодисъ, Заау, Кизилъ-Чешме, Бами и Беурму и переваливъ черезъ Копетдагскій хребетъ, спустился по берегамъ Сумбара и Атрека, до Чикишляра, совершивъ походомъ 3,000 верстъ, изъ числа которыхъ 1,600 верстъ пути были обрекогносцированы въ первый разъ.

Въ 1873 г., въ февралѣ и мартѣ, красноводскій отрядъ въ составѣ 1880 человѣкъ ходилъ за Атрекъ въ земли Іомудовъ и Гокленовъ съ цѣлью пріобрѣтенія въ кочевьяхъ ихъ верблюдовъ, для готовившагося тогда похода на Хиву.

До 1878 года небольшіе рекогносцировочные отряды ходили во всѣхъ направленіяхъ по туркменской степи. Въ этомъ же году генералъ-майоръ Ломакинъ ходилъ лично во главѣ отряда, въ составъ котораго вошли 2 батальона ширванскаго полка, 4 сотни лабинскаго казачьяго и 8 орудій, до Хаджи-Кала и здѣсь разрушилъ текинскую крѣпость.

Казалось бы, что естественнымъ результатомъ всѣхъ этихъ походовъ и рекогносцировокъ должно было быть полное знакомство съ туркменскими племенами вообще и съ текинцами, какъ самымъ сильнымъ изъ нихъ въ особенности, но между тѣмъ ничего подобнаго не было и мы, не смотря на желаніе узнать съ какого рода врагомъ намъ прійдется имѣть въ предстоящей экспедиціи дѣло, не могли рѣшительно найти во всемъ отрядѣ человѣка, который бы имѣлъ объ Ахалѣ и его обитателяхъ сколько либо точное понятіе и представленіе; на картахъ же генеральнаго штаба текинскій оазисъ обозначался въ видѣ чистой бумаги раздѣленной градусами широты и меридіанами. Войска лишь знали противъ кого идутъ, но не знали съ кѣмъ прійдется имѣть дѣло.

При составленіи плана Ахалъ-Текинской экспедиціи возникъ естественно, вопросъ, откуда направить экспедиціонный отрядъ изъ Красноводска, или изъ Чекишляра? Первый имѣлъ за собой весьма важное преимущество, заключавшееся въ удобствѣ разгрузки и нагрузки судовъ, т. к. послѣднія могли бы въ немъ подходить къ самой пристани; кромѣ того разгрузка производилась-бы безостановочно, вслѣдствіе того, что Красноводскій заливъ вполнѣ защищенъ отъ вѣтровъ и бурь, и благодаря этому войска и грузъ могли бы быстрѣе доставляться съ Кавказа. Всѣхъ этихъ качествъ не имѣлъ за собой Чекишляръ, ибо вслѣдствіе отсутсвія, какой бы то ни было гавани, суда должны останавливаться на рейдѣ, ничѣмъ не защищенные отъ бурь и вдобавокъ, по причинѣ мелководія, на разстояніи 5 верстъ отъ берега, а затѣмъ уже перегружать весь грузъ на туркменскія лодки. Это неудобство было весьма существенно, тѣмъ болѣе, что туркменскія лодки такъ-же не

могли подходить на полъ версты къ берегу и съ нихъ весь грузъ приходилось перетаскивать на рукахъ, лошадей же прямо бросать въ воду. За то съ другой стороны движенiе отряда изъ Чекишляра представляло за собою ту выгоду, что при всемъ движенiи до Текинскаго оазиса отрядъ не будетъ нуждаться въ водѣ, т. к. на всемъ пути самый большой безводный переходъ (отъ Теръ-Сахана до Хаджи-Кала) заключаетъ въ себѣ всего лишь 46 верстъ; тогда какъ идя въ оазисъ изъ Красноводска на Кизилъ-Арватъ войска встрѣтили бы на пути два большихъ безводныхъ пространства, одно въ 70, другое въ 130 верстъ. Избранiю Чекишляра базисомъ экспедицiи способствовало немало и то обстоятельство, что благодаря близости населенныхъ и плодородныхъ провинцiй Персiи, наше правительство разсчитывало на легкое обезпеченiе экспедицiоннаго отряда фуражемъ, продовольствiемъ и верблюдами. Разсчетъ былъ вполнѣ вѣренъ и намъ конечно, не пришлось бы претерпѣть многаго во время похода, да пожалуй и весь результатъ экспедицiи былъ бы иной, но надежды эти не оправдались. Причины этого мнѣ достовѣрно неизвѣстны, но въ отрядѣ у насъ говорили всѣ, что персидское правительство обѣщало свое содѣйствiе и сдержало бы обѣщанiе, еслибъ въ дѣло не вмѣшалась англiйская интрига направленная противъ насъ при дворѣ шаха. Подрядчики провiанта, фуража и верблюдовъ были уже законтрактованы въ Персiи и получили задатки, какъ вдругъ пришло изъ Тегерана, неожиданное распоряженiе воспрещавшее всякiя сношенiя съ отрядомъ; вдоль границы усилили кордонъ и, взамѣнъ ожидаемыхъ верблюдовъ, фуража и правiанта, генералу Лазареву были отосланы назадъ деньги выданныя имъ впередъ; лишь нѣсколько десятковъ верблюдохозяевъ пробрались тайкомъ черезъ границу и присоединились къ намъ.

Чекишляръ, небольшой аулъ туркменъ-iомудовъ, расположенный въ южной части восточнаго берега Каспiйскаго моря, до 1871 года заключалъ въ себѣ лишь небольшое число кибитокъ; обитатели его вмѣстѣ съ жителями сосѣднихъ побережныхъ ауловъ промышляли, главнымъ образомъ, морскимъ

грабежомъ вдоль персидскихъ береговъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ этого года русскіе впервые заняли этотъ пунктъ, полагая что владѣя имъ, легче будетъ пріобрѣтать верблюдовъ у сосѣднихъ племенъ. По окончаніи Хивинскаго похода Чекишляръ былъ покинутъ нашими войсками и послѣ того былъ снова занимаемъ ими нѣсколько разъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, во время производившихся рекогносцировокъ по р. Атреку. Наконецъ 20 Сентября 1878 года онъ былъ въ полѣдпій разъ занятъ рекогносцировочномъ отрядомъ генерала Ломакина и окончательно удержанъ за нами. Съ этихъ поръ Чекишляръ изъ простаго аула превратился въ небольшое укрѣпленіе съ постояннымъ гарнизономъ.

Съ избраніемъ Чекишляра мѣстомъ средоточія Ахалъ-Текинскаго экспедиціоннаго отряда, онъ быстро сталъ разростаться. Усиленная работа закипѣла еще съ Апрѣля мѣсяца. Для перевозки войскъ и грузовъ были законтрактованы суда пароходнаго общества «Кавказъ и Меркурій» и вотъ пароходъ за пароходомъ начали привозить въ Чекишляръ войска, провіантъ, доски, балки и всякій грузъ. Съ судовъ все перевозилось на берегъ при посредствѣ туркменскихъ лодокъ. Число этихъ лодокъ было весьма ограничено—около 40 и за каждый рабочій день хозяинъ ея получалъ 2 р., а за не рабочій по рублю, Такой способъ перевозки груза и пассажировъ былъ въ высшей степени неудобенъ, такъ какъ все зависѣло отъ состоянія моря и погоды; въ бурную погоду сообщеніе на лодкахъ прекращалось, въ тихую—тоже самое; иногда же по нѣсколько дней сряду стояла мертвая зыбь или штиль и приходилось ждать у моря погоды, стоя на рейдѣ. За то, бывало, при спокойномъ морѣ и небольшомъ вѣтрѣ, работа кипитъ усиленно и сотни людей были заняты нагрузкой и разрузкой, тасканьемъ кулей и всевозможныхъ тяжестей. Кромѣ лодокъ имѣлся въ Чекишлярѣ барказъ и небольшой пароходъ «Араксъ», совершавшій рейсы между пристанью и прибывавшими пароходами и шхунами, въ тѣ дни когда лодки бездѣйствовали, и перевозившій лишь почту и пассажировъ. Первымъ дѣломъ было

приступлено къ постройкѣ пристани, къ которой могли бы свободно подходить туркменскія лодки, чтобъ избавить поскорѣй несчастныхъ солдатъ, вынужденныхъ цѣлый день таскать на себѣ грузъ съ лодокъ на берегъ, подъ палящимъ солнцемъ, находясь по поясъ въ водѣ; работа эта быстро подвигалась впередъ. На берегу, въ самомъ Чекишлярѣ, выростали одинъ за другимъ кое-какъ сколоченные балаганчики разныхъ торговцевъ; скоро торговая часть укрѣпленія значительно разрослась и появились три улицы. Сообразно съ прибытіемъ частей войскъ увеличивался и самъ Чекишляръ. На мѣстѣ, гдѣ еще наканунѣ не было ничего кромѣ песку и ракушекъ, внезапно выростало, съ приходомъ какой либо части, множество палатокъ и кибитокъ и появлялась новая улица или переулокъ. Съ прибытіемъ всѣхъ предназначенныхъ въ составъ экспедиціоннаго отряда войскъ, Чекишляръ разроссяя до весьма порядочныхъ размѣровъ, раскинувшись вдоль морскаго берега почти на 3 версты. Поперегъ всего укрѣпленнаго лагеря, параллельно берегу шла довольно широкая улица, которую въ шутку стали величать Ахалъ-Текинскимъ проспектомъ.

Въ центрѣ лагеря, города или укрѣпленія (всѣ эти названія одинаково примѣнялись къ Чекишляру), въ формѣ подковы, концами обращенной къ морю, раскинулись кибитки штаба, а посреди стояла ставка командующаго отрядомъ генералъ-адъютанта Лазарева; позади ея находилась сторожевая вышка, на верху которой развѣвался русскій національный флагъ, а на площадкѣ ея у флагштока день и ночь стоялъ часовой. Къ сѣверу былъ расположенъ лагерь казаковъ, конной артиллеріи и драгунъ, по среди его стояла отдѣльно кибитка начальника кавалеріи; позади штаба расположилась часть пѣхоты. Къ югу, ближе къ морю, отдѣленная отъ штаба дорогой идущей отъ пристани къ интендантскимъ складамъ, раскинулась торговая и промышленная часть Чекишляра, состоявшая изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, балагановъ и кибитокъ. Постройки эти образовали двѣ улицы и набе-

режную; между ними особенно рѣзко выдавались двѣ: домъ армянина Оганеса, содержавшаго ресторанъ, въ которомъ былъ, даже, небольшой билліардъ и домъ мѣщанина Данилова, слывшаго подъ именемъ Кузмича, торговавшаго всѣмъ чѣмъ хотите, преимущественно же яствами и питіями. — На набережной стояла кибитка, въ которой находился Чекишлярскій Борель, ресторанъ содержавшійся M-lle Pauline Lalligont, бойкой француженкой не первой молодости, хотя съ большими претензіями, кокетничавшей со всѣми, и обиравшей немилосердно ловеласовъ. Позади торговой части были расположены провіантскіе магазины и интендантскіе склады. За торговой частью разбился вдоль берега лагерь пѣхоты и колесный обозъ.

Торговля въ Чекишлярѣ шла весьма бойко, несмотря на то что цѣны на все были довольно высоки. За то мы имѣли все что нужно подъ рукой; тутъ былъ и портной и часовыхъ дѣлъ мастеръ и фотографъ (пріѣзжавшій на нѣсколько недѣль) и даже ювелиръ. Мы имѣли и Бореля (Pauline) и въ своемъ родѣ Палкина (Оганеса), бравшаго за порцію огуломъ всего лишь по 30 копѣекъ; были и попроще съѣстные лавки, осаждаемыя всегда солдатами; на базарѣ можно было купить все, что только можетъ понадобиться въ походной жизни. Большинство торговцевъ — были армяне и лишь небольшое число русскихъ, какъ тѣ такъ и другіе быстро наживались и расширяли свою торговлю. По временамъ пріѣзжали жители аула Гассанъ-Кули, находившагося въ 16 верстахъ къ югу отъ Чекишляра и населеннаго Туркменами - Джафарбайцами, и привозили для продажи ковры, палласы, дыни, чуреки, лаваши и верблюжье молоко. Изъ всѣхъ товаровъ, предлагаемыхъ торговцами, наибольшій спросъ былъ на сельтерскую воду и лимонадъ газесъ; число потребителей было весьма велико, благодаря сильной жарѣ, ежеминутно возбуждавшей жажду, и дурному качеству простой воды. По всему лагерю валялись по землѣ въ изобиліи бутыльки отъ лимонаду и сельтерской воды, изъ которыхъ солдатики наши извлекали себѣ пользу, дѣлая изъ нихъ стаканы.

Берегъ на которомъ раскинулся Чекишляръ чрезвычайно низокъ и нерѣдко, во время сильныхъ бурь при вѣтрѣ съ моря, заливается на большое пространство водою. Такъ по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ въ 1855 году было сильное наводненіе, затопившее всѣ окрестности на 17 верстъ. Къ счастію для нашего отряда, за все время экспедиціи было лишь два наводненія, 7 и 11-го Іюня, затопившія на короткое время часть лагеря. Первое наводненіе произошло, совершенно неожиданно для всѣхъ, среди темной ночи, когда весь лагерь былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Переполохъ былъ ужасный; особенно въ кавалерійскомъ лагерѣ, гдѣ лошади посрывались съ коновязей и разбѣжались во всѣ стороны, опрокидывая палатки и все что попадалось на пути.

Почва въ Чекишлярѣ и его окрестностяхъ состоитъ изъ рыхлаго крупнаго песку, перемѣшаннаго съ массой мелкихъ морскихъ раковинъ; мѣстами же попадаются довольно обширные солончаки, Всюду, куда ни бросишь взоръ, не видно ни малѣйшаго признака зелени и это производитъ какое то тяжелое впечатлѣніе на непривычнаго человѣка; однообразный сѣровато-желтый колоритъ всей мѣстности дѣйствуетъ раздражительно на нервы. Не веселы окрестности Чекишляра, — съ одной стороны синевато-зеленое море, съ другой песчаная пустыня. Единственная возвышенность, Бѣлый Бугоръ, находится въ 12 верстахъ съ Сѣверу отъ укрѣпленія; это довольно высокій (около 300 ф.) известковый холмъ, считавшійся прежде пограничнымъ пунктомъ между Россіей и Персіей.

ГЛАВА II.

Медленность перевозки войскъ и всего необходимаго для экспедиціи. — Составъ отряда. — Прибытіе въ Чекишляръ генералъ адъютанта Лазарева и отряда „Краснаго Креста". — Выступленіе авангарда. — Попытка направить Атрекъ по старому руслу. — Заботы начальника отряда объ устройствѣ складовъ и обоза. — Конно-желѣзная дорога. — Пріобрѣтеніе верблюдовъ; злоупотребленія. — Случай съ полковникомъ Навроцкимъ. — Наемъ верблюдовъ помѣсячно. — Хитрости верблюдохозяевъ. — Исторія съ верблюжьими хвостами. — Колесный обозъ. — Полевая почта; отдѣленія ея и дѣятельность. — Туркмены почтальоны.

Въ апрѣлѣ, какъ я уже упомянулъ выше, началась перевозка войскъ и всего необходимаго для экспедиціи. Съ этой цѣлью правительство заключило контрактъ съ обществомъ «Кавказъ и Меркурій», отдавшимъ въ полное его распоряженіе всѣ свои суда, за исключеніемъ пароходовъ, совершающихъ срочные рейсы между портами Каспійскаго побережья, хотя на нихъ подвозились иногда грузы и части войскъ. Неудобство разрузки въ Чекишлярѣ сильно тормозило дѣло и влекло за собой массу безполезныхъ издержекъ для правительства, въ видѣ платы пароходамъ за простойные дни и т. п., да кромѣ того приходилось откладывать и самый походъ на неопредѣленное время. Въ то время, когда въ Петербургѣ всѣ предполагали, что экспедиціоный отрядъ уже выступилъ изъ Чекишляра, онъ еще не былъ весь и перевезенъ даже туда. Конечно тутъ винить не кого, ибо главной причиной медленности перевозки войскъ и всего необходимаго для экспе-

диціи было недостаточное число судовъ, которыми можно было воспользоваться для этой цѣли. Такъ или иначе, но дѣло медленно подвигалось впередъ, несмотря на всю энергію генерала Лазарева и только въ концѣ Іюня всѣ войска, предназначенныя въ составъ Ахалъ-Текинскаго экспедиціоннаго отряда, сосредоточились въ Чекишлярѣ. Принимая во вниманіе размѣры русскихъ отрядовъ, совершавшихъ походы въ Средней Азіи, нашъ отрядъ, казалось, былъ очень великъ; въ составъ его вошло 16 батальоновъ пѣхоты (по мирному положенію), 18 сотень и 2 эскадрона кавалеріи, 26 орудій, ракетная баттарея и рота саперъ.. Весь цвѣтъ кавказской арміи былъ на лицо; лучшіе полки доблестной кавказской арміи имѣли тутъ своихъ представителей: Лейбъ-Эриванскій, Грузинскій гренадерскій, Кабардинскій, Ширванскій, Куринскій, Апшеронскій, Дагестанскій, Ахалцыхскій, Навагинскій и Александропольскій полки, выслали своихъ отборнѣйшихъ солдатъ въ экспедицію. Кавказская кавалерія, регулярная и иррегулярная, терское и кубанское войска, тоже имѣли своихъ представителей въ лицѣ: дивизіона Переяславскаго драгунскаго полка, 6 сотень Дагестанскаго Конно-Иррегулярнаго полка, 2 с. Волжскаго, 4 с. Таманскаго, 4 с. Полтавскаго и 2 с. Лабинскаго, казачьихъ полковъ. Артиллерія также была всѣхъ трехъ родовъ: пѣшая, конная и горная; имѣлась и ракетная батарея, на которую возлагались большія надежды. Однимъ словомъ отрядъ былъ образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. И кто бы повѣрилъ тогда, что отрядъ этотъ не въ состояніи будетъ выполнить возложенную на него задачу, которая всѣмъ казалась до такой степени легко достижимой и пустячной; невозможно было допустить даже, что отрядъ этотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ поспѣшно отступать предъ безпорядочными толпами полудикихъ сыновъ Ахала, передъ *халатниками*, какъ ихъ съ презрѣніемъ всѣ называли. Дѣйствительно меньше всего мы могли ожидать этого. Опытность и неоднократно доказанныя на дѣлѣ военныя способности

генерала Лазарева, составившаго себѣ громкую славу, казались порукой за успѣхъ экспедиціи и всѣ этому твердо вѣрили...

1-го Іюля командующій Ахалъ-Текинскимъ экспедиціоннымъ отрядомъ, генералъ-адъютантъ И. Д. Лазаревъ выѣхалъ со штабомъ изъ г. Баку и на слѣдующій день прибылъ въ Чикишляръ. Нѣсколько дней спустя прибылъ туда же санитарный отрядъ Краснаго Креста съ уполномоченнымъ г. Сараджевымъ, двумя докторами и 9-ю санитарами; отрядъ этотъ привезъ съ собой около 500 пудовъ разныхъ вещей, лекарствъ и госпитальныхъ принадлежностей. Тотчасъ же околотки всѣхъ частей войскъ были снабжены всѣмъ необходимымъ, на 12 кроватей каждый, и кромѣ того къ 17 Іюня было открыто въ Чекишлярѣ отдѣленіе Краснаго Креста на 200 кроватей и такое же отдѣленіе, вслѣдъ за симъ, выступило въ Чатъ для устройства тамъ госпиталя.

По прибытіи въ отрядъ, генералъ Лазаревъ, сдѣлавъ смотръ войскамъ, рѣшилъ немедленно выслать впередъ авангардъ, главнымъ образомъ, для разработки пути въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это окажется необходимымъ, устройства спусковъ къ Атреку и Сумбару, рытья колодцевъ и т. п. Въ составъ авангарда вошли 3 батальона пѣхоты, 5 сотень кавалеріи и 2 горныхъ орудія и начальникомъ его былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій. 6-го Іюня авангардъ выступилъ изъ Чекишляра и направился въ Чатъ. Въ слѣдъ за симъ начальникъ отряда поручилъ полковнику Шелковникову уничтожить плотину возведенную на р. Атрекѣ туркменами-аттабаевцами у Бенда и направить теченіе этой рѣки въ старое русло; благодаря сочуствію заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ Гассанъ-Кулинцевъ, выставившихъ около 1,000 рабочихъ рукъ, дѣло это было весьма скоро исполнено, хотя и не удалось вполнѣ, т. к. вода, пройдя нѣкоторое постранство по старому руслу, залила низменныя мѣстности, но все же не дошла до моря, т. е. до стараго устья рѣки. Отчасти объясняли это тѣмъ, что аттабаевцы, оставшіеся безъ воды, отвели ее снова въ нѣсколькихъ мѣстахъ повыше Бенда.

Главной заботой генерала Лазарева было устройство ар-

тиллерійскихъ и провіантскихъ складовъ и пріобрѣтеніе верблюдовъ, катеровъ и лошадей для обоза. Однакожъ, несмотря на всѣ старанія и энергію, дѣло это, встрѣтивъ на первыхъ же порахъ множество препятствій, затянулось и сразу всѣмъ стало очевиднымъ, что отряду нашему долго прійдется ждать у моря погоды и сидѣть безъ дѣла въ Чекишлярѣ. Причины мѣшавшія устройству складовъ съ достаточнымъ количествомъ провіанта, фуража и т. п., необходимыхъ для обезпеченія въ этомъ отношеніи всего отряда, заключались, во первыхъ: въ недостаточности морскихъ перевозочныхъ средствъ; во вторыхъ, въ медленности, неудобствѣ разгрузки и зависимости ея отъ погоды и въ третьихъ въ томъ, что привозимый провіантъ и фуражъ почти весь тотчасъ же истреблялся войсками и только небольшой излишекъ попадалъ въ склады. Какъ я упоминалъ выше, для облегченія разгрузки была устроена пристань, выдвинувшаяся на полъ ворсты въ море; вслѣдъ за этимъ вскорѣ провели съ конца этой пристани до интендантскихъ складовъ рельсовый путь, благодаря чему трудъ солдатъ назначаемыхъ для разгрузки былъ значительно облегченъ и само дѣло быстрѣе стало подвигаться впередъ. Что же касается составленія обоза, то и тутъ дѣло вышло далеко не легкое; верблюдовъ приходилось разыскивать по туркменскимъ кочевьямъ и ауламъ, разбросаннымъ на огромномъ пространствѣ; въ Чекишляръ ихъ приводили со всѣхъ концовъ Закаспійскаго моря, отъ границъ Персіи и до Мангышлака включительно. Какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и тутъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ злоупотребленій; нашлись среди лицъ, которымъ были поручаемы командировки за верблюдами, разные господа заботившіеся лишь о набитіи собственныхъ кармановъ презрѣннымъ металломъ и приводившіе, зачастую, вмѣсто числа показаннаго въ отчетѣ лишь половину его, ссылаясь на то, что другая часть верблюдовъ попадала въ дорогѣ. И что за верблюдовъ приводили они: худыхъ, чахлыхъ, да вдобавокъ еще не пригодныхъ, сплошь да рядомъ, къ вьюку за молодостью или слабостію спины. Впрочемъ гене-

ралъ Лазаревъ сразу положилъ предѣлъ такому злоупотребленію и безо всякой церемоніи выгналъ самыхъ безцеремонныхъ изъ этихъ господъ вонъ изъ Чекишляра... Плата за верблюдовъ колебалась между 75 и 125 руб. Справедливость заставляетъ сказать, что нѣкоторыя изъ пригоняемыхъ партій не оставляли желать ничего лучшаго. Лучшія партіи верблюдовъ были доставлены полковникомъ Навроцкимъ, обошедшимъ съ небольшой колонной кочевья Аттабаевцевъ и Джафарбайцевъ.

Съ нимъ произошелъ слѣдующій случай, характеризующій честность туркменъ: по возвращеніи въ Чекишляръ полковникъ увидалъ, что переплатилъ 940 серебряныхъ рублей, но гдѣ и когда, онъ положительно не могъ припомнить. Приходилось заплатить изъ собственнаго кармана всю недостающую сумму, какъ вдругъ явился въ лагерь туркменъ и представилъ полностью 940 рублей, которые ему по ошибкѣ переплатили за верблюдовъ.

Кромѣ верблюдовъ, пріобрѣтаемыхъ для отряда въ полную собственность, были еще и нанимаемые по мѣсячно; за такихъ верблюдовъ платили по 15 рублей въ мѣсяцъ, причемъ на каждые 6, 7 верблюдовъ полагался одинъ туркменъ, которыхъ у насъ и называли верблюдчиками; они получали отъ казны продовольствіе и кромѣ того 15 рублей жалованья въ мѣсяцъ и обязаны были смотрѣть и ухаживать за верблюдами. Старшіе верблюдчики назывались караванъ-баши и составляли родъ ближайшаго начальства верблюдчиковъ. Въ случаѣ если какой либо верблюдъ, изъ числа нанятыхъ для отряда, падалъ отъ той или другой причины безразлично, хозяину его немедленно выдавалось 100 рублей вознагражденія. Въ виду этого нѣкоторые изъ верблюдохозяевъ пустились на разныя хитрости; уведетъ бывало ночью съ пастбища одного, двухъ верблюдовъ и спрячетъ, гдѣ либо въ сторонѣ, а на другой день явится съ печальной физіономіей къ завѣдующему транспортной частью и объявитъ, что вотъ де молъ несчастіе случилось — верблюдъ палъ; ну, и получитъ свои деньги. Однакожъ эти продѣлки вскорѣ открылись и вотъ, придумали

слѣдующій оригинальный способъ контроля въ дѣйствительной гибели животнаго: туркменамъ - хозяевамъ объявили, чтобы они въ случаѣ паденія верблюда отрубали ему хвостъ по основаніе и таковой представляли въ штабъ, какъ бы взамѣнъ удостовѣренія ближайшаго полицейскаго начальства. Вдругъ начали замѣчать, что какъ-то ужь больно много стало предъявляться этихъ документальныхъ хвостовъ, и первое время только дивились отчего это открылся падежъ среди наемныхъ верблюдовъ, тогда, какъ среди казенныхъ, находящихся въ совершенно одинаковыхъ съ ними условіяхъ, случаи падежа чрезвычайно рѣдки. А между тѣмъ радужныя бумажки одна за другой быстро переходили въ руки туркменъ. Наконецъ дѣло случайно открылось и оказалось, что никакого падежа нѣту и не было, а просто хитрые сыны степей отрубали хвосты у живыхъ верблюдовъ, представляли ихъ по начальству и получали деньги. Нѣкоторые изъ верблюдохозяевъ, опасаясь отвѣтственности, нетрогали своихъ верблюдовъ, а ѣздили за хвостами въ Гассанъ-Кули и тамъ покупали ихъ, конечно за хорошую плату, не объявляя цѣли покупки. Какъ разсказывали мнѣ, первое время гассанъ-кулинцы никакъ немогли себѣ объяснить къ чему это у нихъ скупаютъ товаръ, возможность существованія котораго имъ и въ голову никогда не приходила, и нѣкоторые изъ нихъ вывели заключеніе, что верблюжьи хвосты употребляются русскими, какъ самое лакомое блюдо и что вѣроятно, верблюдчики покупаютъ ихъ по порученію какихъ нибудь армянъ-торговцевъ, поставляющихъ ихъ русскимъ сердарямъ, т. е. высшимъ военачальникамъ; узнавъ же впослѣдствіи истину, они сразу подняли цѣну этому товару.— Кромѣ верблюдовъ (число ихъ простиралось до 11,000) были пріобрѣтены для вьючнаго обоза катера и былъ составленъ отряднымъ подрядчикомъ Коргановымъ, колесный обозъ состоявшій изъ 1,500 арбъ и 1,700 лошадей, причемъ на каждыя пять арбъ полагался одинъ погонщикъ, получавшій продовольствіе и 20 рублей въ мѣсяцъ.

Первое время при отрядѣ не было полевой почты, что

составляло большое неудобство, такъ какъ для того, чтобы послать письмо, приходилось искать кого либо, отправлявшагося въ Баку или же ждать прихода почтоваго парохода, которые приходили два раза въ мѣсяцъ, и самому отвозить его на туркменской лодкѣ Впослѣдствiи была открыта полевая почта, причемъ главная контора ея находилась въ Чекишлярѣ, а отдѣленiя въ Чатѣ, Дузъ-Олумѣ и Теръ-Саханѣ. Что сказать объ ея дѣятельности? Дѣйствовала такъ, какъ и всѣ полевыя почты; болѣе аккуратно доставлялись заказныя письма, простыя же,— изъ трехъ писемъ одно пропадало, одно доставлялось и одно ждало въ Чекишлярѣ возвращенiя изъ похода лица, которому было адресовано; да и то его можно было получить лишь въ томъ случаѣ, если хватало терпѣнья самому пересмотрѣть два три ящика съ накопившимися письмами. Сообщенiе почтовое совершалось при посредствѣ туркменъ-милицiонеровъ, которые перевозили почту на себѣ въ кожанныхъ сумкахъ, дѣлая на своихъ превосходныхъ и неутомимыхъ лошадяхъ отъ 80 до 100 верстъ въ сутки. За доставку почты въ цѣлости, милицiонеръ получалъ, сверхъ жалованья, довольно большое вознагражденiе, какъ я слыхалъ, 100 рублей (впрочемъ, за цифру суммы вознагражденiя не ручаюсь); но надо имъ отдать справедливость, всѣ они исполняли свои обязанности весьма добросовѣстно, такъ что за все время похода былъ только одинъ случай исчезновенiя почтальона, бросившаго сумку съ почтой на дорогѣ и бѣжавшаго къ текинцамъ; сумку эту нашли проѣзжавшiе казаки и доставили ее къ мѣсту назначенiя. Нерѣдко приходилось этимъ импровизированнымъ почтальонамъ съ опасностью жизни провозить почту, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ горахъ, текинцы устраивали засады и неожиданно нападали на проѣзжавшихъ. Такимъ образомъ было убито нѣсколько проѣзжихъ торговцевъ, пробиравшихся къ авангарду и разграблена почта, шедшая изъ Теръ-Сахана въ Хаджи-Кала.

ГЛАВА III.

Болѣзни въ отрядѣ.—Причины развитія ихъ.—Колодцы; свойства воды.—Жара.— Бичь Чекишляра—мухи.—Однообразіе лагерной жизни.—Первое извѣстіе о текинцахъ. — Офицерская скачка. — Приготовленія къ выступленію.—Болѣзнь генерала Лазарева.—Снаряженіе пѣхоты и выступленіе колонны графа Борха; составъ ея.—Снаряженіе кавалеріи.—Неумѣніе людей обращаться съ верблюдами.—Положеніе этихъ животныхъ во время похода.

Вскорѣ по прибытіи войскъ въ Чекишляръ стали появляться больные; число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Среди отряда стали свирѣпствовать двѣ болѣзни: воспаленіе глазъ и поносъ, переходившій зачастую въ диссентерію; причины обѣихъ болѣзней заключались чисто въ мѣстныхъ условіяхъ, а именно: первая происходила вслѣдствіе мелкой раковинной пыли, подымаемой часто дующими здѣсь юго-западными вѣтрами, во время которыхъ цѣлыя облака ея заносили весь лагерь, проникая внутрь палатокъ и кибитокъ, вторая—благодаря дурнымъ свойствамъ воды. Дѣло въ томъ, что ни въ Чекишлярѣ, ни въ ближайшихъ его окрестностяхъ не было постояннаго колодца, который могъ бы снабжать водой экспедиціонный отрядъ; но за то въ любомъ мѣстѣ берега достаточно было вырыть яму въ аршинъ, а подальше отъ берега въ два аршина глубины, чтобы получить колодезь съ довольно сносной для питья водой, превосходящей по своимъ качествамъ даже бакинскую; но вся бѣда въ томъ, что черезъ сутки вода въ этихъ колодцахъ становилась соленоватой, а черезъ три дня

положительно вредной для здоровья и совершенно портилась. Тѣмъ не менѣе, не смотря даже на неоднократныя приказанія высшаго начальства рыть колодцы каждый день, солдаты пили воду изъ колодцевъ, вырытыхъ за шесть и за семь дней, а гдѣ былъ и болѣе строгій присмотръ, все же пользовались колодцами не менѣе трехъ дней. Солдаты предпочитали пить соленоватую и даже немного попортившуюся воду, чѣмъ рыть ежедневно подъ знойными лучами солнца колодцы. Чтобы заставить солдатъ пить поменьше сырой воды и этимъ ослабить дурныя послѣдствія, проистекающія изъ этого, имъ выдавались въ достаточномъ количествѣ чай и сахаръ и разрѣшено было варить его себѣ во всякое время, когда вздумается; послѣднее, врочемъ, сильно ограничивалось тѣмъ, что на каждую часть выдавалось весьма скромное количество дровъ, а помимо этого горючаго матеріала, солдату невозможно было нигдѣ и достать другого. Былъ однажды такой случай, что не хватило въ отрядѣ дровъ, а изъ Баку своевременно не подвезли ихъ, и благодаря этому всѣ войска дней десять оставались безъ горячей пищи; нечего и говорить о томъ, какъ это отозвалось на ихъ здоровьи.

Въ теченіи двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ жизнь въ отрядѣ была невыносима. Жара, доходившая до 44° по Реомюру, пыль, соленая вода, съ одной стороны, скука, бездѣйствіе, неизвѣстность, съ другой, мучили всѣхъ и дѣлали жизнь несносной; ко всему этому слѣдуетъ еще добавить, злѣйшій бичъ Чекишляра,— мухъ. Нужно было побывать самому въ Чекишлярѣ, и вдобавокъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, чтобы получить ясное понятіе о томъ, до чего могутъ надоѣсть и вывести окончательно изъ терпѣнья самаго хладнокровнаго и терпѣливаго человѣка эти докучливыя насѣкомыя. Отъ нихъ никому и нигдѣ не было спасенья; онѣ не давали покоя, ни людямъ, ни животнымъ. Невозможно было выпить стакана чаю, чтобы туда не ввалилось десятка два мухъ; неся кусокъ чего либо въ ротъ одной рукой, другой приходилось отгонять ихъ; супъ нужно было ѣсть крайне осторожно, чтобы не проглотить нѣсколькихъ мухъ; если кто изъ офицеровъ задумывалъ съѣсть, для разнообразія, за обѣдомъ кот-

летку, то деньщикъ долженъ былъ рубить мясо и дѣлать ее съ вечера, послѣ заката солнца. Отъ зари и до зари мухи ни на секунду не давали намъ покоя, облѣпляя сплошь лицо и руки, такъ что приходилось цѣлый день безъ устали отмахиваться. Впрочемъ, были у насъ такіе субъекты, которые въ концѣ концевъ попривыкли къ мухамъ и относились къ нимъ вполнѣ безразлично, но за то нѣкоторые были, положительно, истинными мучениками; цѣлые дни проводили они лежа въ постели, укутанные марлей, или подъ пологомъ, и лишь изрѣдка вскакивали съ ругательствами для того, чтобы съ помощью деньщика изгнать мухъ изъ палатки; хотя это ничуть не помогало, такъ какъ черезъ 10 минутъ онѣ снова наполняли ее. За то большинство солдатъ не обращало на мухъ рѣшительно никакого вниманія. Я никогда не забуду, какъ на другой день послѣ моего пріѣзда, прогуливаясь по коновязямъ, я подошелъ къ кучкѣ обѣдавшихъ драгунъ:

— Хлѣбъ-соль, братцы!.

— Покорно благодаримъ. Отвѣдайте ваше бл—діе нашего солдатскаго супу. Оно, положимъ, вамъ то съ непривычки и не того... ну, да не побрезгайте,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ, вытирая полою кителя свою деревянную ложку и подавая мнѣ ее.

— Ничаво, попробуйте, супъ нонѣ хорошъ, успокоивалъ меня его сосѣдъ,—навару много.

Я присѣлъ. «Навару» дѣйствительно было много; на поверхности сѣроватой жижицы, заключавшейся въ котелкѣ, желтѣло нѣсколько жирныхъ пятенъ и въ изобиліи плавали лепестки луку и тутъ же въ перемежку съ ними куски накрошеннаго сухаря и десятка два мухъ. Вооружившись ложкой, я протянулъ руку къ супу и пока старался, какъ нибудь изловчиться, чтобы не забрать ложкой мухи, компаньоны мои успѣли проглотить каждый по нѣсколько ложекъ.

— Смотри, братъ, у тебя въ ложкѣ муха! вскрикнулъ я невольно, видя что сосѣдъ мой готовился уже проглотить ложку супу, на которой между двумя кусками сухаря что то чернѣло, и удержалъ его за руку. Солдатики разсмѣялись, а драгунъ, котораго я остановилъ, смѣло проглотилъ содержимое ложкой,

прищелкнулъ языкомъ и ни къ кому не обращаясь, съ широкой улыбкой, осклабивъ зубы, заключилъ:

— Нельзясь... потому страна ужь такая — мухоѣданская...

Острота эта, вѣроятно каждый день повторяемая во всѣхъ солдатскихъ кружкахъ, тѣмъ не менѣе вызвала взрывъ веселаго смѣха, по минованіи котораго одинъ изъ солдатъ наставительно обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ объясненіемъ:

— Видите, ваше бл-діе вотъ что, коли теперича изъ каждой ложки, каждую муху треклятую вытаскивать вонъ, то пока ефтимъ дѣломъ заниматься будешь, другіе то,—тутъ онъ обвелъ рукой всѣхъ присутствующихъ,—сопрутъ весь супъ али шти, и останешься самъ впроголодь, не солоно хлѣбамши.

Съ этимъ аргументомъ нельзя было не согласиться и я только удивлялся, какъ ихъ не тошнитъ; впрочемъ, впослѣдствіи, безъ сомнѣнія, проглотилъ и самъ не одну муху, такъ какъ безъ этого невозможно было обойтись въ Чекишлярѣ, при самой большой осмотрительности.—

Медленно и однообразно тянулось время; монотонная жизнь всѣмъ наскучила и всѣ рвались впередъ. Но дни шли за днями, недѣли за недѣлями, а отрядъ все еще стоялъ—и не предвидѣлось конца стоянкѣ. Едва гдѣ показывался штабный офицеръ, какъ его тотъ же часъ окружали и вопросы сыпались на него градомъ со всѣхъ сторонъ: «Ну что новаго?—Когда выступаемъ? Скоро ли?» и все тотъ-же отвѣтъ:—«ничего неизвѣстно». Всѣ знали лишь, что генералъ Лазаревъ каждый день повторялъ одно и тоже:

«Не выступлю въ походъ, пока не буду увѣренъ, что солдаты мои не будутъ голодать».

День въ Чекишлярѣ начинался часовъ въ 5 утра; весь лагерь мигомъ оживалъ на короткое время. Солдаты исполняли свои обязанности, варили себѣ чай и проч. Всѣ, кто былъ только свободенъ, шли купаться въ морѣ, причемъ нужно было пробѣжать отъ берега съ полъ версты, чтобы дойти до глубины позволявшей свободно окунуться. Съ наступленіемъ жары все замирало на цѣлый день; офицеры лежали въ своихъ палат-

кахъ, солдаты въ tentes-abris и только крайняя необходимость заставляла показываться кого-либо наружу. За то, лишь спадетъ жара и съ моря повѣетъ прохлада, какъ тотчасъ же, какъ бы по мановенію жезла волшебника, все оживало, начиналась кипучая жизнь, отовсюду неслися пѣсни. Заблестятъ огни костровъ, вокругъ которыхъ живописно групируются солдаты; всѣ палатки освѣщаются, начинаются визиты и собранія. Послѣ томительнаго молчанія за цѣлый день, всѣмъ хочется поговорить, излить душу; забываются жара, мухи и прочія невзгоды и всѣ веселятся до поздней ночи.

Однообразіе Чекишлярской жизни лишь изрѣдка нарушалось какой либо новостью или событіемъ. Такъ напр. въ серединѣ іюня получено было, частнымъ образомъ, первое извѣстіе изъ Текинскаго оазиса, о томъ, что текинцы рѣшились дать отпоръ русскимъ соединенными силами и съ этой цѣлью начинаютъ сосредоточиваться и укрѣпляться въ аулѣ Геокъ-Тепе (Голубая гора). Слухъ этотъ возбудилъ много толковъ. Выше я упоминалъ уже о двухъ наводненіяхъ, бывшихъ въ Чекишлярѣ 7-го и 11-го іюня, также нарушившихъ, хотя и не особенно пріятно, однообразіе томившее всѣхъ. Въ дни прихода почтовыхъ пароходовъ и шхунъ, также оживлялись многіе, въ ожиданіи писемъ отъ родныхъ и друзей.

15-го іюля была устроена офицерская скачка, на ровной мѣстности выбранной нарочно для этого. Нечего и говорить, что въ скачкѣ этой имѣли право принимать участіе лошади всѣхъ лѣтъ, породъ и заводовъ, за исключеніемъ лишь туркменскихъ аргамаковъ. Дистанція была назначена трехверстная. Всѣ кто-только могъ, собрались посмотрѣть на это развлеченіе; офицеры всего отряда, за исключеніемъ дежурныхъ, собрались у флага, вблизи котораго стоялъ генералъ Лазаревъ со свитой. Первымъ пришелъ и получилъ призъ, золотыя часы въ 200 рублей, прапорщикъ Бекмурзаевъ.

Наконецъ пронесся по отряду слухъ, что въ послѣднихъ числахъ іюля или первыхъ числахъ августа отрядъ выступитъ въ походъ. Вскорѣ слухъ подтвердился. Пошла суетня,

закипѣла работа, стали готовиться къ предстоящему выступленію; всѣ чуть не прыгали отъ радости, что походъ всетаки состоится, что ненапрасно простояли въ Чекишлярѣ 3 мѣсяца и слухи объ отмѣнѣ экспедиціи оказались ложными; хотя съ другой стороны, слухи объ отмѣнѣ экспедиціи на Мервъ и ограниченія дѣйствій отряда однимъ лишь Ахалъ-Текинскимъ оазисомъ подтвердились. Ну, да объ этомъ мало кто и думалъ. Лишь бы вырваться изъ Чекишляра, а тамъ ведите, куда хотите, хоть на край свѣта. Чекишляръ всѣмъ набилъ оскомину, всѣ его кляли за 3-хъ мѣсячное гостепріимство и съ такой ненавистью относились къ нему, что думали, что нѣтъ уголка на всемъ земномъ шарѣ, который былъ бы хуже Чекишляра.

Вслѣдъ за симъ радость отряда внезапно омрачилась,— пронеслась вѣсть, что Иванъ Давидовичъ (такъ въ частныхъ разговорахъ называли всѣ генерала Лазарева) занемогъ и что у него открылся на спинѣ карбункулъ. Это встревожило всѣхъ; никто, конечно, не придавалъ этой болѣзни серьознаго значенія, а тѣмъ болѣе немогъ предвидѣть тогда печальнаго конца ея, такъ повліявшаго на судьбу экспедиціи, но всѣ выказывали опасеніе, что пожалуй прійдется еще нѣсколько недѣль просидѣть на мѣстѣ. Однакожь тучи скоро разсѣялись и всѣмъ стало извѣстно, что генералъ рѣшилъ выступленіе отряда двумя колоннами, на 30 и 31 іюля, и что самъ онъ пока останется въ Чекишлярѣ, а лишь только ему станетъ лучше, тотчасъ же выѣдетъ вслѣдъ за отрядомъ и нагонитъ его.

Къ 29-му іюля войска были готовы къ выступленію. Мѣсячный провіантъ и фуражъ были разобраны частями и верблюды распредѣлены между ними.

Снаряженіе пѣхоты было приспособлено вполнѣ къ степному походу; каждый солдатъ имѣлъ на себѣ обыкновенную гимнастическую рубаху, шаровары и вмѣсто тяжелыхъ сапогъ чевяки (обувь изъ толстой парусины съ кожанными подошвами), на головѣ — бѣлую фуражку съ войлочнымъ дномъ, съ большимъ козырькомъ и назатыльникомъ; вся аммуниція со-

стояла изъ ружья со штыкомъ и небольшой патронной сумки въ видѣ мѣшечка; ранцевъ не брали совсѣмъ, шинели же везлись на верблюдахъ. Единственной тяжестью, которую долженъ былъ каждый нести на себѣ, были деревянныя баклажки для воды; въ каждой изъ нихъ вмѣщалось двѣ бутылки воды, которыхъ вполнѣ было достаточно на однодневный переходъ. На каждыхъ шесть солдатъ полагалась одна палатка (tente abri) и въ видѣ подстилки, войлочная палласа; послѣднихъ въ кавалеріи не полагалось, что, между прочимъ, составляло чувствительное лишеніе, такъ какъ солдатамъ приходилось спать на голой землѣ, нерѣдко кишащей всякими двухвостками, земляными вшами и др. насѣкомыми.

Согласно предписанію генерала Лазарева, первая колонна выступила въ походъ въ ночь на 30-го іюля, въ часъ пополуночи. Въ составъ ея вошли четыре батальона пѣхоты:

Лейбъ-эриванскаго гренадерскаго п.,
Грузинскаго гренадерскаго п.,
Сводный стрѣлковый,
Ширванскоаго п.,
Полубатарея 20-й пѣшей артил. бригады и
4 горныхъ орудія.

Колонна эта выступила подъ командой начальника пѣхоты свиты Е. И. В. генералъ-майора графа Борха.

Въ тоже время и въ кавалерійскомъ лагерѣ шли дѣятельныя приготовленія; изъ интендантскихъ складовъ принимали провіантъ и фуражъ; распредѣляли по частямъ верблюдовъ, отбирали слабосильныя команды изъ людей и лошадей и т. п. Что касается снаряженія людей, то оно не было такъ хорошо, какъ въ пѣхотѣ; во первыхъ, люди неполучили чевяковъ, хотя это и предполагалось сдѣлать; во вторыхъ, взамѣнъ баклажекъ на каждаго человѣка были выданы бурдюки, по одному на трехъ солдатъ, оказавшіеся, къ прискорбію, дырявыми, такъ что всю присланную партію оныхъ, какъ излишній и непригодный грузъ, пришлось оставить въ Чекишлярѣ. Взамѣнъ бурдюковъ для воды, солдатики надоставали себѣ

всевозможныхъ бутылокъ; нашлись мастера, которые пообшивали ихъ въ войлокъ и вотъ бутылки эти и отслужили намъ походъ, исправляя должность дорого оплаченныхъ казною бурдюковъ.

Кавалерiйскiй отрядъ долженъ былъ выступить днемъ позже пѣхоты.

Съ вечера 30 го iюля сняты были палатки, сложены и стюкованы всѣ вещи и распредѣлены по частямъ верблюды. Задолго до разсвѣта стали готовиться къ выступленiю и приступили къ вьюченiю верблюдовъ; при этомъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ затрудненiй, такъ какъ солдаты были, положительно, незнакомы съ этими животными; они и боялись ихъ и не знали какъ ихъ вьючить, что произошло благодаря тому, что въ теченiе долгой стоянки въ Чекишлярѣ никому въ голову не пришло прiучить постепенно солдатъ, какъ къ самимъ верблюдамъ, такъ и къ навьючиванiю ихъ и вообще къ уходу за ними. Сколькихъ сотенъ верблюдовъ мы лишились изъ за этого совершенно понапрасну; спохватились, когда ужь было поздно. Ужь чего, кажется, неприхотливое животное верблюдъ, нетребующее почти никакого ухода за собой: тихъ, терпѣливъ, покоренъ и выносливъ до высшей степени, онъ однимъ лишь ревомъ выражаетъ свой протестъ, но за то этотъ ревъ невыносимъ для непривычнаго уха; за весь походъ я не могъ къ нему привыкнуть; и дѣйствительно, это какой то страдальческiй, раздражающiй нервы, стонъ.

Заговоривъ о верблюдахъ, я воспользуюсь этимъ, и опишу вкратцѣ то положенiе, въ которомъ они находились у насъ во время всего похода, а положенiе ихъ было въ высшей степени печально. Какъ ни мало ухода требуютъ за собой верблюды, а между тѣмъ уходъ за ними былъ крайне плохъ; вѣрнѣе его совсѣмъ не было. Высшее начальство стало обращать вниманiе и издавать разные инструкцiи и приказанiя касательно этого, тогда лишь, когда мы лишились доброй половины, если не болѣе, всего числа верблюдовъ; солдаты въ свою очередь, заботясь въ походѣ о своей лошади больше чѣмъ о себѣ, на

верблюдовъ смотрѣли, не какъ на животныхъ, а какъ на ничего не стоющіе предметы и относились къ нимъ, почему то, даже враждебно. Во время похода остановится, бывало, отрядъ бивакомъ, тотчасъ разгрузятъ верблюдовъ, соберутъ въ одну кучу и погонятъ на подножный кормъ, на пастбище, отведенное тутъ же поблизости; хорошо гдѣ попадался какой либо кормъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ, а то вѣдь бывали случаи, что отрядъ останавливался на совершенно голой мѣстности, на которой не было ни малѣйшаго признака растительности и тогда бѣднымъ верблюдамъ приходилось питаться однимъ лишь чистымъ степнымъ воздухомъ. Верблюдовъ рѣдко когда разсѣдлывали, потниковъ же не чистили никогда, слѣдствіемъ чего были страшныя раны на спинѣ, протираемыя сбившимися сѣдлами и закорузлыми потниками. Почти не было верблюда, у котораго не была-бы побита спина. Нерѣдко приходилось видѣть намъ картины такого рода: идетъ нагруженный верблюдъ, идетъ своей мѣрной, развалистой походкой, повидимому совершенно здоровый; вдругъ остановится какъ вкопанный и никакіе удары и понуканія не въ силахъ сдвинуть его съ мѣста; вытянетъ лишь шею, подыметъ голову къ верху и жалостливо стонетъ. Обозные солдаты сыплютъ нещадно удары, колютъ иногда штыкомъ—ничто не помогаетъ и, наконецъ, рѣшаются бросить его на произволъ судьбы и перегружаютъ вещи на другихъ верблюдовъ. Снимаютъ затѣмъ сѣдло и тутъ, обыкновенно, глазамъ представлялась ужасная рана, а иногда и нѣсколько ихъ, зіяющая, глубокая и кишащая червями; нерѣдко кости были обнажены. Много верблюдовъ потеряли мы по собственной винѣ.

ГЛАВА IV.

Выступленіе колонны князя Витгенштейна; составъ ея.— Солдатскія пѣсни.— Первый переходъ. Пески.— Артезіанскій колодезь.--Миражи. — Колодцы Беюнъ-Баши; качество ихъ воды.—Верблюжья колючка.—Озеро Дели-Дефе; горько-соленая вода.—Появленіе диссентеріи.— Солнечные удары. —Переходъ до Гудри-Олума.—Рѣка Атрекъ. — Очищеніе воды .— Первая русская могила.—Дневка.—Лагерь дагестанцевъ.— Баядъ-Хаджи.– Развалины; два преданія объясняющія ихъ существованіе. — Усиленный переходъ до Яглы-Олума--Текенджикъ-Олумъ.—Переходъ до Чата.

Къ 6-ти часамъ утра 31 іюля, кавалерійская колонна была готова къ выступленію и построилась на мѣстѣ расположенія лагеря; обозъ выступилъ часомъ раньше. Въ составъ нашей колонны вошли:

2 эскадрона переяславскаго драгунскаго полка,

1 сотня полтавскаго казачьяго полка,

Ракетная батарея и

Полубатарея терской казачьей конно-артил. бригады.

Командованіе этимъ отрядомъ было вручено начальнику кавалеріи, свиты Е. И. В. генералъ-майору свѣтлѣйшему князю Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургу.

Всѣ ожидали, что генералъ Лазаревъ пріѣдетъ проститься съ нами, однако же онъ почувствовалъ себя въ этотъ день хуже и принужденъ былъ лежать въ постели. Около 7-ми часовъ утра князь Витгенштейнъ подъѣхалъ къ отряду; поздоровавшись поздравилъ съ походомъ и сказалъ краткую рѣчь. Раздалась вскорѣ

команда «съ права повзводно, шагомъ! Маршъ!» и, снявъ фуражки и перекрестившись, мы двинулись въ походъ. «Пѣсенники впередъ!..» — и раздались веселыя солдатскія пѣсни, пѣсни боевыя. Драгуны лихо затянули:

«Ура! драгуны переяславцы!
Кто не слыхалъ про молодцовъ?
Не даромъ помнятъ басурманы
Про нашихъ дѣдовъ и отцовъ.

* * *

«Недаромъ кровью и трудами
Мы заслужили у Царя:
Штандарты съ бѣлыми крестами
И трубы всѣ изъ серебра.

* * *

«Ура! Наслѣднику Престола
И шефу—дорогому намъ!
Ура! всей арміи кавказской,
Ура! начальники всѣмъ вамъ!

* * *

«Ура! драгуны переяславцы!
Впередъ, дружнѣе на враговъ!
Впередъ, ура! мы не отстанемъ
Отъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ! и т. д.

За этой пѣсней слѣдовали другія. Изъ послѣднихъ особенно пользовалась популярностью одна пѣсня сочиненная солдатами въ Чекишлярѣ. Лишь только раздались слова ея:

Разсказать вамъ про текинскій,
Про походъ ахалъ-текинскій:
Поѣхали на коняхъ, и т. д.,

какъ и не пѣсенники снова оживились и подхватили хоромъ.

Однако поднявшаяся пыль и начавшійся солнопекъ заставили, вскорѣ, прекратить пѣсни.

Первый переходъ предстоялъ въ 32 версты и ночлегъ назначенъ былъ у колодцевъ Беюнъ-Баши, вырытыхъ русскими войсками. Дорога идетъ сперва по рыхлому песчаному грунту, на протяженіи 7, 8 верстъ, далѣе грунтъ становится тверже и начинаетъ встрѣчаться масса солончаковъ.

Вскорѣ послѣ выступленія скрылся изъ виду Чекишляръ и мы вступили въ песчаную пустыню. Куда ни взглянешь, всюду безбрежная степь. Жара стала насъ донимать порядкомъ и солдаты быстро опорожняли свои войлочныя бутылки; не прошли мы и 10 верстъ, какъ почти ни у кого уже не было воды и многимъ пришлось терпѣть отъ жажды. Впослѣдствіи, впрочемъ, опытъ заставилъ ихъ осторожнѣе обращаться съ водой. А то на первыхъ переходахъ, не успѣемъ, бывало, пройти и 5 верстъ, какъ у половины солдатъ уже вся вода была выпита. Въ 15 верстахъ отъ Чекишляра мы разсчитывали найдти артезіанскій колодезь, который, по слухамъ, былъ уже готовъ; однако оказалось, что работы еще не окончены. Къ слову сказать, работы эти ни къ чему не привели и впослѣдствіи; буравили въ двухъ мѣстахъ, въ одномъ не дошли до воды, въ другомъ, хотя и оказалась вода, но настолько соленая, что была совершенно невозможна для питья.

— Братцы, вода! крикнулъ кто-то, изъ солдатъ. Всѣ встрепенулись и стали вглядываться по указанному направленію.

— Да никакъ цѣлое озеро... и тростникъ по берегамъ!

Дѣйствительно, въ верстѣ или двухъ отъ насъ ярко блестѣла поверхность озера, окаймленнаго тростниками, и даже видна была простымъ глазомъ небольшая зыбь и движеніе воды; мы обрадовались и быстро стали подвигаться впередъ. Увы, вскорѣ наступило разочарованіе: и озеро и тростникъ, все оказалось простымъ и обыкновеннымъ въ здѣшнихъ степяхъ миражемъ. Такіе миражи безпокоили солдатъ до самаго мѣста привала и при каждомъ новомъ миражѣ находились субъекты, которые увѣряли, что «все то былъ одинъ обманъ, а это уже

«доподлинное» озеро» и каждый разъ снова разочаровывались наконецъ, когда въ 4 часу пополудни показалось вдали настоящее озеро и колодцы Беюнъ-Баши, то между солдатами не нашлось уже ни одного, который бы повѣрилъ дѣйствительности ихъ существованія.

«Нѣтъ шалишь, таперь ужо не надуешь!» замѣчали нѣкоторые изъ нихъ, «знаемъ какое-такое озеро!» И дивились же они не мало, когда озеро, по ихнему выраженію, оказалось «настоящинскимъ».

Вода въ колодцахъ Беюнъ-Баши оказалась значительно соленѣе чекишлярской, такъ что просто противно было пить ее. Чай изъ нея вышелъ невозможенъ и пришлось класть на стаканъ цѣлую ложку лимонной кислоты и нѣсколько кусковъ сахару, чтобы хоть сколько-либо сдѣлать его возможнымъ для питья, но и это, не въ силахъ было заглушить соленаго вкуса воды и большинству пришлось совсѣмъ отказаться отъ чаепитія. За то супъ изъ баранины, свареный на этой водѣ, хотъ и съ грѣхомъ по поламъ, все же можно было ѣсть.

Въ Беюнъ-Баши вырыты два колодца, одинъ для людей, другой для животныхъ; въ самомъ же озерѣ вода для питья совершенно непригодна.

Въ 6 ч. 10 м. утра, на слѣдующій день, мы выступили дальше. Вся мѣстность была лишена какой-либо растительности, почва глинистая и потрескавшаяся отъ жары. Кое-гдѣ лишь попадались небольшія площади, покрытыя *верблюжьей колючкой*, своеобразнымъ степнымъ растеніемъ, служащимъ почти единственной пищей верблюда; оно растетъ небольшими приземистыми кустиками, причемъ каждый изъ нихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ стебельковъ (около фута вышины), покрытыхъ по бокамъ рѣдкими, но твердыми и острыми шипами въ вершокъ длины; какъ стебли, такъ и шипы ярко-зеленаго цвѣта. Многіе солдаты и лошади, наступавшіе, по неосторожности, на кустики этого растенія, поранили себѣ ноги, такъ какъ шипы его настолько тверды и остры, что прокалываютъ свободно чевяки. Впослѣдствіи, когда обувь солдатъ поизносилась

они и вынуждены были мастерить себѣ новую изъ верблюжьей или бараньей кожи, шипы колючки съ успѣхомъ замѣняли иголки и дратву.

Къ 10½ часамъ утра отрядъ подошолъ къ довольно большому озеру *Дели-Дефе*, берега котораго со всѣхъ сторонъ поросли высокимъ тростникомъ. Вода въ этомъ озерѣ горько-соленая, а потому и непригодна для питья; въ небольшихъ же колодцахъ, вырытыхъ вдоль берега, вода оказалась совершенно испортившейся. Вслѣдствіе этого, чтобы солдаты отъ жажды, не стали употреблять ее для питья, были немедленно выставлены около нихъ часовые и назначена команда для рытья новыхъ колодцевъ. Однако и въ послѣднихъ получилась горько-соленая вода, хотя и немного лучше озерной, но все же отвратительная на вкусъ. Тѣмъ не менѣе природа брала свое и пришлось пользоваться, скрѣпя сердце, тѣмъ, что было подъ рукой, и, Боже мой, что за супъ и что за чай мы пили въ этотъ день, а все же пили. Чай можно было, впрочемъ, пить только пока онъ былъ очень горячъ и обжигалъ языкъ, ибо едва онъ простывалъ, какъ становился до того отвратительнымъ, что невозможно было, несмотря на все желаніе, проглотить даже и маленкаго глотка. Въ теченіе цѣлаго дня стояла нестерпимая жара въ 40° по Р., безъ вѣтра, такъ что всѣ лежали почти совсѣмъ раздѣтые въ палаткахъ. Превосходная дели-дефійская вода вскорѣ дала знать о себѣ — къ вечеру того же дня почти поголовно у всего отряда открылся поносъ, а у нѣсколькихъ солдатъ — диссентерія.

За эти два перехода отрядъ лишился 5 лошадей и былъ случай солнечнаго удара съ однимъ изъ солдатъ. Такой же участи подверглись двѣ черныя собаки, бѣжавшія за отрядомъ; масть сгубила ихъ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня (2-го августа) отрядъ выступилъ съ Дели-Дефе и пошелъ снова по гладкой и ровной степи. Наступившая вскорѣ жара становилась нестерпимой, солнце положительно прожигало насквозь; ни къ аммуниціи ни къ сапогамъ нельзя было дотронуться, до того они на-

калились. При малѣйшемъ движенiи обдавало потомъ, промачивавшемъ насквозь все бѣлье и китель; но минуту спустя все уже высыхало. Вскорѣ мы увидѣли на краю горизонта верхушки Персидскихъ горъ, тянущихся по ту сторону Атрека, которыя по немногу стали выростать предъ глазами изъ подъ земли и, часъ спустя, ясно можно было уже различить ихъ очертанія синѣвшія вдали. Мало по малу стала попадаться все чаще и гуще верблюжья колючка и мелкій кустарникъ и, наконецъ, мы увидѣли вдали массу зелени и деревьевъ, рѣзко выдѣлявшихся на желтовато-сѣромъ фонѣ окружающей мѣстности. Въ 11 час. утра мы расположились бивакомъ на берегу р. Атрека, въ мѣстности называемой Гудри-Олумъ *), сдѣлавъ переходъ въ $15^1/_2$ верстъ. Тутъ мы встрѣтили 2 сотни дегестанскаго конно-иррегулярнаго полка, которыя и присоединились къ нашему отряду.

Атрекъ у Гудри очень не широкъ—не болѣе 2 сажень; берега обрывисты, но не высоки, вдоль нихъ растетъ много саксаула и камыша; теченіе медленно; вода, пресыщенная глиной, представляетъ собой полужидкую грязь, невозможную для питья. Чтобы получить хотя сколько нибудь годную къ употребленію воду, приходилось рыть вдоль берега небольшія ямы и наполнивъ ихъ водой, давать ей отстаиваться покрайней мѣрѣ въ теченіе 3-хъ часовъ; впрочемъ, послѣ этого вода хотя и содержала въ себѣ менѣе глины, все же не становилась прозрачной и оставляла на языкѣ при питьѣ осадокъ глины. Единственный способъ получить совершенно прозрачную воду былъ весьма простъ и легокъ, однако не многіе могли имъ воспользоваться; способъ этотъ всѣмъ бывавшимъ въ степныхъ походахъ хорошо извѣстенъ и заключается въ слѣдующемъ: въ ведро или какой либо другой сосудъ наполненный водой слѣдуетъ погрузить на короткое время кусокъ обыкновенныхъ квасцовъ и помѣшавъ имъ по всѣмъ направ-

*) Олумъ значитъ переправа.

леніямъ вынуть; черезъ часъ въ сосудѣ получится совершенно прозрачная вода, вся же глина и илъ осаждаются густымъ слоемъ на дно; никакая фильтра не въ состояніи такъ хорошо очистить воду. Къ сожалѣнію, квасцы оказались лишь у нѣсколькихъ человѣкъ, болѣе опытныхъ и запасливыхъ.

На Гудри мы встрѣтили первую русскую могилу, принадлежавшую какому-то пѣхотному солдату одного изъ батальоновъ колонны гр. Борха; могила эта произвела на всѣхъ тяжелое и грустное впечатлѣніе; невольно каждому изъ насъ приходило въ голову, что быть можетъ на слѣдующемъ привалѣ или тамъ, далѣе въ степи, самому прійдется остаться на вѣки, не дойдя даже до непріятельской страны, сраженнымъ диссентеріей или солнечнымъ ударомъ.

На слѣдующій день была назначена дневка, такъ какъ люди и животныя порядкомъ утомились за предъидущіе переходы. Воспользовавшись этимъ, я ознакомился съ ближайшими окрестностями лагеря и посѣтилъ лагерь дагестанцевъ. Послѣдній представлялъ своеобразное зрѣлище: посреди его тянулись въ два ряда коновязи, а по бокамъ стояли одноэтажныя и двухъэтажныя вышки, построенныя весьма искусно и прочно; въ жару дагестанцы прятались подъ ними отъ палящихъ лучей солнца, ночью же взбирались спать наверхъ, предохраняя себя отъ всевозможныхъ укушеній скорпіоновъ, тарантуловъ, фалангъ, сороканожекъ, змѣй и т. п., водящихся здѣсь въ изобиліи. Рядъ этихъ вышекъ замѣняющихъ палатки, съ ихъ обитателями въ бѣлыхъ черкескахъ и папахахъ, съ красными башлыками на шеѣ и свирѣпыми физіономіями, этотъ своеобразный лагерь дагестанцевъ, представлялся воображенію чѣмъ то до такой степени не русскимъ, что казался скорѣй бивакомъ башибузуковъ, перенесеннымъ сюда цѣликомъ изъ какого либо уголка Турціи. А лихой народъ эти дагестанцы! Въ Россіи немногіе знаютъ даже о существованіи этого полка, между тѣмъ на Кавказѣ они пользуются громкой славой первѣйшихъ храбрецовъ и наѣздниковъ; и дѣйствительно, полкъ этотъ на подборъ состоитъ изъ лучшихъ джигитовъ и

удальцовъ Дагестана. Всѣ они поступаютъ на службу охотниками и въ мирное время каждый изъ нихъ, получая въ мѣсяцъ жалованья 10 руб. сер., обязанъ содержать себя и лошадь, одѣваться и пріобрѣтать аммуницію на свой собственный счетъ; въ военное же время имъ увеличиваютъ жалованье до 15 руб. въ мѣсяцъ и кромѣ того выдаютъ провіантъ и фуражъ. Но не жалованье привлекаетъ лезгинъ въ ряды этого полка, нѣтъ:—на родинѣ, въ родныхъ аулахъ, презираютъ тѣхъ, кто не побываетъ въ походѣ и каждый изъ нихъ знаетъ, что чѣмъ больше онъ отличится на войнѣ, чѣмъ больше получитъ крестовъ и медалей, тѣмъ бо́льшимъ уваженіемъ и вліяніемъ онъ будетъ пользоваться у себя дома и всякая красавица пойдетъ охотно за него замужъ. Кромѣ честолюбія, доводящаго ихъ до безумной храбрости, во время войны дагестанцы не прочь поживиться на счетъ непріятеля. Но вообще это превеселый, безшабашный народъ, не смотря на свое магометанство—любящій выпить и покутить при всякомъ удобномъ случаѣ.

4-го августа, въ $6^1/_2$ часовъ утра, мы выступили дальше и направились по степи, придерживаясь праваго берега рѣки Атрека. Начиная отъ Гудри, снова идетъ песчаная, обнаженная мѣстность, кое-гдѣ прорѣзанная довольно глубокими балками и промоинами; впрочемъ, онѣ не представляли, при движеніи отряда, никакихъ препятствій, такъ какъ авангардъ всюду устроилъ удобные спуски и подъемы. Къ 3 часамъ пополудни мы пришли на мѣсто, называемое Баядъ-Хаджи, пройдя 28 верстъ. Въ позапрошломъ году тутъ находилось небольшое русское укрѣпленіе, воздвигнутое на довольно высокомъ песчаномъ холмѣ, находящемся почти у самаго Атрека, слѣды котораго, въ видѣ земляныхъ валовъ, сохранились и по днесь; хотя укрѣпленіе это и упразднено, тѣмъ не менѣе въ этомъ пунктѣ въ теченіе всей ахалъ-текинской экспедиціи стояли, для охраны пути, батальонъ пѣхоты и сотня дагестанцевъ. Въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленія, на западъ, находятся развалины, по поводу которыхъ я слышалъ два преданія, объясняющихъ различно ихъ существованіе. Первое

передаетъ, что жилъ нѣкогда въ Туркменіи благочестивый человѣкъ по имени Баядъ-Хаджи, имя котораго еще при жизни пользовалось громкой извѣстностью по всему востоку и всѣ считали его святымъ; послѣ смерти его, трупъ былъ доставленъ въ эту мѣстность и здѣсь похороненъ въ нарочно выстроенномъ для этого зданіи, при которомъ была устроена небольшая мечеть, дабы правовѣрные, приходящіе на поклоненіе праху святаго, могли въ ней молиться. Другое преданіе, какъ я полагаю болѣе правдоподобное, гласитъ, что во времена оно въ этой мѣстности находилось обширное туркменское кладбище, на которомъ хоронились покойники изъ всѣхъ ауловъ на 200 верстъ кругомъ. Такъ какъ у туркменъ также существуетъ обычай справлять тризну, то для большаго удобства и съ цѣлью избавленья печалующихся родственниковъ и друзей хоронимаго отъ излишнихъ и непріятныхъ хлопотъ, почти на всѣхъ болѣе обширныхъ кладбищахъ выстраивается зданіе, хозяинъ котораго беретъ на себя трудъ, конечно за извѣстное вознагражденіе, приготовлять для тризны вареный рисъ и все потребное для этого; онъ же роетъ могилы и присматриваетъ за ними. И вотъ на этомъ кладбищѣ и жилъ, какъ говорятъ, нѣкто по имени Баядъ-Хаджи, выстроившій это зданіе и занимавшійся приготовленіемъ поминокъ и наблюдавшій за кладбищемъ. Такъ какъ вскорѣ послѣ смерти Баядъ-Хаджи кладбище было покинуто, то зданіе и могилы, оставшіяся безо всякаго присмотра, пришли въ запустѣніе и подъ вліяніемъ времени первое превратилось въ развалины, вторыя же почти совершенно не оставили по себѣ слѣдовъ и сравнялись съ землею. По преданію, Баядъ-Хаджи въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ свой постъ и пользовался среди туркменъ большимъ уваженіемъ, такъ что послѣ его смерти вся эта мѣстность получила его имя и сохранила свое названіе до нашихъ дней.

Развалины эти представляютъ небольшое четырехъ-угольное зданіе, саженъ пять длины и двѣ ширины, съ обрушившимся потолкомъ, выстроенное изъ небольшихъ квадратныхъ необожженыхъ кирпичей, довольно хорошо сохранившихся; внутри

его оказались три комнаты: противъ входныхъ дверей небольшая, изображавшая, повидимому, переднюю, въ которой правовѣрные оставляли свою обувь; направо—довольно большая круглая комната, вѣроятно мечеть или молельня; налѣво— крошечная конурка, въ которой, какъ я думаю, и жилъ самъ Баядъ-Хаджи. Невдалекѣ отъ развалинъ ясно видны слѣды нѣсколькихъ могилъ, которыя вполнѣ и подтвердили второе изъ разсказанныхъ выше преданій.

Въ 3 часа утра (5 авг.), задолго до разсвѣта, весь отрядъ былъ уже на ногахъ,—предстоялъ большой переходъ въ 46 верстъ. Чтобы облегчить, по возможности, лошадей, приказано было солдатскіе сѣдельные чемоданчики, торбы и саквы сдать въ обозъ и размѣстить на верблюдовъ. Въ $5^1/_2$ часовъ утра колонна выступила изъ Баядъ-Хаджи и къ 11 часамъ, пройдя 18 верстъ, остановилась на р. Атрекѣ, у переправы Яглы-Олумъ. Послѣ 3-хъ-часоваго привала мы пошли далѣе и только къ $6^1/_2$ часамъ вечера пришли въ Текенджикъ-Олумъ, на рѣкѣ Атрекѣ, гдѣ и расположились на ночлегъ, до изнеможенія измученнные и усталые.

На слѣдующій день мы выступили въ 9 часовъ утра и направились на укрѣпленіе Чатъ. Переходъ этотъ, въ 24 версты, былъ въ высшей степени тяжелъ, благодаря 46^0 по Реомюру, безъ малѣйшаго вѣтра; солнце не жгло, а прожигало насквозь. Это было какое то пекло, въ которомъ утрачивалась всякая способность думать и соображать, въ которомъ всѣ чувства притуплялись и человѣкъ сознавалъ только, какъ палящіе лучи солнца проходятъ насквозь все тѣло его и лишь смутно понималъ, что вокругъ него дѣлается. Нѣсколько солнечныхъ ударовъ вырвало изъ среды нашей нѣсколько жизней... Въ 3 часа пополудни мы пришли, наконецъ, въ Чатъ.

ГЛАВА V.

Укрѣпленіе Чатъ.—Госпиталь „Краснаго Креста"; предубѣжденіе противъ него въ средѣ солдатъ. Смертность въ немъ и причины ея.—Кладбище.—Дневка.—Порядокъ движенія колоннъ: пѣхотной и кавалерійской.—Нестерпимая жара; жажда возбуждаемая ею.—Пища.—Хоръ-Олумъ.—Измѣненіе характера мѣстности.—Развалины гробницы Джанъ Мхмуда.—Укрѣпленіе Дузъ-Олумъ. Гарнизонъ его. — Пріемъ провіанта и фуража. — Слухи о непріятелѣ. — Прибытіе штаба.—Извѣстіе объ осложненіи болѣзни начальника отряда.— Гора Бекъ-Тепе.—Пыль.—Путь до Теръ-Сахана.

Укрѣпленіе Чатъ, основанное въ 1878 году, находится на правомъ берегу р. Атрека, близь впаденія въ нее р. Сумбара и расположено на небольшомъ выступѣ на краю обрыва, саженъ въ 40, спускающагося почти отвѣсно къ Атреку. Съ двухъ другихъ сторонъ оно защищено нѣсколькими рядами глубокихъ балокъ и промоинъ, отдѣляющихъ его отъ остальной равнины. Благодаря такому положенію, Чатъ представляетъ весьма надежный оплотъ противъ всякихъ нападеній и совершенно неприступенъ. Съ сѣверной стороны Чатъ соединенъ съ остальной равниной дорогой съ мостомъ, черезъ самую глубокую изъ балокъ, оканчивающуюся небольшимъ землянымъ валомъ. Укрѣпленіе заключало въ себѣ нѣсколько десятковъ палатокъ и кибитокъ, въ которыхъ и расположился мѣстный гарнизонъ, состоявшій изъ батальона пѣхоты, сотни дагестанцевъ и взвода пѣшей артиллеріи. Единственная деревянная постройка, находившаяся въ Чатѣ, была небольшая деревянная церковь, построенная вскорѣ послѣ его основанія.

кромѣ того, въ укрѣпленіи находились интендантскій и провіантскій склады, артиллерійскій паркъ и около 12 лавокъ, въ которыхъ продавались всевозможные припасы по довольно высокой цѣнѣ. Къ юго-западу отъ Чата, въ полуверстѣ разстоянія расположился въ нѣсколькихъ десяткахъ кибитокъ госпиталъ «Краснаго Креста», на 200 кроватей; изъ нихъ половина была уже занята больными диссентеріей, цынгой (изъ солдатъ авангарда), лихорадкой и т. п. Замѣчательно, что этотъ госпиталь пользовался среди войскъ удивительно дурной репутаціей; солдаты съ какимъ то суевѣрнымъ страхомъ говорили о немъ и твердо вѣрили, что разъ попавшій въ него, живымъ ужь не выйдетъ; они объясняли это не неумѣньемъ или небрежностью докторовъ, а просто тѣмъ, что «ужь на такомъ, значитъ, мѣстѣ заклятомъ стоитъ, что никакіе доктора то не помогутъ, а коли кто попалъ, то, значитъ, и чередъ ему помирать». Отъ мѣстнаго гарнизона взглядъ этотъ на госпиталь тотчасъ же перешелъ и въ нашъ отрядъ и уже въ день прихода вечеромъ, за ужиномъ, я слышалъ слѣдующій разговоръ:

— Слышь, ребята, туть не болѣть! крикнулъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ.

— А што? почему? отчего? послышалось съ разныхъ сторонъ.

— А то, что коли кто въ гошпиталь попадетъ, тому, значитъ и конецъ; тутошніе пѣхотные давеча сказывали, что на заклятомъ мѣстѣ стоитъ.

— Брешутъ...

— Понапрасну пужаютъ, каянные, штобъ имъ мѣста хватило.

— А ты, молокососъ, сунько-ся туда, небось мѣста хватитъ и для тебя и для нихъ, на кладбищѣ-то. Нѣтъ, братцы, кто и заболѣетъ, такъ лучше перемогись, а въ гошпиталь не ходи.

Это убѣжденіе окончательно укоренилось, когда на обратномъ пути солдаты наши узнали, что одинъ изъ заболѣвшихъ

драгунъ, оставленный въ чатскомъ госпиталѣ, померъ, нѣсколько дней спустя послѣ нашего ухода.

Дѣйствительно, смертность въ этомъ госпиталѣ была весьма велика, но она объясняется тѣмъ, что сюда присылали изъ сосѣднихъ околотковъ (Дузъ-Олума, Теръ-Сахана и др.) лишь однихъ безнадежно больныхъ, которые вскорѣ и помирали; кромѣ того, свирѣпствовавшая въ Чатѣ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, диссентерія уносила на тотъ свѣтъ не мало жертвъ. Было время, когда ежедневно хоронили отъ 7-ми до 10-ти человѣкъ. Развитію диссентеріи въ Чатѣ способствовали: невыносимая жара, доходившая здѣсь до 48° и, какъ говорили нѣкоторые, до 52° по Реомюру, вода дурнаго качества, употребляемая солдатами въ большомъ количествѣ и зараженный міазмами воздухъ, такъ какъ всѣ балки, окружающія укрѣпленіе, были переполнены разными нечистотами и остатками животныхъ, употребляемыхъ въ пищу гарнизономъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Чата, невдалекѣ отъ дороги, раскинулось довольно большое кладбище, огороженное невысокимъ землянымъ валомъ. Среди группы сѣрыхъ могилъ рѣзко выдѣлялась одна, съ небольшимъ бѣлымъ памятникомъ, принадлежавшая одному изъ умершихъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона.

Въ Чатѣ назначена была дневка, вслѣдствіе чего солдатамъ приказано было разбить палатки. Здѣсь мы нагнали колонну графа Борга, пришедшую наканунѣ и также дневавшую; убыль въ людяхъ въ пѣхотномъ отрядѣ была значительно больше чѣмъ у насъ. Порядокъ движенія въ этомъ отрядѣ былъ нѣсколько иной, что, впрочемъ, вполнѣ обусловливалось разностью состава обоихъ отрядовъ: кавалерія выступала обыкновенно въ 5, 6 часовъ утра, иногда и позже и двигалась зачастую въ самую большую жару, тогда какъ пѣхота выступала обыкновенно въ часъ и два ночи и къ 10-ти часамъ утра была уже всегда на мѣстѣ предназначенномъ для привала; дѣло въ томъ, что, хотя дневные переходы были въ высшей степени непріятны и утомительны для людей, но ночной отдыхъ лошадямъ

былъ крайне необходимъ, безъ этого онѣ не вынесли бы похода.

На другой день стояла до того невыносимая жара, что за весь походъ не припомню подобнаго дня; ничто не спасало отъ жгучихъ лучей солнца, никакая тѣнь не облегчала и не уменьшала мученій, нами испытанныхъ; съ 11 часовъ утра до 4-хъ пополудни весь лагерь казался мертвымъ и невидно было ни живой души: всѣ лежали раздѣтые въ палаткахъ и ждали съ нетерпѣніемъ времени, когда спадетъ жара; единственнымъ утѣшеніемъ для насъ было то, что въ этотъ день намъ не предстоялъ переходъ. Въ подобную жару, никакое количество жидкости не въ состояніи утолить жажду; лишь только напьешься воды или чаю, какъ черезъ нѣсколько минутъ въ горлѣ уже все пересохло и чувствуется потребность, непреодолимая, утолить возбужденную жажду. Въ нѣкоторые дни я выпивалъ до 17 кружекъ (въ полтора стакана) чаю, несчитая двухъ бутылокъ воды или чаю, которыя бралъ съ собой на переходъ, а между тѣмъ пилъ не болѣе другихъ. И что это былъ за чай! Большей частью—изъ мутной воды, не дававшей никакого просвѣту, съ непріятнымъ вкусомъ, для заглушенія котораго на кружку приходилось класть полъ-ложки лимонной кислоты. Пили мы его, разумѣется, въ прикуску и пили съ наслажденіемъ, особенно пока чай былъ горячъ и благодаря этому трудно было разобрать его вкусъ. за то въ пищѣ мы не чувствовали недостатка. Пока мы шли по Туркменіи (землямъ аттабаевцевъ, джафарбайцевъ, іомудовъ и гоклановъ) пищи и чаю у солдатъ было вдоволь: на каждаго выдавали въ сутки $1^{1}/_{2}$ фунта баранины и столько же сухарей, кромѣ того, полагалась сарачинская крупа или гречневая каша, консервы къ супу, чай, сахаръ и фруктовая кислота, однимъ словомъ морская порція, хотя и нѣсколько уменьшенная. На лошадь выдавалось два гарнца ячменя и 5 фунтовъ сѣна.

8 августа, въ 6 часовъ утра, мы выступили изъ Чата и направились по степи параллельно правому берегу р. Сумбара.

Переходъ до Хоръ-Олума ($21^{1}/_{2}$ верстъ) ничѣмъ не отли-

чался отъ предыдущихъ, но за то это послѣдній степной переходъ. Недоходя версты три до этого пункта, мѣстность начинаетъ постепенно волноваться, сперва попадаются невысокіе песчаные и глинистые холмы и возвышенности, мало по малу переходящіе въ болѣе высокія известковыя горы, доходящія вплоть до самаго Копетъ-Дага, высокаго (до 3500 ф.), скалистаго хребта, отдѣляющаго Туркменію отъ Текинскаго оазиса. Вся эта гористая страна принадлежитъ іомудамъ и гокланамъ, находящимся въ постоянной и непримиримой враждѣ съ текинцами; оба эти племена живутъ по ауламъ, разбросаннымъ, большей частью, по рѣкѣ Сумбару, его притоку Чандырю и вдоль южнаго склона Копетъ-Дага, по рѣкамъ Гермау и Гемау.

Близь Хоръ-Олума, въ одной верстѣ, находятся развалины древней гробницы какого-то Джанъ-Махмуда. Остатки зданія, выстроеннаго изъ кирпичей, представляютъ четыре арки соединенныя сверху общей массивной крышей.

Переночевавъ въ Хоръ-Олумѣ, мы выступили съ разсвѣтомъ (въ $5^1/_2$ час. утра) на Дузъ-Олумъ. Недоходя Дузъ-Олума, спустились по крутой дорогѣ, въ почти высохшее русло рѣки Сумбара и переправившись по небольшому мостику на лѣвый берегъ ея, расположились лагеремъ.

Дузъ-Олумъ расположенъ у впаденія Чандыря въ Сумбаръ, на трехъ-угольной площади, окаймленной съ двухъ сторонъ вышеназванными рѣками, съ третьей же рвомъ и невысокимъ землянымъ валомъ. Со стороны рѣкъ Дузъ-Олумъ положительно неприступенъ, такъ какъ онѣ протекаютъ по дну глубокихъ балокъ, съ совершенно отвѣсными берегами, вышиной въ саженъ 15 или 20 и лишь въ двухъ мѣстахъ (кромѣ дороги, о которой я уже упомянулъ) можно спуститься къ нимъ по пробитымъ узкимъ тропинкамъ. По берегамъ Сумбара и Чандыря растетъ въ изобиліи высокій кустарникъ и изрѣдка попадаются болѣе крупныя деревья; чащи ихъ изобилуютъ фазанами и дикими курочками, а изъ болѣе крупныхъ животныхъ встрѣчается дикій баранъ. Въ Дузъ-Олумѣ, отстоящемъ отъ Чекишляра въ

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

210 верстахъ, также были устроены интендантскіе склады, хотя въ значительно меньшихъ размѣрахъ чѣмъ въ Чатѣ.

Въ Дузъ-Олумѣ стояли гарнизономъ: батальонъ ахалцыхскаго пѣхотнаго полка, сотня казаковъ и пѣшая полубатарея. Войска эти сильно пострадали отъ цынги и диссентеріи, особенно же ахалцыхскій батальонъ, входившій въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ въ составъ авангарда и занимавшійся тяжелыми работами по прокладкѣ дороги вообще и особенно, черезъ гору Бекъ-Тепе. Кромѣ мѣстнаго гарнизона, мы повстрѣчали здѣсь вторично колонну гр. Борха.

По приходѣ въ Дузъ-Олумъ мы вскорѣ узнали, что на завтра назначена дневка и что изъ складовъ будутъ принимать для отряда провіантъ и фуражъ на 30 дней. Однако же намъ выдали ихъ лишь на 15 дней и, вдобавокъ, сѣна не оказалось ни клочка. Тутъ простояли мы, вмѣсто одного дня, цѣлыхъ три и чего только не наслышались за это время. По однимъ свѣдѣніямъ, въ виду авангарда кн. Долгорукаго, по ту сторону бендесенскаго перевала, сосредоточилась армія текинцевъ въ 6,000 кавалеріи и 2,000 пѣхоты; по другимъ же, напротивъ, о непріятелѣ—ни слуху, ни духу. Одни сообщали за вѣрное, что экспедиціонный отрядъ сосредоточиваться будетъ въ Хаджи-Кала и оттуда выступитъ, послѣ достаточнаго снабженія провіантомъ и фуражемъ, въ общей колоннѣ, другіе, напротивъ, изъ еще болѣе вѣрныхъ источниковъ, объявляли, что отрядъ сосредоточится въ Бендесенѣ и будетъ раздѣленъ на три отдѣльныя колонны, подъ начальствомъ генераловъ, гр. Борха и кн. Витгенштейна, и полковника генеральнаго штаба Гродекова; при главной же колоннѣ пойдетъ генералъ Лазаревъ со штабомъ, прямо на Геокъ-Тепе и т. п.

10-го августа было получено извѣстіе, что на слѣдующій день прибудетъ въ Дузъ-Олумъ штабъ отряда, но безъ генерала Лазарева, котораго усилившаяся болѣзнь задержала въ Чекишлярѣ, хотя къ 17 числу онъ разсчитываетъ нагнать отрядъ. Ночью колонна графа Борха выступила въ Теръ-Саханъ.

Часовъ въ 9 утра слѣдующаго дня пришелъ штабъ съ гене-

раломъ Ломакинымъ во главѣ. Всѣ бросились съ распросами о здоровьи генерала Лазарева, причемъ узнали, что у него открылся новый карбункулъ на спинѣ, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ остаться въ Чекишлярѣ, на что, впрочемъ, согласился лишь послѣ усиленныхъ и настойчивыхъ просьбъ окружающихъ его лицъ, сына и докторовъ. Послѣдніе требовали, чтобы онъ уѣхалъ хотя на короткое время въ Баку, такъ какъ необходимо было болѣе серьезное леченіе, но генералъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Вечеромъ на другой день пришла изъ Чата почта, съ которой начальникъ штаба получилъ донесеніе, извѣщавшее, что генералъ Лазаревъ, выѣхавшій изъ Чекишляра 10 числа въ коляскѣ, прибылъ въ Чатъ и что въ состояніи его здоровья произошла перемѣна къ худшему, такъ какъ болѣзнь его осложнилась открытіемъ двухъ новыхъ карбункуловъ на шеѣ. Извѣстіе это мигомъ облетѣло весь отрядъ и всѣхъ сильно встревожило, хотя никто все еще не предвидѣлъ столь печальнаго конца болѣзни; всѣ смотрѣли на нее какъ на непріятную задержку отряда на болѣе или менѣе продолжительное время, отсрочивавшую начало открытія военныхъ дѣйствій, которыя всѣми ожидались съ нетерпѣньемъ.

13-го августа, въ 5 часовъ утра, кавалерійскій отрядъ князя Витгенштейна выступилъ изъ Дузъ-Олума на Бекъ-Тепе. Дорога проходитъ сперва вдоль лѣваго берега Сумбара, а затѣмъ пролегаетъ по холмистой и крайне пресѣченной мѣстности, лишенной всякой растительности. Весь этотъ переходъ (18 верстъ) былъ чрезвычайно тяжелъ, благодаря страшной пыли, подымавшейся густыми облаками при движеніи отряда. Не доходя до привала, мы почти незамѣтно поднялись на гору Бекъ-Тепе (желтая гора), находящуюся близь лѣваго берега Сумбара; съ вершины ея открылся прекрасный видъ на рѣку и прилегающую къ ней долину. Сѣверный спускъ съ горы чрезвычайно крутъ и по склону ея зигзагами извивается довольно узкая дорога; съ одной стороны ея идетъ высоко подымающаяся отвѣсная стѣна, съ другой—крутой обрывъ. Дорогу

эту въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, прокладывали два батальона (ахалцыхскаго и александропольскаго полковъ), входившіе въ составъ авангарда, и, надо имъ отдать справедливость, превосходно исполнили возложенную на нихъ тяжелую задачу. Не дешево, впрочемъ, обошелся имъ этотъ трудъ, такъ какъ работать пришлось въ самое жаркое время года, въ іюнѣ и іюлѣ, подъ палящими лучами солнца, нерѣдко при 48° по Реомюру; вслѣдствіе этого солдаты уничтожали страшную массу злокачественной воды, результатомъ чего было, естественно, сильное развитіе диссентеріи, которая порядкомъ опустошила ряды этихъ батальоновъ. Къ половинѣ іюля дорога эта была окончена и какъ разъ на серединѣ перевала въ память этого солдаты выбили въ стѣнѣ скромную надпись: «15-го іюля 1879 года».

Движеніе по этой дорогѣ было невыносимо; цѣлыя облака пыли закрывали все отъ глазъ, наполняя мельчайшимъ раскаленнымъ пескомъ носъ, ротъ, глаза и уши. Ѣдучи верхомъ, не видно было не только ближайшихъ сосѣдей, но даже головы собственной лошади; густая мгла окутывала каждаго со всѣхъ сторонъ. По временамъ, положительно, захватывало дыханье и не доставало воздуху. Мы двигались ощупью, на угадъ, рискуя каждую минуту слетѣть въ пропасть. Мѣстами порывомъ вѣтра, вырвавшагося изъ какого нибудь небольшаго ущелья или разщелины, разсѣевало на одно мгновеніе песчаную мглу и тутъ глазамъ представлялась глубокая пропасть, на днѣ которой виднѣлись гніющіе трупы верблюдовъ, свалившихся туда и заражавшихъ міазмами воздухъ. Каждый транспортъ, каждый отрядъ, проходившій по этой дорогѣ, платилъ дань Желтой-горѣ верблюдами, а иногда и людьми.

Пройдя благополучно бектепинскій перевалъ мы остановились въ долинѣ, близь рѣки Сумбара, и стали поджидать отставшій отъ насъ обозъ; мы пришли въ 10 часовъ утра, тогда какъ послѣдній стянулся весь лишь къ 2 часамъ пополудни, такъ что все это время пришлось по неволѣ жариться на солнопекѣ.

Отъ Бекъ-Тепе до Теръ-Сахана дорога пролегаетъ по горнымъ ущельямъ, то взбирается на гору или кряжъ, то снова спускается въ лощину; на всемъ протяженіи ($11^3/_4$ версты) она разработана довольно сносно и на столько широка, что два всадника, а мѣстами и три, могутъ свободно ѣхать въ рядъ. Несмотря однако на свою малость, переходъ этотъ былъ въ высшей степени утомителенъ, благодаря ужаснѣйшей пыли. На каждомъ шагу около дороги попадаются пропасти, крутые обрывы, ямы, и ничего этого не видишь при движеніи; подвигаешься впередъ отдавъ поводъ и слѣпо довѣрившись инстинкту лошади; изрѣдка порывомъ вѣтра разсѣетъ на минуту пыль и тутъ только замѣтишь, бывало, что находишься на самомъ краю обрыва. За то съ какимъ удовольствіемъ мы снова спустились въ долину Сумбара, покрытую сплошь кустарникомъ и лѣсомъ: пыль сразу прекратилась и всѣ словно ожили. Переправившись въ бродъ на правый берегъ рѣки, мы очутились въ Теръ-Саханѣ.

ГЛАВА VI.

Теръ-Саханская долина.—Горы, окружающія ее; окаменѣлости.—свидѣтельствующія о нахожденіи ихъ подъ водой.—Торговля Теръ-Сахана.—Вѣсть о кончинѣ генералъ-адъютанта Лазарева; послѣдніе часы его жизни.—Принятіе начальствованія отрядомъ генераломъ Ломакинымъ.— Отъѣздъ начальника штаба въ Чатъ и отправленіе тѣла генерала Лазарева въ Чекишляръ.—Выступленіе въ Хаджи-Кала.—Колодцы Маргисъ.—Хаджи-калинская долина.—Охота на кабановъ.—Развалины укрѣпленія.—Дѣйствія авангарда: проложеніе дорогъ; стычка у Хаджи-Кала и отбитіе барановъ; набѣгъ въ оазисъ.

Теръ-Саханъ—небольшой аулъ туркменъ-гоклановъ, расположенный на правомъ берегу Сумбара, верстахъ въ тридцати отъ его истока. Подобно жителямъ другихъ ауловъ, жители Теръ-Сахана, при приближеніи русскихъ войскъ, собрали свои кибитки, уложили имущество и перекочевали въ предѣлы Персіи; такъ, что отъ аула осталось лишь одно названіе, удержанное за собой мѣстностью, на которой онъ былъ расположенъ. Ко дню нашего прихода не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ аула, на мѣстѣ же имъ занимаемомъ стояли ряды бѣлыхъ палатокъ и кое гдѣ были разбросаны шалаши, сплетенные изъ хворосту.

Теръ-Саханская долина представляетъ собой совершенно гладкую площадь, версты въ двѣ длиной и около $^3/_4$ шириной. Съ сѣвера она ограничивается небольшими возвышенностями, тянущимися вплоть до колодцевъ Маргисъ; съ восточной стороны—почти отвѣсно подымающимся хребтомъ, вышиной около 1,500 ф.; съ запада—известковымъ кряжемъ, достигаю-

щимъ до 1,000 футовъ, подымающимся подъ угломъ 30°; съ юга—довольно большимъ лѣсомъ, перемѣшаннымъ съ кустарникомъ, за которымъ снова начинаются невысокіе холмы, доходящіе до горы Бекъ-Тепе. Долина эта орошается рѣкой Сумбаромъ, протекающей черезъ нее съ сѣверо-востока вдоль хребта, окаймляющаго ее съ восточной стороны; недоходя до лѣса, рѣка круто поворачиваетъ на западъ и течетъ далѣе на юго-западъ. Ширина Сумбара въ этомъ мѣстѣ очень невелика,—онъ производитъ впечатлѣніе ручья, но никакъ не рѣки; въ самомъ широкомъ мѣстѣ онъ едва достигаетъ сажени. Растительность по берегамъ его довольно велика.

Въ высшей степени интереснымъ представляется известковый кряжъ, окаймляющій Теръ-Саханскую долину съ запада. На вершинѣ его и по склонамъ попадаются въ изобиліи всевозможные окаменѣлости, какъ то: остатки допотопныхъ растеній, куски дерева, иногда цѣлыя вѣтки, встрѣчаются такъ называемые чортовы пальцы и т. п. Кромѣ того попадаются весьма часто окаменѣлыя раковины и оттиски ихъ, свидѣтельствующіе о томъ, что нѣкогда вся эта мѣстность находилась подъ водой, тогда какъ теперь она возвышается на 1000 слишкомъ футовъ надъ уровнемъ Каспійскаго моря. Очень жаль что при нашемъ отрядѣ не было ни одного ученаго спеціалиста, который могъ бы заняться подробнымъ изслѣдованіемъ этихъ горъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ рѣшенія ахалъ-текинской экспедиціи, называли даже фамиліи ученыхъ, которые отправятся при отрядѣ для подробнаго изученія почвы, фауны и флоры Текинскаго оазиса и Туркменіи.

Въ Теръ-Саханѣ довольно продолжительное время стояли войска авангарда, ко дню же нашего прихода онъ передвинулся въ Бендессены и мы нашли здѣсь лишь небольшой гарнизонъ, состоявшій изъ батальона александропольскаго полка. Вся торговля этого пункта ограничивалась двумя маленькими лавченками, пріютившимися въ небольшихъ шалашикахъ, но за то тутъ мы нашли дикій виноградъ, привозимый туркменами, и свѣжіе чуреки и хлѣбъ. Вблизи лавокъ

пріютился какой то армянинъ, приготовлявшій небольшія лаваши (лепешки) изъ туркменской муки, которыя пеклись, тутъ же при покупателяхъ, на курдючномъ салѣ. Торговля его шла чрезвычайно бойко.

Утромъ 15-го августа по отряду пролетѣла вѣсть о кончинѣ генерала Лазарева.

Извѣстіе это, какъ громомъ, поразило всѣхъ. Сперва никто не хотѣлъ повѣрить этому и думали, что это утка, кѣмъ-либо пущенная въ ходъ. Всѣ бросились наводить справки и вскорѣ убѣдились въ истинѣ этого извѣстія. Князь Витгенштейнъ въ это утро получилъ оффиціальное сообщеніе о кончинѣ генерала Лазарева, послѣдовавшей въ Чатѣ, въ ночь съ 13-го на 14-е число, въ $4^1/_2$ часа утра.

Генералъ Лазаревъ, прибывъ въ Чатъ, несмотря на два открывшіеся у него по дорогѣ изъ Чекишляра, карбункула, на спинѣ и на затылкѣ, рѣшилъ все-же продолжать путь и 13-го приказалъ съ вечера, чтобы къ 4 часамъ утра все было готово къ выѣзду. Вечеромъ генералъ почувствовалъ себя очень дурно. Болѣзнь быстро развивалась, но всѣ еще вѣрили, что желѣзный организмъ его, выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Самъ генералъ былъ далекъ отъ мысли о смерти; напротивъ, еще за часъ до начала предсмертной агоніи, онъ рѣзко замѣтилъ доктору Келдышеву, настаивавшему на болѣе продолжительной остановкѣ въ Чатѣ, что его дѣло лѣчить карбункулы и что онъ поэтому не понимаетъ всей важности и святости долга, возложеннаго Государемъ на него. «Я недолженъ служить задержкой для всего отряда», заключилъ онъ.

Около часу началась агонія и генералъ впалъ въ безпамятство, изъ котораго ужь не выходилъ до самой кончины, послѣдовавшей въ $4^1/_2$ часа утра. Извѣстіе о смерти любимаго начальника облетѣло съ молніеносной быстротой всѣ отряды, раскинувшіеся по обширнымъ степямъ, и произвело всюду самое тяжелое, удручающее впечатлѣніе. Всѣ любили и уважали достойнаго генерала, особенно же—части хорошо знавшія его по Турціи...

Вмѣстѣ съ этимъ, князь Витгенштейнъ былъ увѣдомленъ, что временное командованіе отрядомъ принялъ, на основаніи старшинства, генералъ-майоръ Ломакинъ.

По полученіи въ Дузъ-Олумѣ извѣстія о кончинѣ командующаго отрядомъ, начальникъ штаба, полковникъ Малама, тотчасъ же поскакалъ въ Чатъ и тамъ распорядился объ отправкѣ тѣла покойнаго въ Чекишляръ. Тѣло было набальзамировано, насколько это было возможно при данныхъ условіяхъ, положено въ свинцовый гробъ и немедленно отправлено въ путь въ сопровожденіи сына генерала, молодаго корнета лейбъ-гвардіи уланскаго полка, и трехъ ординарцевъ.

Между тѣмъ генералъ Ломакинъ отдалъ приказъ по войскамъ идти на Хаджи-Кала, гдѣ рѣшено было собрать военный совѣтъ и обсудить положеніе дѣлъ. Въ виду этого выступленіе нашего отряда изъ Теръ-Сахана назначено было на 17-е августа.

Въ часъ пополудни этого дня, выступилъ первымъ князь Витгенштейнъ съ 2 сотнями дагестанцевъ; вслѣдъ за нимъ въ 2 часа двинулся обозъ подъ прикрытіемъ 2 сотенъ лабинскаго казачьяго полка и ракетной батареи, а въ $4^1/_2$ часа вышли драгуны и артиллерія. Предстоялъ 46 верстный безводный переходъ. Привалъ былъ назначенъ у колодцевъ Маргисъ, въ 28 верстахъ отъ Теръ-Сахана.

Дорога до этого пункта проходитъ по довольно живописной гористой мѣстности; пыли было значительно меньше, чѣмъ на двухъ послѣднихъ переходахъ и люди бодро подвигались впередъ. Недоходя 10 верстъ до колодцевъ, мы обогнали обозъ и благодаря лунному освѣщенію продолжали безостановочно движеніе и въ 10 часовъ вечера пришли на мѣсто.

На мѣстности, называемой Маргисъ, находятся два колодца, но содержаніе воды въ нихъ настолько незначительно, что ее могло бы хватить едва для какого нибудь взвода, а потому не пришлось воспользоваться ихъ услугами. На этомъ бивакѣ намъ впервые пришлось испытать холодъ; всю ночь пронизы-

валъ насъ порывистый сѣверный вѣтеръ. Къ часу ночи стянулся по немногу обозъ.

Въ 3 часа утра весь лагерь былъ уже на ногахъ и полчаса спустя мы выступили въ совершенной темнотѣ.

Мѣстность отъ Маргиса до Хаджи-Кала становится немного ровнѣе и низменнѣе и перерѣзывается невысокими песчаными холмами. Пройдя 18 верстъ, мы перевалили черезъ кряжъ, по которому дорога была еще неразработана, такъ что пришлось тащить орудія на рукахъ, и глазамъ нашимъ представилась Хаджи-Калинская долина.

Мѣстность Хаджи-Кала представляетъ довольно большую площадь, окруженную съ сѣвера отвѣсной стѣной Копетъ-Дага, а съ трехъ остальныхъ сторонъ небольшими возвышенностями. Посреди ея подымается довольно высокій холмъ, у подножія котораго, на южной сторонѣ, находятся два источника, снабжающіе всю мѣстность превосходнѣйшей водой, какой мы нигдѣ не встрѣчали за весь походъ; источники эти образуютъ два небольшихъ ручья, соединяющихся въ полуверстѣ отъ холма. По берегамъ ихъ растетъ въ изобиліи частый кустарникъ и кое-гдѣ попадаются деревья. Лѣсокъ этотъ изобилуетъ фазанами, дикими курочками, куропатками и др. дичью. По соединеніи, ручей поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ на западъ. За лѣскомъ, по обоимъ берегамъ ручья, тянется густой и высокій тростникъ, въ которомъ попадаются цѣлыя стада кабановъ; они водятся здѣсь въ изобиліи, благодаря тому, что туркмены не употребляютъ ихъ въ пищу, а потому и не истребляютъ ихъ. Наши солдаты, отправлявшіеся на фуражировку за тростникомъ, встрѣчали ихъ массами и рубили просто косами и шашками. Охота на этихъ кабановъ не представляла большаго интереса, потому что они подпускали къ себѣ охотника на самое близкое разстояніе, такъ что приходилось стрѣлять чуть не въ упоръ, что, конечно, не могло доставить особеннаго удовольствія.

Въ $1^1/_2$ верстѣ, на сѣверо-западъ, отъ холма съ источниками виднѣлись развалины крѣпости, разрушенной русскими

войсками за годъ до нашего прихода. Крѣпость эта собственно и называлась Хаджи-Кала. Названіе свое она получила отъ нѣсколькихъ родовъ Ходжей*), населявшихъ долгое время эту мѣстность и покинувшихъ ее лѣтъ двадцать тому назадъ, вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ текинцевъ и персидскихъ куртинъ.

Хаджи-Калинская долина показалась намъ, послѣ пустынныхъ степей, настоящимъ эдемомъ. Здѣсь мы нашли превосходную, холодную, ключевую воду, какой ужь не пили съ Кавказа; тутъ мы нашли и тѣнь и прохладу, лѣсъ и траву; если прибавить къ этому изобиліе дровъ, всевозможной дичи нами настрѣлянной, и дынь, арбузовъ и винограду, навезенныхъ торговцами туркменами, то нетрудно себѣ представить съ какимъ удовольствіемъ отрядъ нашъ отдыхалъ здѣсь, широко пользуясь всѣми земными благами.

Авангарда князя Долгорукаго мы уже не застали, такъ какъ онъ передвинулся въ Бами и тамъ остановился поджидая остальной отрядъ. Вотъ что узнали мы о его дѣйствіяхъ:

Какъ сказано было выше, авангардъ, выступивъ изъ Чекишляра 6-го іюня, прошелъ почти безостановочно до Дузъ-Олума, устраивая по пути спуски къ Атреку и Сумбару, прокладывая дороги черезъ балки и роя кое-гдѣ колодцы. Послѣ того, пройдя до Теръ-Сахана, онъ остановился на болѣе продолжительное время и занялся проведеніемъ труднаго перевала черекъ Бекъ-Тепе, который къ 15-му іюля и былъ оконченъ. Получивъ извѣстіе о выступленіи главныхъ силъ изъ Чекишляра, князь Долгорукій немедленно двинулся впередъ. Недоходя Хаджи-Кала, авангардъ встрѣтилъ толпы текинцевъ, оберегавшихъ огромное стадо барановъ; быстрымъ налетомъ кавалеріи текинцы были обращены въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ и 4,000 барановъ. По стопамъ непріятеля князь Долгорукій прошелъ до Бендесена и, оставивъ

*) Ходжей считаютъ потомками пророка выселившимися изъ Аравіи съ цѣлью распространенія мусульманства.

здѣсь пѣхоту, вступилъ съ кавалеріей, горными орудіями и ротой охотниковъ въ горный перевалъ и вслѣдъ за симъ занялъ Бами. По приходѣ туда, узнавъ, что текинцы, встрѣченные имъ въ Хаджи-Кала, удалились на сѣверъ, въ пески, онъ выслалъ немедленно въ набѣгъ двѣ кавалерійскія колонны; первая изъ нихъ, состоявшая изъ двухъ сотенъ дагестанцевъ, подъ начальствомъ подполковника Васильчикова, прошла до колодцевъ Кара-Сингеръ и нагнавъ текинцевъ, отбила у нихъ около 4,000 барановъ и 300 верблюдовъ; вторая, летучая колонна, изъ сотни таманскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ поручика Словачинскаго, пройдя въ нѣсколько часовъ 60 верстъ, налетѣла на аулъ Ніазъ и послѣ получасоваго боя взяла его, отбивъ 900 верблюдовъ и 2,000 барановъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней авангардъ захватилъ болѣе 10,000 барановъ и 1,200 верблюдовъ и благодаря этому весь отрядъ былъ обезпеченъ на нѣкоторое время продовольствіемъ. Между прочимъ, поручикъ Словачинскій нашелъ въ Ніазѣ и освободилъ солдата александропольскаго полка, захваченнаго въ плѣнъ текинцами, пять дней передъ этимъ, въ окрестностяхъ Теръ-Сахана, въ то время, когда онъ пасъ стадо маркитанта. Солдатикъ этотъ былъ найденъ въ тяжелыхъ кандалахъ и разсказывалъ, что въ продолженіе всего пребыванія въ плѣну онъ служилъ развлеченіемъ всему аулу; днемъ его выводили изъ кибитки и тутъ толпа окружала его и всячески тѣшилась надъ нимъ. Его били, мучили, плевали въ глаза и уговаривали принять магометанство, обѣщая облегченіе участи. Особенно приставали къ нему женщины во время отлучекъ мужчинъ изъ аула.

По возвращеніи обѣихъ колоннъ въ Бами, князь Долгорукій вернулся съ трофеями въ Бендесенъ.

ГЛАВА VII.

Прибытіе генерала Ломакина въ Хаджи-Кала.—Военный совѣтъ.—Выступленіе отряда.—Набѣгъ колонны полковника Навроцкаго на кочевья акъ-аттабаевцевъ.— Развалины Чукурунъ-Кала.— Бендесенъ.— Парадъ.— Чтеніе приказа о вторженіи въ непріятельскую землю.

Поджидая въ Хаджи-Кала прибытія генерала Ломакина со штабомъ, мы были убѣждены, что простоимъ тутъ недѣли три, пока съ тылу не подойдутъ транспорты съ провіантомъ и фуражемъ, а вмѣстѣ съ ними всѣ свободныя войска и артиллерійскій паркъ изъ Чата; но тѣмъ не менѣе замедленіе это, хотя и при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ Чекишлярѣ, представлялось всѣмъ чрезвычайно тягостнымъ. Отрядъ, подзадоренный успѣхомъ авангарда, рвался впередъ...

Въ 5 часовъ пополудни 18-го числа пріѣхалъ со штабомъ генералъ Ломакинъ; войска отряда, выстроенныя шпалерами, встрѣтили новаго командующаго. На слѣдующій день собрался военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе всѣ высшіе чины отряда (кромѣ князя Витгенштейна, который почему то не явился) и на немъ, послѣ долгаго обсужденія, было принято рѣшеніе вторгнуться немедленно въ оазисъ.

Вѣсть объ этомъ была принята съ восторгомъ всѣмъ отрядомъ. Вечеръ послѣ окончанія совѣта, несомнѣнно, останется въ памяти участниковъ экспедиціи однимъ изъ лучшихъ ея воспоминаній. Съ вершины холма до вечерней зари раздавались веселые звуки оркестра ширванскаго полка, единственнаго во

всемъ отрядѣ, и далеко за полночь неслись со всѣхъ частей бивака, освѣщеннаго многочисленными огнями, дружныя пѣсни солдатъ; повсюду виднѣлись оживленныя энергіей бронзовыя лица солдатъ и веселыя рѣчи оглашали воздухъ.

20-го сентября штабъ, колонна генерала Борха и часть кавалеріи выступили въ Бендесены, а на слѣдующій день туда же перешли и остальныя части отряда.

Одновременно съ уходомъ послѣднихъ частей изъ Хаджи-Кала, выступила оттуда же колонна полковника Навроцкаго, въ составъ которой вошли 2 сотни лабинскаго полка, подполковника Арнольди, и взводъ ракетной батареи; колонна эта должна была проникнуть на западъ въ земли акъ-аттабаевцевъ и наказать за враждебныя противъ русскихъ дѣйствія и за уводъ части верблюдовъ, ими же намъ проданныхъ. 23-го полковникъ Навроцкій неожиданно налетѣлъ на главный аулъ аттабаевцевъ и хотя они успѣли спастись бѣгствомъ, но за то весь обозъ ихъ былъ нами отбитъ; оставивъ здѣсь одну сотню, онъ послалъ другую на ближайшій аулъ, расположенный въ 7 верстахъ отъ перваго. Захвативъ всего 1,900 верблюдовъ, полковникъ Навроцкій отобралъ 1,300 лучшихъ изъ нихъ и пройдя черезъ Кизилъ-Арватъ, въ которомъ нашелъ лишь стариковъ, женщинъ и дѣтей, вернулся по горнымъ тропинкамъ Копетъ-Дага въ Хаджи-Кала.

Возвращаюсь къ главному отряду.

Послѣдними пришли въ Бендесенъ переяславскіе драгуны, вслѣдствіе трехчасовой остановки на полпути, въ виду появленія конныхъ партій текинцевъ.

Дорога изъ Хаджи-Кала въ Бендесенъ пролегаетъ по ущелью, образуемому съ одной стороны Копетъ-Дагомъ, съ другой невысокими кряжами горъ; у входа въ это ущелье со стороны хаджи-калинской долины стоятъ развалины небольшаго укрѣпленія ходжей, Чукурунъ-Кала.

Бендесенъ, первый встрѣченный нами аулъ, принадлежащій текинскому племени, расположенъ у горы того же имени, близъ входа въ горный перевалъ; у подножія ея расположено

нѣсколько источниковъ, образующихъ ручей, орошающій всю близлежащую мѣстность. Еще задолго до прихода нашего жители этого аула сняли свои кибитки и перекочевали въ предѣлы оазиса, но слѣды отъ нихъ ясно были видны; по всѣмъ направленіямъ, то тутъ, то тмъ, валялись куски войлоку и кибиточныя жерди. Здѣсь мы впервые увидали глиняные постройки, принадлежавшія осѣдлой части жителей аула.

22-го сентября генералъ Ломакинъ сдѣлалъ парадъ, и частямъ, построеннымъ въ каре, послѣ панихиды по генералѣ Лазаревѣ и напутственнаго молебна, былъ прочитанъ приказъ, объявляющій о немедленномъ вторженіи въ непріятельскую землю. Привожу его дословно:

«Войска ахалъ-текинскаго отряда!

«Государю Императору благоугодно было повелѣть намъ двинуться въ Ахалъ-Текинскій оазисъ и занять его съ цѣлью обузданія независимыхъ туркменъ-теке и водворенія въ степи безопасности, столь необходимой для развитія благосостоянія въ краѣ.

«Зная о блестящихъ подвигахъ, оказанныхъ въ минувшую компанію одними изъ васъ на поляхъ Анатоліи, другими въ горахъ Чечни и Дагестана, я увѣренъ, что съ Божьей помощью мы оправдаемъ довѣріе нашего Всемилостивѣйшаго Монарха.

«Предстоящій степной походъ будетъ труденъ, но ваше мужество, выносливость и честное отношеніе къ службѣ, войска ахалъ-текинскаго отряда, служатъ мнѣ порукой за успѣхъ.

«Многіе изъ старшихъ и младшихъ начальниковъ вашихъ знакомы уже, по прежнимъ походамъ, съ туркменами и знаютъ, что въ борьбѣ съ ними на соблюденіе крайней осторожности при отправленіи сторожевой службы должно быть обращено наибольшее вниманіе. Врагъ, съ которымъ предстоитъ намъ имѣть дѣло, хотя не организованъ и слабо вооруженъ, но многочисленъ, дерзокъ, энергиченъ и, обладая неутомимыми и быстрыми конями, появляясь неожиданно и со всѣхъ сторонъ, можетъ быть опасенъ не только для одиночныхъ людей или командъ, но и для цѣлыхъ частей, пренебрегающихъ со-

блюденіемъ правилъ осторожности. Въ особенности необходимо усиливать бдительность въ ночное время, при движеніи транспортовъ и при охраненіи на пастьбѣ верблюдовъ.

«Непріятель преимущественно конный, дѣйствующій въ разсыпную, и потому въ случаяхъ столкновеній съ нимъ, въ пѣхотѣ держать резервы ближе къ цѣпи, а равно и одну линію отъ другой, а въ кавалеріи придерживаться исключительно сомкнутаго строя, охраняя внимательно фланги и тылъ. Къ спѣшиванію прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ и на пересѣченной мѣстности, не забывая, что огонь для кавалеріи средство вспомогательное, а не главное. Рекомендуя подобный образъ дѣйствій съ непріятелемъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю начальникамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами, такъ какъ невозможно предвидѣть всѣхъ случайностей обстановки, въ какую могутъ быть поставлены войска при дѣйствіяхъ съ такимъ своеобразнымъ непріятелемъ.

«Начальникамъ частей обратить также особенное вниманіе на сбереженіе здоровья нижнихъ чиновъ, на доброкачественность и достатокъ пищи. Наблюсти за исполненіемъ гигіеническихъ правилъ, рекомендуемыхъ врачами. Остерегаться простуды и избѣгать по возможности питья сырой воды, замѣняя ее при всякомъ удобномъ случаѣ чаемъ. Беречь лошадей и вообще вьючныхъ животныхъ, помня, что успѣхъ легче достижимъ при хорошемъ состояніи тѣхъ и другихъ».

По окончаніи парада, войска быстро стали готовиться къ выступленію; приказано было оставить въ Бендесенѣ весь колесный обозъ и всѣ тяжести, и сдать ихъ подъ росписку мѣстному гарнизону. Палатки взяли съ собою только пѣхота и артиллерія, кавалерія же выступила вполнѣ на легкѣ, оставивъ даже артельные котлы и сѣдельные чемоданчики.

Въ тотъ же день покинули Бендесенъ: въ часъ дня авангардъ князя Долгорукаго и въ три часа — генералъ Ломакинъ со штабомъ, въ сопровожденіи драгунскаго дивизіона. За ними на слѣдующій день двинулся на перевалъ графъ Борхъ съ главными силами.

ГЛАВА VIII.

Текинскій оазисъ и его обитатели.

Что такое Текинскій оазисъ? — Почва; производительность ея.—Орошеніе.— Общій типъ ауловъ. — Укрѣпленія. — Жилища: кибитки и сакли.—Текинское племя.—Подраздѣленія его.—Численность народонаселенія. — Религія.—Государственное устройство и ханы.—Обычное право и судъ.

Прежде чѣмъ продолжать описаніе нашего похода, я постараюсь нѣсколько ознакомить читателя съ врагомъ нашимъ и съ его землей. Желая сдѣлать знакомство это болѣе цѣльнымъ, я пополнилъ лично добытыя мною свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ.

Текинскимъ оазисомъ называется узкая полоса (отъ 10 до 40 верстъ ширины) земли, между 73° и 77° долготы, расположенная вдоль сѣвернаго склона Копетъ-Дагскаго горнаго хребта, окаймляющаго съ юга обширную песчаную пустыню Кара-Кумъ. Хребетъ Копетъ-Дагъ, начинаясь въ 100 съ небольшимъ верстахъ отъ Каспійскаго моря, сперва въ видѣ невысокихъ отроговъ, постепенно возвышается къ востоку и проходитъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ; въ западной части онъ носитъ названіе Кюранъ-Дагъ. Южный склонъ этихъ горъ довольно отлогъ и спускается цѣлымъ рядомъ террасъ, незамѣтно понижающихся кряжей, сѣверный же круто обрывается и возвышается во многихъ мѣстахъ почти отвѣсной стѣной. Первый даетъ начало рѣкамъ: Атреку, Сумбару, Чандырю и др., второй образуетъ множество небольшихъ ручьевъ

или рѣчекъ (около 35), ниспадающихъ въ простирающуюся у подножія его равнину. Ручьи эти, пробѣжавъ по ней 20, 30 верстъ, а нѣкоторые и далѣе, незамѣтно теряются въ пескахъ, орошая все пройденное пространство и превращая его изъ безплодной пустыни въ плодородный оазисъ. Полоса эта начинается невдалекѣ отъ Кизилъ-Арвата и кончается у Гяурса— эти два аула служатъ конечными пунктами Ахала. Оазисъ этотъ крайне неприступенъ, будучи защищенъ, съ одной стороны, огромными безводными пустынями, съ другой почти непроходимыми горами.

Почва Текинскаго оазиса большей частью глинистая, мѣстами попадаются песчаныя пространства и, ближе къ пескамъ Кара-Кума, солончаки; но, несмотря на это, въ теченіе полугода она бываетъ покрыта сочной травой. За то съ наступленіемъ весны, когда начинаются жары, оазисъ понемногу принимаетъ видъ пустыни, вся трава буквально выгораетъ, земля обнажается и лишь кустики верблюжьей колючки, кое гдѣ попадающіеся, сопротивляются дѣйствію солнечныхъ лучей. Въ это время оазисъ похожъ на пустыню, по которой разбросано множество маленькихъ оазисовъ-ауловъ, такъ какъ послѣдніе, благодаря искуственному орошенію, всегда окружены цвѣтущей зеленью.

Не смотря на глинистый грунтъ, почва оазиса довольно плодородна и безъ большаго труда посѣвы даютъ обильные сборы. На текинскихъ поляхъ произростаютъ ячмень, пшеница, джугара, хлопокъ, виноградъ, персики, тутовыя деревья, арбузы, дыни и т. п. Пшеница, арбузы, дыни и джугара растутъ на полѣ каждаго текинца, безъ нихъ онъ не можетъ обойтись; хлопокъ и тутовыя деревья встрѣчаются на поляхъ болѣе достаточныхъ, а фруктовыя деревья и виноградники считаются уже предметомъ роскоши и служатъ признакомъ большаго богатства ихъ хозяевъ. Скажу два слова о джугарѣ (она встрѣчается въ Эриванской губерніи подъ именемъ *сорго*): это своеобразное кормовое растеніе, дающее зерно въ видѣ крупы, ниспадающее внизъ кистями, составляетъ главный жизненный продуктъ текинца. Стебель джугары имѣетъ около вершка

толщины и аршина четыре высоты. Растетъ джугара болѣе сплошною массою, нежели кукуруза, но срѣзывается чрезвычайно легко, такъ что ее косятъ какъ траву. Войдя въ джугару, входишь точно въ чащу густаго лѣсняка.

Но чтобы земля давала хорошій урожай, необходимо, при сравнительно незначительномъ количествѣ воды, какое доставляется каждому аулу ручьемъ, и при рѣдкости дождя, искуственнымъ образомъ орошать поля. Надо отдать справедливость текинцамъ, что система орошенія доведена у нихъ до совершенства и ведется чрезвычайно правильно. Поля каждаго земледѣльца окружены оросительными канавами, соединенными особыми вѣтьвями съ главнымъ оросителемъ; выше аула текинцы устраиваютъ насыпь и по ней направляютъ теченіе ручья, такъ что дойдя до аула, уровень его оказывается значительно выше полей; иногда подобная насыпь тянется на протяженіи двухъ, трехъ верстъ. У конца ея обыкновенно строятъ общинную мельницу, по бокамъ же устраиваютъ спуски для воды, соединяющіеся съ оросительными вѣтьвями. Оросительныя канавки отдѣляются одна отъ другой небольшими плотинами, и, такимъ образомъ, несмотря на то, что количество воды, приносимое ручьемъ, не въ состояніи одновременно оросить въ достаточной мѣрѣ всѣ поля, благодаря этой системѣ орошеніе ихъ производится совершенно равномѣрно и воды въ ручьѣ хватаетъ на всѣ поля. Каждый земледѣлецъ знаетъ сколько времени должна проходить въ его поля вода и по прошествіи этого срока, самъ, безо всякаго посторонняго вліянія, тотчасъ же ставитъ плотины и прекращаетъ притокъ воды. Ни одинъ изъ нихъ не отважится никогда воспользоваться лишнимъ количествомъ воды.

По берегамъ ручьевъ стоятъ текинскіе аулы; въ сторонѣ отъ нихъ, гдѣ нельзя ужь устроить правильнаго орошенія, обработка полей невозможна.

Всѣ аулы съ виду похожи между собой. Обыкновенно посрединѣ возвышается глиняное укрѣпленіе, за стѣнами котораго жители ищутъ спасенія въ случаѣ нападенія не-

пріятеля; большей частью оно обнесено двумя стѣнами, наружною, имѣющею около 3 сажень вышины и аршина 4 ширины у основанія, и внутреннею, на сажень выше первой; изнутри обѣ стѣны имѣютъ довольно широкіе банкеты; впереди наружной стѣны идетъ широкій ровъ аршина въ 3 глубины, менѣе глубокій ровъ окружаетъ и внутреннюю ограду. Каждое укрѣпленіе имѣетъ однѣ ворота, довольно узкія, и нѣсколько небольшихъ проходовъ, сдѣланныхъ въ стѣнѣ. Укрѣпленія встрѣчаются четырехъ и шести угольныя съ бойницами по угламъ, круглыя съ бойницами и безъ оныхъ и т. п. Вокругъ укрѣпленія раскинуты глиняныя мазанки, кибитки, за ними сады, поля джугары, бахчи и поля пшеницы и ячменя.

Жилища текинцевъ въ аулахъ встрѣчаются двухъ родовъ: постоянныя и передвижныя. Къ первымъ принадлежатъ первобытной архитектуры глиняныя постройки, ко вторымъ кибитки. Скажемъ сперва о послѣднихъ: У всѣхъ племенъ туркменскихъ, какъ-то: ахалъ-текинцевъ, гокленовъ, іомудовъ, джафарбайцевъ и т. п., существуетъ одинъ общій типъ кибитокъ. Каждая изъ нихъ представляетъ собой цилиндръ аршина въ $2^1/_2$ вышины и аршинъ шесть въ поперечникѣ; отъ него подымается верхняя часть кибитки, служащая крышей и имѣющая видъ полушарія. Нижняя часть кибитки составляется изъ двухъ рядовъ жердей, сложенныхъ крестообразно, и легко складывается, такъ какъ въ мѣстахъ пересѣченія жердей находятся деревянные штифтики; снаружи она обтягивается цыновкой, сдѣланной весьма искусно изъ тростника. Верхняя же часть состоитъ изъ изогнутыхъ жердей, соединяемыхъ на верху деревяннымъ обручемъ; снаружи она обтягивается большими кусками войлока. Кругъ, образуемый на верху обручемъ, остается открытымъ и служитъ одновременно и окномъ, и дымовой трубой. Внутри кибитки, по самой серединѣ ея, находится обыкновенно глиняная печь, представляющая неглубокую круглую яму, съ ровными стѣнками, подымающимися на полъ-аршина надъ поверхностью земли; кругомъ нея все остальное пространство покрывается войлокомъ, сверхъ котораго растягиваются пал-

ласы со всевозможными цвѣтными рисунками и у стѣнъ лежатъ шелковыя мутаки; стѣны кибитки обыкновенно обтянуты у бѣдныхъ—войлочными палласами, у болѣе богатыхъ—текинскими или персидскими коврами. Первые особенно высоко цѣнятся между туркменами, благодаря своимъ превосходнымъ качествомъ. По стѣнамъ, кромѣ ковровъ, развѣшивается еще оружіе и все, что есть лучшаго изъ платья.

У богатыхъ имѣется по нѣскольку кибитокъ; въ такихъ случаяхъ семейство занимаетъ всѣ кибитки, кромѣ одной, предназначаемой для пріема гостей, которая и называется кунацкой кибиткой.

Что касается постоянныхъ жилищъ, то число ихъ въ аулахъ весьма невелико и составляетъ не болѣе десяти процентовъ; обыкновенно они группируются вблизи цитадели. Эти жалкія глиняныя мазанки, или сакли, представляютъ собой съ виду четырехъ-угольный ящикъ съ неширокимъ и низенькимъ отверстіемъ, замѣняющимъ двери, и узенькими щелками, въ родѣ бойницъ, служащихъ окнами. Стѣны этихъ мазанокъ сдѣланы изъ глины, перемѣшанной съ небольшимъ количествомъ саману, толщина ихъ около аршина. Верхняя часть, служащая крышей, какъ и всюду на востокѣ, совершенно плоская и состоитъ изъ бревенъ и толстыхъ сучьевъ обмазанныхъ глиной. Внутри мазанокъ стѣны кое-какъ выведены и на нихъ нѣтъ никакихъ украшеній, такъ какъ ими служатъ тѣ же ковры и палласы, какъ и въ кибиткахъ. Дома, въ которыхъ живутъ ханы и ишаны Ахала отличаются отъ обыкновенныхъ жилищъ только своими размѣрами. Впрочемъ исключеніе въ этомъ отношеніи составили лишь двѣ постройки, попавшіяся намъ по пути, въ аулѣ Беурмѣ, которыя обращали на себя всеобщее вниманіе и, несомнѣнно, принадлежали ханамъ или именитымъ текинцамъ. Одна изъ нихъ представляла собой высокое (сажень 5) четырехъ-угольное зданіе, съ большимъ куполомъ посрединѣ; стѣны его были гладко выведены; двери приличныхъ размѣровъ и окна пропускали достаточно свѣта; внутри его были устроены въ стѣнѣ четыре небольшія ниши, замѣнявшія шкафы и по

стѣнамъ было вбито нѣсколько большихъ желѣзныхъ крючковъ, для вѣшанія оружія. Другое зданіе было двухъ-этажное, обнесенное съ сѣверной стороны высокой стѣной, образовавшей дворъ; съ этой же стороны вдоль верхняго этажа шла довольно широкая крытая галлерея, поддерживаемая деревянными столбами. Зданіе это, какъ говорили, служило жилищемъ бермійскаго хана.

Сверхъ этихъ построекъ, во всѣхъ аулахъ на поляхъ каждаго хозяина, можно видѣть небольшія и низкія мазанки съ узенькимъ полукруглымъ отверстіемъ, въ которое съ трудомъ можетъ пролѣзть человѣкъ, служащія для склада пшеницы, *саману* (мелко изрубленная солома, служащая главной пищей лошадей) арбузовъ и дынь; мазанки эти попадаются двухъ типовъ: круглыя, съ небольшимъ куполомъ наверху, или же четырехъугольныя; объемъ внутренности ихъ довольно великъ, такъ какъ они углубляются въ землю аршина на два.

Текинцы принадлежатъ къ группѣ туркменскихъ племенъ и занимаютъ въ длинномъ ряду ихъ первое мѣсто по своему культурному развитію, богатству, многочисленности и могуществу.

Представителемъ туркменскихъ племенъ, вполнѣ заслуженно, считаютъ текинцевъ. Ни одно племя не можетъ выдержать сравненія съ ними. Они занимаютъ первое мѣсто по числу, богатству и могуществу. Текинцы слывутъ за первыхъ храбрецовъ и лучшихъ джигитовъ; въ то же время они превосходно воздѣлываютъ поля, разводятъ сады и чрезвычайно искусно орошаютъ ихъ. Текинскія женщины производятъ лучшіе ковры и палласы, которые высоко цѣнятся и расходятся по всей Турменіи, Хивинскому ханству, Бухарѣ и Персіи; мужья же ихъ считаются, въ свою очередь, первыми оружейниками — текинскія шашки и кинжалы считаются у туркменъ лучшими.

Текинское племя считается безусловно самымъ сильнымъ и воинственнымъ по всей Закаспійской области и служитъ грозой для окружающихъ его туркменскихъ народностей и

персовъ. Текинцы занимаютъ довольно обширную территорію, раздѣленную песками Кара-Кума на двѣ части, составляющія отдѣльные оазисы, Ахалъ и Мервъ, и сообразно этому жители одного называются ахалъ-текинцами, другаго же—мервскими туркменами, но въ существѣ между ними нѣтъ ровно никакого различія, такъ какъ мервцы суть тѣже текинцы, покорившіе оаисъ въ 1834 году и поселившіеся въ немъ, послѣ изгнанія племени Сарыкъ, жившаго въ Мервѣ.

Жители обоихъ оазисовъ дѣлятся по образу жизни на двѣ части: осѣдлое (чомуръ) и кочевое (чорва). Осѣдло живетъ болѣе бѣдная часть населенія; кочуетъ болѣе богатая,—ее принуждаютъ къ этому стада, которыми она обладаетъ. Съ наступленіемъ лѣта, кочевые текинцы покидаютъ свои аулы и уходятъ со стадами на пастбища, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, такъ какъ текинскій оазисъ на это время превращается въ пустыню, вся растительность сохнетъ и выгораетъ. Съ наступленіемъ осеннихъ дождей, оазисъ снова покрывается травой и кочевники возвращаются въ свои аулы. Но это дѣленіе не постоянно: идеалъ всякаго текинца—кочевая жизнь и всякій чомуръ, лишь только обстоятельства дозволятъ ему обзавестись стадами, тотчасъ же бросаетъ осѣдлую жизнь; и наоборотъ,—разорившійся чорва вынужденъ, потерявъ свои стада, превратиться въ чомура.

Подобно всѣмъ туркменскимъ племенамъ, и текинское племя (халки) подраздѣляется на *роды* (тайфе) и *кланы* (тире). Но кромѣ дѣленій на роды и на осѣдлыхъ и кочевыхъ, ахалъ-текинцы дѣлятся на *тохтамышцевъ* и *утемышцевъ*. Тохтамышцами называется болѣе мирная часть населенія, составляющая приблизительно $^2/_3$, остальная треть утемышцы—воинственная часть племени. Населеніе западной части оазиса (до Бами) состоитъ цѣликомъ изъ тохтамышцевъ; въ средней и восточной они перемѣшаны съ утемышцами, за исключеніемъ ауловъ Бeурмы, Нухура, Геокъ-Тепе, Изганта и Гяурса, населенныхъ исключительно утемышцами.

Численность народонаселенія Ахала опредѣляется различно;

такъ, по Венюкову она простирается до 30,000 кибитокъ, по свѣдѣніямъ, добытымъ нашими рекогносцировочными отрядами, до 40,000 кибитокъ. По увѣреніямъ же Текме (или Тыкма)—Сердара (хана беурмійскаго), находившагося при нашемъ экспедиціонномъ отрядѣ, число кибитокъ простирается до 22 тысячъ; въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ пересчитывалъ по пальцамъ всѣ аулы оазиса и въ итогѣ получалась приблизительно эта цифра. Считая среднимъ числомъ по 7 душъ на кибитку получится 154,000 жителей. По свидѣтельству его, населеніе оазиса распредѣляется между поселенными пунктами, слѣдующимъ образомъ: Въ укрѣпленныхъ аулахъ: въ Кизилъ-Арватѣ—500 кибитокъ; въ Кочѣ и Заау—по 200 кибитокъ; Кизилъ-Чешме—40; Бами—550; Беурмѣ—1,100; Арчманѣ—400; Сунче и Мурче—по 200; Бегриденѣ—250; Дурунѣ — 300; Караганѣ — 300; Акъ-Тепе — 1,100; Мехинѣ и Яроджѣ—по 200; Геокъ-Тепе—5,000; Какшалѣ—1,000; Канчикѣ, Гумбетли, Изгнантѣ, и Бузмеинѣ—по 300; Херрыкѣ—100; Кипчакѣ и Гекча—по 250; Кеши и Асхабадѣ—по 1,100; Аннау—1,100; Гаурсѣ—40 и Бабадурмѣ—100. Въ неукрѣпленныхъ аулахъ (числомъ 35) распредѣляются остальныя 5,320 кибитокъ. Конечно, всѣ эти опредѣленія количества народонаселенія настолько гадательны, что никто не вправѣ утверждать, что ошибается Венюковъ, а Текме-Сердарь правъ, и обратно; но что касается меня лично, то я скорѣй склоненъ думать, что число кибитокъ едвали превышаетъ 25,000.

Текинцы, подобно другимъ племенамъ Туркменіи, исповѣдуютъ магометанскую религію, суннитскаго толку; но, вслѣдствіе весьма незначительнаго распространенія въ ихъ средѣ арабскаго языка, они мало знакомы съ кораномъ и сунной и не могутъ быть названы ярыми фанатиками. Хотя они увѣряютъ, что главная причина ихъ вражды къ персамъ заключается въ исповѣданіи послѣдними шіитскаго толку, но это несправедливо, такъ какъ причинами вражды этой служатъ: исконная племенная вражда, страсть къ грабежу, и презрѣніе вызываемое въ нихъ трусостью персовъ. Муллы или какъ ихъ называютъ

ишаны, въ обыкновенное время, пользуются весьма незначительнымъ вліяніемъ и ни въ одномъ аулѣ мы не встрѣтили ни мечети, ни минарета.

Текинское племя не имѣетъ строго опредѣленной государственной организаціи, оно не имѣетъ даже одного общаго главу или хана, а каждый аулъ имѣетъ своего особаго хана, который однако пользуется весьма незначительной частицей власти. Онъ есть лишь совѣтникъ своего народа; но такъ какъ въ ханы избираются самые храбрые, умные, опытные и уважаемые воины, то ихъ совѣты, въ большинствѣ случаевъ, равносильны приказаніямъ. Но разъ, ханъ почему либо, потеряетъ довѣріе или уваженіе народа—онъ лишается сразу всей своей власти и вліянія. Власть нѣкоторыхъ хановъ распространяется иногда и за предѣлы роднаго аула, на нѣсколько сосѣднихъ ауловъ, иногда же и на цѣлую ѳбласть оазиса. Напримѣръ, таковой властью пользуется въ настоящее время Нуръ-Верды-ханъ. Но явленія этого рода вызываются исключительными обстоятельствами, когда все племя соединяется, въ виду угрожающей опасности, въ одно цѣлое. Всякій ханъ имѣетъ около себя нѣсколькихъ совѣтниковъ, выбираемыхъ обыкновенно изъ наиболѣе прославившихся сердарей и батырей; всѣ наиболѣе важныя дѣла рѣшаются народною сходкой. Дѣла касающіяся всего Ахала рѣшаются съѣздами хановъ, ишановъ и представителей отъ всѣхъ ауловъ; въ нихъ принимаетъ иногда участіе нѣсколько тысячъ человѣкъ. За послѣднія пять лѣтъ подобные съѣзды происходили чуть не ежегодно.

Текинцы не платятъ никакихъ податей и не несутъ какихъ-либо повинностей; каждый изъ нихъ вполнѣ самостоятеленъ и лишь номинально подчиненъ своему хану. Обычное право у нихъ господствуетъ въ полной силѣ и всѣ распоряженія и предписанія хановъ исполняются лишь до тѣхъ поръ, пока не противорѣчатъ вкоренившимся обычаямъ. Сила обычая на столько велика, что на каждаго нарушителя его, смотрятъ всѣ, какъ на величайшаго преступника.

Обычное право замѣняетъ вполнѣ писанные законы. На

основанiи его производится судъ надъ преступниками. Замѣчательно, что система наказанiй у текинцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ системѣ «Русской Правды»; за самыя тяжкiя преступленiя, начиная съ убiйства, полагается денежная пеня, иногда весьма крупная. Кровавой мести они не знаютъ, но за то размѣръ пени за убiйство простирается иногда до 3,000 рублей и болѣе, которые убiйца долженъ выплатить сполна родственникамъ пострадавшаго; если его имущества не хватаетъ на удовлетворенiе ихъ, то жители его аула пополняютъ обыкновенно всю недостающую сумму доброхотными пожертвованiями; если же и этого мало, то они же прибѣгаютъ къ благотворительности жителей ближайшихъ ауловъ и недостающую затѣмъ сумму распредѣляютъ между собой поровну и пополняютъ.

ГЛАВА IX.

Войско и вооруженіе.—Сторожевые пикеты.—Система сигналовъ.—Способъ обороны края.—Нашествія: хивинцевъ въ 1855 г. и персовъ въ 1859 г.—Набѣги. — Организація партіи. — *Кунъ*—вознагражденіе за убитыхъ. — Рабство.—Торговля; вывозъ и ввозъ; торговцы.—Промышленность.

Постояннаго войска, правильно организованнаго и обученнаго, конечно, нѣтъ у текинцевъ; когда нужно, они всѣ становятся воинами, хорошо владѣющими оружіемъ и смѣло идущими на встрѣчу смерти,

Всякій сынъ Ахала съ малыхъ лѣтъ на лошади, едва станетъ юношей — принимаетъ уже участіе во всѣхъ набѣгахъ, сопровождаемыхъ иногда довольно сильными схватками съ непріятелемъ. Въ этихъ набѣгахъ и образуется текинскій воинъ; каждый изъ нихъ отличный стрѣлокъ и превосходный рубака.

Полное вооруженіе текинскаго воина состоитъ изъ ружья, по преимуществу обыкновеннаго курковаго азіатскаго, съ придѣланной къ нему откидной рогатиной, служащей, когда нужно, подставкой для ружья, одного или двухъ пистолетовъ, шашки—персидскаго образца, кинжала (въ родѣ прямаго охотничьяго ножа) и копья съ крючкомъ; послѣдними по преимуществу вооружены пѣхотинцы.

Что касается артиллеріи, то таковой у ахалъ-текинцевъ неимѣется совсѣмъ; по разсказамъ же, у мервскихъ-туркменъ будто бы есть 30 орудій, изъ которыхъ они обѣщали при-

слать нѣсколько, вмѣстѣ съ вспомогательнымъ отрядомъ, для борьбы съ русскими. За то артиллерію замѣняютъ текинцамъ старинныя крѣпостныя ружья, самыхъ оригинальныхъ системъ.

Текинцы, безпрестанно нападая на своихъ сосѣдей, въ свою очередь всегда поджидаютъ къ себѣ врага и, благодаря этому, всѣ горныя тропинки и проходы, ведущіе въ Хороссанъ и Туркменію, а равно и наиболѣе высокія вершины хребта, постоянно заняты конными и пѣшими пикетами, оберегающими всѣ входы и выходы оазиса. Лишь только появится врагъ, пикетъ подаетъ сигналъ, зажигая на ближайшей возвышенности, видимой изъ оазиса, огромный, заранѣе приготовленный, костеръ. Путемъ этихъ сигналовъ текинцы знаютъ о всѣхъ передвиженіяхъ врага; остановится ли онъ на ночлегъ, тотчасъ появляются на возвышенностяхъ, ночью огни, днемъ столбики дыма; выступаетъ ли — опять то-же. У нихъ существуетъ цѣлая система сигналовъ, при помощи которой они узнаютъ все, что имъ нужно относительно непріятеля.

При первомъ извѣстіи о намѣреніи того или другаго врага вторгнуться въ одинъ изъ оазисовъ, всѣ жители берутся за оружіе, соединяются въ избранномъ укрѣпленномъ пунктѣ и тамъ поджидаютъ непріятеля, для отпора его общими силами; если опасность грозитъ Ахалу—мервцы спѣшатъ туда на помощь, и обратно. Способъ отраженія нашествія однимъ ударомъ, наносимымъ соединенными силами племени, постоянно достигалъ цѣли и потому они рѣшили примѣнить его и для отпора русскихъ войскъ. Подобнымъ образомъ имъ удалось отразить неоднократныя вторженія персовъ, разныхъ туркменскихъ племенъ и хивинцевъ. Такъ въ 1855 году, ханъ Хивинскій Медеминъ двинулся на Мервъ съ огромной арміей, но, въ происшедшемъ подъ стѣнами этого города сраженіи, потерпѣлъ пораженіе; войско его было почти цѣликомъ уничтожено и самъ онъ погибъ.

Если силой нельзя совладать съ врагомъ, текинцы прибѣгаютъ къ хитрости. Когда въ 1859 году персидскій шахъ по-

слалъ на Мервъ, съ цѣлью покоренія его, сорока-тысячную армію при 32 орудіяхъ, во главѣ родственника своего Султанъ-Мурадъ-Мирзы, жители оазиса, подкрѣпленные ахальцами, послѣ неудавшейся попытки разбить персовъ въ открытомъ полѣ, вынуждены были укрыться за стѣнами города; поражаемые огнемъ артиллеріи, они, наконецъ, выслали въ непріятельскій лагерь депутацію и изъявили полную покорность. Гонецъ поскакалъ къ шаху съ донесеніемъ о подчиненіи его державѣ Мерва, но прежде чѣмъ онъ доѣхалъ до Тегерана, персидская армія была уже истреблена. Это случилось (по свидѣтельству текинцевъ) слѣдующимъ образомъ: Осторожный предводитель персовъ, недовѣряя мервцамъ, не рѣшился вступить въ городъ и разбилъ подъ стѣнами его укрѣпленный лагерь, доступъ въ который былъ открытъ только женщинамъ, приносившимъ съ собой для торговли съѣстные припасы и разный товаръ. Число посѣтительницъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, персы свыклись съ ними и перестали обращать на нихъ вниманіе. Однажды число женщинъ было особенно велико, дошло до нѣскольких тысячъ. Персы спокойно сидѣли по шатрамъ съ частью изъ нихъ; нѣкоторыми занялись и военачальники; до остальныхъ никому не было дѣла. Стемнѣло. Вдругъ же по выстрѣлу, текинки сбрасываютъ свои покрывала, съ яростью бросаются, на безоружныхъ враговъ и разятъ ихъ шашками и кинжалами. Подъ покрывалами, на половину, оказались храбрѣйшіе воины. Лишь только лагерь огласился криками, какъ съ двухъ сторонъ его послѣдовало нападеніе, подкравшихся подъ прикрытіемъ ночи, двухъ сильныхъ отрядовъ изъ Мерва. Изъ всей персидской арміи, спаслись лишь Султанъ-Мурадъ-Мирза съ небольшимъ числомъ всадниковъ.

Любимѣйшее занятіе ахалъ-текинца, жизненная потребность его дикой натуры, есть набѣгъ. Почти каждый годъ устраиваютъ они набѣги на сѣверныя границы Персіи, грабятъ села и деревни, а жителей уводятъ въ рабство и частью продаютъ, частью оставляютъ у себя. На имущество пограничныхъ персовъ они смотрятъ, какъ на главный источ-

никъ своихъ доходовъ. Кромѣ персовъ, они не прочь пограбить и своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ туркменъ-гокленовъ, іомудовъ и др. Что касается насъ, то серьезнаго вреда, непосредственно, они намъ не причиняютъ, такъ какъ торговля наша въ Закаспійскомъ краѣ находится на очень низкой степени развитія и почти ограничивается мелкимъ торгашествомъ разныхъ армянъ-проходимцевъ по побережнымъ пунктамъ, какъ то фортѣ Александровскомъ, Красноводскѣ и Чекишлярѣ, торгующихъ жизненными припасами и болѣе необходимыми предметами домашняго обихода. Сношенія ихъ съ туркменами самыя незначительныя и вглубь страны они никогда не рискуютъ пуститься.

Въ набѣгахъ, разумѣется, главное участіе принимаютъ утемышцы. Партія для набѣга вербуется самымъ простымъ образомъ: ханъ или просто пользующійся вліяніемъ воинъ, задумавъ набѣгъ, втыкаетъ копье у входа въ свою кибитку и объявляетъ согражданамъ своимъ, что желаетъ отправиться туда-то и туда-то и для этого ему необходимо набрать такое-то число воиновъ. Вѣсть объ этомъ съ быстротой молніи облетаетъ всѣ аулы. Желающіе принять участіе въ набѣгѣ, являются къ кибиткѣ организатора и втыкаютъ рядомъ съ его копьемъ свои пики. Когда необходимое число наберется, назначается опредѣленный день и партія выступаетъ въ походъ и иногда, спустя нѣкоторое время, возвращается съ богатѣйшей добычей и плѣнными, иногда же, въ случаѣ неудачи, изъ числа отправившихся удальцовъ возвращается лишь небольшая часть, привезя вмѣсто добычи трупы убитыхъ въ схваткѣ съ непріятелемъ товарищей.

Въ случаѣ удачи набѣга, вся добыча дѣлится поровну между всѣми участниками его, причемъ вождь, организовавшій набѣгъ или приглашенный для руководительства имъ, получаетъ двойную, а иногда и большую долю; точно также въ увеличенномъ размѣрѣ выдается вознагражденіе семействамъ воиновъ убитыхъ въ набѣгѣ. За то если предпріятіе неудается и партія вернется съ пустыми руками, потерявъ лишь въ схваткѣ съ непріятелемъ

часть воиновъ, то всѣ участники набѣга, оставшіеся въ живыхъ, должны изъ собственныхъ средствъ вознаградить семейства павшихъ въ бою. Это вознагражденіе за убитыхъ называется — *Кунъ*.

Безъ набѣга текинцу жизнь не въ жизнь — въ немъ вся поэзія и прелесть его жизни.

Естественнымъ результатомъ безпрестанныхъ войнъ и набѣговъ, ведомыхъ текинцами съ окружающими ихъ народами и племенами, является рабство, которое существуетъ у нихъ съ незапамятныхъ временъ. Захватывая въ плѣнъ непріятелей, они превращаютъ ихъ въ рабовъ и частью продаютъ въ Бухару и Афганистанъ, частью вымѣниваютъ на своихъ сородичей, частью же оставляютъ при себѣ, для исполненія домашнихъ и полевыхъ работъ. Положеніе рабовъ вообще незавидно, а у текинцевъ въ особенности; ужъ не говоря о тѣхъ, которые томятся многіе годы въ заключеніи въ какой-либо мазанкѣ, съ тяжелыми бревнами, привязанными къ ногамъ и съ кандалами на рукахъ, жизнь другихъ рабовъ, пользующихся, сравнительно съ ними, большей свободой, обрабатывающихъ поля пасущихъ стада и услуживающихъ своимъ хозяевамъ, очень тяжела, вслѣдствіе скудной пищи, имъ удѣляемой, и постоянно наносимыхъ побоевъ и оскорбленій. Впрочемъ, съ рабами туркменами или киргизами текинцы обращаются гораздо лучше, чѣмъ съ персами-шіитами и русскими. Число рабовъ въ Ахалъ-Теке незначительно, такъ какъ они предпочитаютъ продавать ихъ въ сосѣдніе края, чѣмъ оставлять у себя. До 1873 года главнымъ мѣстомъ сбыта рабовъ была Хива, на рынкахъ которой можно было всегда встрѣтить текинцевъ, торгующихъ этимъ товаромъ.

Торговля у текинцевъ стоитъ на довольно низкой степени, развитія; они ведутъ ее съ Хивой, Мервомъ, сосѣдними племенами и Персіей, но въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Вывозъ состоитъ изъ ковровъ, палласъ, холоднаго оружія и лошадей; ввозъ — порохъ, свинецъ, огнестрѣльное оружіе, хлопчато-бумажныя и шелковыя ткани и т. п. — У насъ

въ отрядѣ являлись по временамъ текинскіе торговцы (во время стоянокъ въ Бендесенахъ, Хаджи-Кала и Теръ-Саханѣ) изъ числа жителей нѣкоторыхъ ауловъ западной части оазиса, являлись торговцы и изъ другихъ туркменскихъ племенъ, и всѣмъ чрезвычайно нравилось ихъ честное отношеніе къ дѣлу. У нихъ нѣтъ принципа, «не надуешъ — не продашь», такъ сильно вкоренившагося въ Россіи. Они, повидимому, вполнѣ сознаютъ, что не покупатели существуютъ для нихъ, а напротивъ они — для покупателей, и потому при покупкѣ чего-либо предоставляютъ покупателю право выбирать все то, что ему покажется лучше; затѣмъ, свѣсивъ совершенно вѣрно, они, кромѣ того, считаютъ долгомъ дать еще немного товару на прибавку. Къ сожалѣнію, намъ пришлось имѣть весьма мало непосредственныхъ сношеній съ торговцами, пріѣзжавшими въ нашъ отрядъ; едва, бывало, покажутся таковые, какъ тотчасъ же явятся нѣсколько армянъ, скупятъ у нихъ по дешовкѣ весь товаръ и тутъ же, въ ихъ присутствіи, продаютъ намъ въ три-дорога, обмѣривая и обвѣшивая самымъ непозволительнымъ образомъ.

Производительность текинцевъ хотя и невелика, но все же гораздо болѣе развита, чѣмъ у остальныхъ туркменскихъ племенъ. Текинскія женщины мастерски выдѣлываютъ бархатные и нитяные ковры и палласы, которые высоко цѣнятся въ Хивѣ, Бухарѣ и Персіи, ткутъ сукна изъ верблюжьей шерсти, грубыя шелковыя и бумажныя матеріи, вышиваютъ ткани шелкомъ и т. п.; текинцы по преимуществу оружейники,—шашки и кинжалы ихъ раскупаются охотно сосѣдними племенами; шашки схожи съ персидскими, кинжалы же узки, довольно длинны, имѣютъ лезвіе съ одной стороны и прямыя (большей частью костяныя или деревянныя) рукоятки. Текинскіе же оружейники недурно справляются и съ выдѣлкой ружей.

ГЛАВА X.

Домашній бытъ. — Положеніе женщины. — Амазонки. — Наружность текинцевъ.—Пища.—Куреніе табаку; *ерз-чилимз*.—Развлеченія.—Заключеніе браковъ: торгъ; цѣнность невѣстъ; брачный обрядъ.—Разводъ.—Похороны.—Кладбища. — Имущество движимое и недвижимое. — Текинскія лошади. — Характеристика текинцевъ.

Домашній бытъ текинцевъ, устроенъ вполнѣ первобытно. Мужъ является полновластнымъ, ни отъ кого независимымъ хозяиномъ и имѣетъ даже право жизни и смерти надъ остальными членами семьи. Какъ и всюду на Востокѣ, положеніе женщины крайне печально; она является вполнѣ безгласнымъ и покорнымъ существомъ, на которое возлагаются всѣ трудныя работы: она пашетъ землю, пасетъ стада, разбиваетъ и складываетъ кибитки, исполняетъ всѣ работы по хозяйству и т. п. Тѣмъ не менѣе у текинцевъ, какъ и у другихъ туркменскихъ племенъ, женщина пользуется бо́льшей свободой чѣмъ въ Турціи, Персіи или на Кавказѣ; лица почти никогда не закрываетъ, не ведетъ замкнутаго образа жизни и, даже, въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ занять общественное положеніе и пріобрѣсть власть и вліяніе на дѣла аула или рода. Нѣкоторыя женщины, болѣе энергичныя, принимаютъ участіе въ набѣгахъ наравнѣ съ мущинами и превосходно владѣютъ оружіемъ. Привыкнувъ съ дѣтства къ верховой ѣздѣ, развивъ мускулы непрестанной работой, онѣ иногда не уступаютъ въ силѣ и ловкости любому воину и джигиту. Степная амазонка. съ шашкой съ боку, цѣлымъ арсеналомъ за поясомъ, ружьемъ

съ рогатиной за плечомъ и длинной пикой въ рукахъ, мчась на лихомъ конѣ, представляетъ оригинальное и восхитительное зрѣлище. Бываютъ случаи, что амазонка, отличившаяся во многихъ схваткахъ съ непріятелемъ, пріобрѣтаетъ такое уваженіе и вліяніе, что ее выбираютъ старшиной или аксакаломъ. Подобныя амазонки встрѣчаются и у другихъ племенъ.

Типъ текинцевъ своеобразенъ, но они вовсе не такъ безобразны, каковыми ихъ представили въ иллюстрированныхъ журналахъ, которые мнѣ приходилось видѣть; напротивъ того, они довольно красивы. Текинское племя, дѣлая испоконъ вѣку постоянные набѣги на Персію, уводило съ собой множество персіянокъ, которыхъ частью дѣлали женами, частью наложницами; вслѣдствіе этого племя это въ настоящее время представляетъ смѣсь туркменскаго типа съ персидскимъ. Текинцы всѣ большаго роста, превосходно сложены, съ сильно развитыми мускулами, смуглыя лица имѣютъ правильное очертаніе и окаймлены (у большинства) остроконечной бородой и усами; отверстія глазъ довольно широки; почти у всѣхъ цвѣтъ волосъ черный, какъ смоль. Женатые брѣютъ всю голову, холостые же оставляютъ на затылкѣ двѣ пряди волосъ. Что касается женщинъ, то онѣ также велики ростомъ, обладаютъ роскошными формами и довольно пріятными чертами лица; у нихъ и глаза шире и скулы не такъ сильно выдаются, какъ у туркменокъ другихъ племенъ, и хотя большинство изъ нихъ по нашимъ понятіямъ некрасивы, но изрѣдка встрѣчаются и между ними красавицы.

Одежда у текинцевъ та же, что и у другихъ туркменскихъ племенъ. Костюмъ мужчинъ состоитъ изъ шерстянаго цвѣтнаго халата, перепоясываемаго широкимъ кушакомъ, за который засовываютъ одинъ или два курковые пистолета (кремневые встрѣчаются рѣже) и кинжалъ; далѣе — широкіе шаровары изъ грубаго полотна, большей частью синяго цвѣта; на ногахъ кожаныя остроконечныя туфли, надѣваемыя на босо. Головной уборъ состоитъ изъ ермолки, расшитой шелками, а у богатыхъ золотомъ и серебромъ, поверхъ которой одѣвается черная или

бѣлая папаха изъ бараньей шкуры значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ у туркменъ другихъ племенъ. Въ торжественныхъ случаяхъ поверхъ перваго халата надѣваютъ другой, шелковый цвѣтной (по преимуществу зеленый, малиновый или коричневый). Женскій костюмъ состоитъ изъ простого пущеннаго безъ таліи платья, перепоясаннаго кушакомъ; голову оригинально повязываютъ платкомъ, изъ подъ котораго выбиваются наружу косы. Праздничная одежда туркменокъ состоитъ изъ шелковаго халата, большей частью желтаго цвѣта, роскошно вышитаго цвѣтными шелками; онъ надѣвается въ накидку и имѣетъ позади два фальшивыхъ рукава. Кромѣ того онѣ носятъ серебряныя ожерелья и серьги, сдѣланныя изъ крановъ (персидская монета=1 франку) или тонкихъ пластинокъ со вставленными въ нихъ кусками сердалика. Богатыя текинки носятъ рубашки, короткія юпки, одѣтыя поверхъ широкихъ стянутыхъ внизу шароваръ, суконный или шелковый бешметъ, незастегивающійся спереди и на головѣ шелковый бѣлый тюрбанъ, съ длинными, ниспадающими концами; кромѣ другихъ украшеній, онѣ носятъ еще на рукахъ и ногахъ толстые серебряные браслеты.

Въ пищѣ текинцы крайне неприхотливы и довольствуются весьма малымъ; главнымъ образомъ ею служатъ: баранина, арбузы, дыни, крупа джугары, верблюжій и овечій сыръ, масло и чуреки (хлѣбъ) изъ пшеничной муки. Обыкновенную пищу составляетъ похлебка, приготовляемая слѣдующимъ образомъ: въ котелъ наливаютъ воды и варятъ въ ней баранину, затѣмъ кладутъ туда кусокъ курдючнаго сала, нѣсколько горстей пшеничной муки, немного соли, и супъ готовъ. Чуреки они пекутъ въ глиняныхъ, особо устроенныхъ печахъ; если же нѣтъ никакого топлива, то его замѣняютъ съ успѣхомъ *кизяки* (верблюжій навозъ). Въ послѣднемъ случаѣ чуреки приготовляются не совсѣмъ аппетитно: собравъ достаточное кочичество сухихъ кизяковъ (они по величинѣ и формѣ напоминаютъ голубиное яйцо), текинецъ складываетъ ихъ въ кучку и зажигаетъ; кизяки горятъ почти безъ пламени.

Затѣмъ онъ тутъ же на бараньей шкурѣ смѣситъ довольно круто тѣсто и, придавъ ему форму круглой или овальной лепешки (отъ 1 до 3-хъ дюймовъ толщины), зарываетъ его въ горящій навозъ и держитъ, пока оно не испечется. Чуреки, приготовленные въ печахъ, довольно вкусны и мы ихъ предпочитали солдатскимъ сухарямъ; что же касается чурековъ приготовленныхъ вышесказаннымъ образомъ, то нужно быть сильно голоднымъ, чтобы рѣшиться ихъ ѣсть, такъ какъ дымъ горящихъ кизяковъ пропитываетъ ихъ насквозь и придаетъ крайне непріятный вкусъ. Какъ и у всѣхъ народовъ Средней и Малой Азіи, у текинцевъ въ большомъ ходу пловъ, составляющій одно изъ любимѣйшихъ кушаній, а равно и шашлыкъ. Фрукты, какъ-то: персики, абрикосы, гранаты, виноградъ и т. п. считаются роскошью, которую могутъ позволять себѣ только люди болѣе состоятельные. Текинцы употребляютъ также кофе и чай, причемъ первый готовится такъ же, какъ и всюду на востокѣ, второй же варится въ котлахъ. Самоваровъ они незнаютъ, тогда какъ у побережныхъ туркменъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ русскими, ихъ нерѣдко можно встрѣтить, хотя роскошь эта доступна лишь ханамъ, аксакаламъ и болѣе богатымъ степнякамъ. Верблюжье кислое молоко, разбавленное водой, составляетъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ для текинца напитковъ; вина они не пьютъ.

Текинцы охотники до куренія табаку, плантаціи котораго разводятъ даже у себя въ оазисѣ. Дома они курятъ изъ большихъ деревянныхъ трубокъ и изъ такихъ же кальяновъ, простѣйшей конструкціи; за то куреніе табаку внѣ его, когда не имѣется подъ рукой ни тѣхъ, ни другихъ, производится въ высшей степени оригинально. Въ набѣгѣ текинцу не нужна трубка, она его обременитъ и составитъ лишнюю тяжесть, и онъ беретъ съ собой лишь кисетъ съ табакомъ, зная что землю онъ всюду найдетъ и она замѣнитъ ему трубку. Куреніе безъ трубки и кальяна производится у нихъ слѣдующимъ образомъ: сдѣлавъ изъ земли небольшой валикъ, фута въ два длиной, его крѣпко утрамбовываютъ руками и поверху

проводятъ пальцемъ желобокъ во всю длину его, въ который кладутъ веревку или ремень и, засыпавъ землей, снова старательно утрамбовываютъ; послѣ того веревку осторожно выдергиваютъ и на одномъ концѣ образовавшейся въ валикѣ трубки дѣлаютъ небольшую воронку, которую и наполняютъ табакомъ; положивъ на него уголекъ и вставъ на четвереньки, текинецъ припадаетъ къ другому отверстію валика и раскуриваетъ табакъ; затѣмъ наполняетъ ротъ водой и, изображая изъ себя кальянъ, приступаетъ уже къ куренью и не оставляетъ отверстія, пока у него не помутится въ глазахъ. Эта земляная трубка называется у нихъ—*еръ-чилимъ*.

Развлеченія текинцевъ не многосложны и ограничиваются пѣснями, распѣваемыми подъ аккомпанементъ двухструнной балалайки или дудки, и охотой съ борзыми собаками на лисицъ и зайцевъ.

У текинцевъ, какъ магометанъ существуетъ многоженство, но этимъ правомъ, какъ и повсюду, пользуются только богатые, такъ какъ пріобрѣтеніе и одной только жены обходится довольно дорого.

Жену приходится покупать у отца ея. Желающій вступить въ бракъ посылаетъ для переговоровъ къ отцу невѣсты одного изъ своихъ пріятелей; если тотъ согласенъ принять предложеніе, то тотчасъ же объявляетъ сумму, которую женихъ долженъ представить ему за уступку дочери. Женихъ начинаетъ торговаться и въ концѣ концовъ обѣ стороны приходятъ къ соглашенію. Цѣна на невѣстъ различна: больше всего онѣ цѣнятся въ возрастѣ отъ 13 до 24 лѣтъ, причемъ въ разсчетъ принимается и наружность; къ этомъ періодѣ цѣна ихъ колеблется отъ 2,000 до 3,000 крановъ; дѣвушки до 13 и отъ 24 л., а равно и молодыя вдовушки цѣнятся гораздо ниже и стоятъ отъ 500 до 1,500 крановъ. Женщина 30 л. цѣнится не болѣе 500 крановъ, а за 40 лѣтнюю даютъ верблюда или просто даромъ берутъ. По установленіи цѣны, приступаютъ немедленно къ заключенію брака; родственники, друзья и знакомые собираются у отца жениха или къ нему самому, гдѣ

устраивается большое угощеніе, для котораго закалывается одинъ или нѣсколько барановъ. Послѣ того является мулла, читаетъ краткую молитву изъ корана и объявляетъ о вступленіи въ бракъ такого-то съ такой-то. По прочтеніи этой молитвы бракъ считается совершившимся. Молодую отдаютъ мужу и онъ уводитъ ее къ себѣ въ кибитку. По прошествіи 11 дней, родственники жены являются къ нему и уводятъ ее обратно къ родителямъ, гдѣ она и остается до тѣхъ поръ, пока мужъ не внесетъ за нее полностью всей суммы. Выплата денегъ за жену большей частью производится по частямъ и иногда тянется нѣсколько лѣтъ. Послѣ сведенія всѣхъ счетовъ съ отцомъ жены, ее возвращаютъ мужу. Нерѣдко текинецъ, проведя съ молодой 11 дней, не вноситъ причитающихся съ него денегъ по той или другой причинѣ, въ такихъ случаяхъ родители жены принуждаютъ его дать ей разводъ.

Согласія дѣвушки на вступленіе въ бракъ, разумѣется, не спрашиваетъ никто, ее просто отецъ продаетъ, какъ животное. Что касается развода, то онъ совершается безпрепятственно и зависитъ вполнѣ отъ воли мужа. Текинцы женятся вообще не только на дѣвушкахъ своего племени, но и на женщинахъ, принадлежащихъ къ другимъ племенамъ и, нерѣдко даже, вступаютъ въ бракъ съ плѣнными персіянками.

Отъ женитьбы перейду къ похоронамъ. Лишь только кто нибудь скончается, тѣло его тотчасъ же несутъ изъ аула на особый курганъ, называемый *юнвувха*, стоящій всегда въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилья, и тутъ тщательно обмываютъ его и укутываютъ въ бѣлый саванъ изъ грубаго холста; платье же покойнаго зарываютъ на курганѣ, вслѣдствіе чего послѣдній постоянно увеличивается. Послѣ того тѣло, сопровождаемое родными, знакомыми и плакальщицами, относятъ прямо на кладбище и опускаютъ въ могилу. Могилы роютъ довольно глубокія, причемъ трупъ не зарываютъ, а покрываютъ досками, такъ, что онъ лежитъ какъ бы въ склепѣ; поверхъ досокъ насыпаютъ землю и дѣлаютъ небольшой курганчикъ. Надгробными памятниками служатъ грубо высѣченные камни съ крат-

кими надписями, цвѣтные глиняные кувшины, рога животныхъ, или просто шесты съ тряпками; нерѣдко же, для болѣе легкаго отличія могилы отъ другихъ окружающихъ ее, ставятъ вмѣсто памятника какой нибудь крупный предметъ, принадлежавшій покойнику. Текинскія кладбища находятся вдали отъ ауловъ, почти на границѣ оазиса съ песчаной Кара-Кумской пустыней; на нихъ одинаково хоронятъ мущинъ и женщинъ и исключеніе составляютъ лишь *шеиты*, т. е. погибшіе при защитѣ роднаго аула отъ непріятелей. Шеиты у всѣхъ туркменскихъ племенъ почитаются наравнѣ со святыми и ихъ хоронятъ всегда на мѣстѣ смерти, хотя бы это было посреди аула; могилы павшихъ въ бою украшаются на общественный счетъ каменьями и кувшинами и тщательно оберегаются.

Имущество каждаго текинца заключается въ полѣ, которое онъ обработываетъ, саклѣ или кибиткѣ, стадахъ верблюдовъ (одногорбыхъ), барановъ и рогатаго скота, лошадяхъ и домашнемъ скарбѣ. Вся земля, которую онъ обработываетъ, огородитъ ее валомъ и ороситъ, считается его собственностью и никто не думаетъ оспаривать ее у него. Что касается стадъ, то встрѣчаются богачи, которые имѣютъ по нѣсколько сотъ верблюдовъ и по тысячѣ и по двѣ барановъ; такихъ конечно не много. У нѣкоторыхъ водятся большіе табуны особой породы лошадей, высоко цѣнимыхъ не только въ Ахалѣ, но и во всей Туркменіи, Хивѣ, Бухарѣ и Персіи; порода эта называется *текинской* и ее не слѣдуетъ смѣшивать съ туркменской. Лошади эти чрезвычайно красивы и по наружному виду сильно напоминаютъ англійскихъ скаковыхъ лошадей. У нихъ тонкія высокія ноги, тонкое туловище, такая же длинная шея, небольшая голова и гладкая, атласная кожа; гривы и хвосты имъ обстригаютъ совсѣмъ коротко, холку же отращиваютъ. Лошади эти чрезвычайно неприхотливы и выносливы; главной и почти единственной пищей имъ служитъ саманъ (мелко изрубленная солома). Они знаютъ лишь два аллюра— шагъ и галопъ. Это замѣчательные скакуны, но ихъ особенность состоитъ въ томъ, что они никогда не берутъ *съ мѣста*.

Текинской лошади нужно разойтись; сперва она поскачетъ тяжелымъ, медленнымъ галопомъ, который дѣлается все шибче и шибче и наконецъ она мчится, какъ вихрь. Но лошади этой породы водятся лишь у зажиточныхъ текинцевъ, у большинства же изъ нихъ, а равно и у остальныхъ туркменскихъ племенъ, имѣются, такъ называемыя, туркменскія лошади; эта пороца сильно напоминаетъ кавказскихъ лошадей,—онѣ также, какъ и послѣднія, невелики ростомъ, выносливы и всѣ—иноходцы.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о характеристическихъ чертахъ текинцевъ: текинецъ отъ природы недовѣрчивъ, подозрителенъ и остороженъ, особенно съ людьми мало знакомыми ему. Не будучи фанатикомъ, онъ тѣмъ не менѣе относится къ смерти съ полнѣйшимъ презрѣньемъ и смѣло идетъ ей на встрѣчу. Не дорожа собственной жизнью, онъ еще менѣе цѣнитъ жизнь врага; если оказывается возможнымъ захваченнаго непріятеля довести до роднаго аула, онъ его беретъ, въ противномъ случаѣ убиваетъ безъ пощады, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ. Будучи жестокъ съ себѣ подобными, онъ съ особенной нѣжностью относится къ животнымъ и никогда рука его не подымется, чтобы убить хотя бы непріятельское животное, которое онъ не въ состояніи захватить съ собой; если ему случится гдѣ либо въ степи встрѣтить у колодца заблудившагося или брошеннаго верблюда или барана, немогущаго добраться до воды, онъ тотчасъ же поспѣшитъ напоить его; «человѣкъ, говорятъ они, долженъ любить животныхъ, потому что они кормятъ его». Текинецъ, будучи превосходнымъ наѣздникомъ и въ совершенствѣ владѣя оружіемъ, самъ беззавѣтно храбръ и почитаетъ храбрость даже въ врагахъ своихъ. Всякій изъ нихъ относится съ глубокимъ уваженіемъ къ русскимъ за ихъ неустрашимость и настолько же презираетъ персовъ за трусость. Дикій сынъ Ахала не знаетъ, что такое кража. Грабя въ набѣгахъ окружающія племена и народности, онъ никогда не возьметъ ни малѣйшей вещицы у своего сосѣда, не украдетъ у него барана или дыни, хотя бы былъ увѣренъ въ безнаказанности своего поступка. Каждый

изъ нихъ, отлучаясь изъ дому, оставляетъ безъ присмотру свое имущество въ полной увѣренности, что вернувшись онъ найдетъ все въ цѣлости и невредимости; онъ знаетъ, что въ случаѣ неожиданнаго нападенія врага, сосѣди вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ спасутъ и его собственное. Они не имѣютъ понятія о замкахъ, ключахъ и задвижкахъ и не нуждаются въ нихъ. Кража считается у нихъ болѣе тяжкимъ преступленіемъ чѣмъ убійство. Всякій текинецъ, давъ слово, никогда не нарушитъ его, хотя бы это стоило ему жизни или свободы. Вообще текинцы обладаютъ большими способностями, чрезвычайно предпріимчивы и горячо любятъ свою родину.

Съ этимъ врагомъ намъ предстояло сразиться; но тогда, выступая изъ Бендесена, мы имѣли самое смутное представленіе о немъ, о его качествахъ, силѣ и стойкости.

ГЛАВА XI.

Бендесенскій перевалъ. — Подъемъ на Копетъ-Дагъ. — Видъ на текинскій оазисъ.—Спускъ съ горы Козлы. — Привалъ въ котловинѣ источниковъ. — Козлинское ущелье.—Бахчи.—Первая ночь въ Теке.—Прибытіе арьергарда колонны. — Бами. — Беурма.

22-го сентября, въ часъ пополудни, выступилъ изъ Бендесена князь Долгорукій съ авангардомъ. Части медленно одна за другой, сопровождаемыя своими верблюдами, стали обходить Бендесенскую гору и втягиваться въ ущелье, которымъ начинается перевалъ. Въ $2^1/_2$ часа, наконецъ, двинулась съ мѣста послѣдняя часть авангарда,—дивизіонъ переяславскихъ драгунъ.

Войдя въ ущельѣ, драгуны, по два въ рядъ, пошли по узкой дорогѣ извивающейся по цѣлому ряду почти параллельныхъ между собой кряжей, подымающихся террасами до главнаго хребта. Дорога проходитъ то по одной сторонѣ ущелья, то спустится въ русло высохшаго ручья, то перейдетъ на другой его берегъ, подымется узкой ленточкой на вершину кряжа, снова спустится и снова взовьется, по временамъ лѣпясь у отвѣсной стѣны надъ пропастью. Песчаные кряжи, попадающіеся въ началѣ перевала, по немногу смѣняются известковыми, и, то тутъ, то тамъ, начинаютъ показываться каменные отроги главнаго хребта. Взобравшись на новый кряжъ, встрѣчаешь за нимъ новую стѣну, на которую приходится взбираться;

оглянешься назадъ и чудная панорама раскрывается предъ глазами: вотъ бендесенская долина, правѣе зеленѣющая хаджикалинская равнина, за ними террасами лѣпятся другъ на друга и сливаются вмѣстѣ туркменскія кряжи, а вдали, на краю горизонта, черной неровной полосой, выдѣляются персидскія горы. Поднимаясь все выше и выше, на протяженіи 12 верстъ, дорога доходитъ безъ рѣзкихъ и крутыхъ подъемовъ до главнаго хребта и взбирается, наконецъ, на высшую точку перевала. Около $5^1/_2$ часовъ по полудни мы пришли на главный хребетъ Копетъ-Дагскихъ горъ.

Копетъ-Дагъ можно вполнѣ назвать мертвыми горами—до того бѣдна на немъ флора и фауна. На возвышенностяхъ нигдѣ не видно ни малѣйшаго признака зелени, всюду, куда глазъ ни взглянетъ, виднѣются лишь голыя глыбы песку, извести, глины или камня. Лишь на днѣ горныхъ ущелій, гдѣ протекаютъ кое-гдѣ ручейки, встрѣчается приземистый кустарникъ, бурьянъ и верблюжья колючка; трава растетъ только вдоль самыхъ береговъ ручьевъ, огибая ихъ узенькой каймой. Нигдѣ не видно ни малѣйшаго признака жизни, никакихъ животныхъ или птицъ. Изрѣдка лишь, покажется подъ облаками, черной точкой, орелъ и тотчасъ же снова скроется. Между тѣмъ горы эти преисполнены жизни: миріады всевозможныхъ змѣй, ящерицъ, своеобразныхъ хамелеоновъ, скорпіоновъ, тарантуловъ, фалангъ и т. п., встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ ручьяхъ же, ниспадающихъ съ нихъ, попадаются маленькія черепахи и крабы.

Взглянувъ на сѣверъ съ вершины Копетъ-Дага, мы испытали чувство евреевъ, когда они увидѣли, впервые, обѣтованную землю; такъ много говорилось и разсказывалось у насъ о землѣ, въ которую мы шли, такъ часто проносились слухи, что-то по той, то по другой причинѣ мы вернемся на Кавказъ и экспедиція будетъ отложена, что всѣ вздохнули свободно, полной грудью, когда увидали воочію растилавшійся внизу оазисъ. Неохота была возвращаться назадъ, не дойдя до цѣли; послѣ столькихъ долгихъ мѣсяцевъ лишеній и тру-

довъ, всѣ мы рвались впередъ, а между тѣмъ, до самаго выступленія изъ Бендесенъ, всѣ съ опасеніемъ ожидали распоряженія объ отмѣнѣ вторженія въ оазисъ. Вотъ картина, которая открылась глазамъ нашимъ:

Копетъ-Дагъ круто спускался внизъ, отъ мѣста на которомъ мы стояли; по обѣимъ сторонамъ отвѣсными стѣнами высоко, высоко подымались каменныя массы хребта; внизу виднѣлась довольно большая котловина, постепенно съ уживающаяся въ узкій корридоръ, по бокамъ котораго протянулись кряжи, хребты и скалы. Далѣе корридоръ этотъ, быстро понижаясь и расширяясь, входилъ въ равнину, какъ рѣка въ море; у устья виднѣлся островокъ, — крѣпость Бами, а за нимъ разстилалось безбрежное море, но только песчаное, сливавшееся вдали, незамѣтно, съ горизонтомъ неба...

До вершины перевала дорога была кое-какъ разработана, но къ проведенію ея внизъ только что приступили, а потому намъ пришлось спускаться по узкой тропинкѣ, извивающейся зигзагами надъ пропастью по боку горы Козлы. Мы спѣшились и повели лошадей въ поводу. Каждый неосторожны шагъ грозилъ гибелью, а потому приходилось подвигаться впередъ чрезвычайно медленно. Русскія драгунскія лошади, непривыкшія ходить по крутымъ горнымъ тропинкамъ, подвигались осторожно впередъ, ощупывая копытомъ землю и ударяя по ней, прежде чѣмъ поставить ногу. Орудія, шедшія съ дивизіономъ, пришлось спускать на веревкахъ съ одного уступа на другой. Наконецъ 4 эскадронъ, шедшій впереди колонны, спустился въ котловину и тутъ расположился у источниковъ, находящихся въ юго-восточной части ея. Отдохнувъ немного и напоивъ лошадей, мы двинулись далѣе по берегу рѣчки берущей здѣсь начало и на протяженіи 8 верстъ шли почти все время гуськомъ, проходя то по одному берегу рѣчки, то по другому, то по руслу ея, которое мѣстами пролегаетъ по узкимъ проходамъ, образуемымъ крутыми скалами. Около $2^1/_2$ верстъ не доходя Бами, мы вышли, наконецъ, изъ козлинскаго ущелья,

отъ котораго вплоть до крѣпости тянется цѣлый рядъ укрѣпленныхъ мельницъ съ глиняными башнями. Не доходя на версту до крѣпости, мы остановились въ 9½ часовъ вечера, около арбузной бахчи и стали поджидать обозъ. Это была первая бахча, встрѣченная на всемъ пути отъ Чекишляра, а потому едва разбили коновязи и навѣсили лошадямъ торбы, какъ большинство людей разсѣялось по бахчѣ. Къ немалому удивленію почти всѣ арбузы и дыни на бахчѣ оказались порубленными текинскими шашками.

Первый сборъ дынь и арбузовъ былъ уже снятъ, такъ что зрѣлыхъ оставалось на бахчахъ самое незначительное количество, большинство же плодовъ были еще совсѣмъ зеленые и дыни походили скорѣй на огурцы; тѣмъ не менѣе проголодавшіеся солдатики поѣдали ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Замѣчательно, что несмотря на то, что во все время пребыванія нашего въ Текинскомъ оазисѣ, незрѣлыя дыни и арбузы составляли почти главный суррогатъ питанія, съ приходомъ отряда туда прекратилась совсѣмъ диссентерія, изчезли лихорадки и состояніе здоровья войскъ стало превосходнымъ. Причина этого заключалась несомнѣнно въ водѣ, которую мы пили въ Ахалѣ. По ту сторону Копетъ-Дага, проходя по землямъ туркменъ-іомудовъ, гокленовъ и др. племенъ, отрядъ сильно пострадалъ отъ дурныхъ качествъ воды. Мы находили въ колодцахъ или горькую, или соленую, или горько-соленую воду; мѣстами пили испорченную дождевую воду, съ отвратительнымъ запахомъ и вкусомъ, стоявшую огромными лужами; при движеніи отряда по рѣкамъ Атреку, Сумбару и Чандырю, вода была немного лучше. Вода въ этихъ рѣкахъ представляла густую жижу отъ растворившейся въ ней глины. За то въ оазисѣ мы нашли отличнѣйшую горную ключевую воду, какую не вездѣ можно встрѣтить и на Кавказѣ.

Между тѣмъ наступила ночь. Чудная луна ярко освѣтила нашъ бивакъ и залила свѣтомъ равнину. Тутъ и тамъ между коновязями тускло горѣли небольшіе костры, но на нихъ ничего не варилось и всѣ съ нетерпѣніемъ поджидали прихода

обоза, а съ нимъ барановъ и котловъ, чтобы сварить себѣ обѣдъ. Но обоза нѣтъ какъ нѣтъ. Съ горъ повѣялъ свѣжій вѣтеръ. Солдаты и офицеры, изнемогая отъ усталости, стали по немногу засыпать и вскорѣ воцарилась тишина, изрѣдка прерываемая одиночнымъ ржаніемъ лошади.

Въ 4 часа утра показались первые верблюды запоздавшаго обоза. Плавно выступали они, одинъ за другимъ, изъ ущелья и мѣрной развалистой походкой приближались къ нашему бивaку. Наконецъ въ 8 часовъ утра пришелъ 3 эскадронъ драгунъ, шедшій въ аррьергардѣ.

Бами, вокругъ котораго расположились войска авангарда, находится, какъ сказано выше, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Козлинскаго ущелья. Посреди его возвышается четырехъугольное глиняное укрѣпленіе, простѣйшаго типа, съ двойными стѣнами и рвомъ. Подлѣ стѣнъ лѣпятся въ безпорядкѣ мазанки, а противъ южной стороны расположены двѣ круглыя башни.

Въ верстѣ отъ Бами, на югъ, находится глиняное зданіе, въ которомъ похороненъ какой-то текинскій святой, на поклоненіе которому сходятся разъ въ годъ жители со всего оазиса. Зданіе это имѣетъ около 7 аршинъ вышины и сажени три по фронту; оно четырехугольное и съ плоской крышей, съ которой поднимается довольно высокій, почти конусообразный куполъ. Наружныя стѣны его гладко выведены, и видны слѣды чего-то въ родѣ архитектурныхъ украшеній; такъ, аршина на два отъ крыши идетъ зубчатый карнизъ, затѣмъ по обѣ стороны входныхъ дверей (наглухо заколоченныхъ) вылѣплены по двѣ глиняныя колонки, соединенныя наверху такимъ же карнизомъ.

Вокругъ Бами раскинуты поля джугары и пшеницы и бахчи.

Выступленіе авангарда на Беурму было назначено въ тотъ же день. Въ Бами вполнѣ опредѣлился составъ колонны князя Долгорукаго; въ нее вошли 3 батальона пѣхоты, два эскадрона драгунъ, двѣ сотни дагестанцевъ, ракетная сотня, терская

казачья полубатарея (присоединившаяся только въ Дурунѣ) и два горныя орудія.

Около 2 часовъ пополудни мы выступили изъ Бами. Предстоялъ небольшой переходъ въ $11^1/_2$ верстъ по гладкой и ровной мѣстности, покрытой лишь мѣстами бурьяномъ и колючкой. Погода стояла сравнительно прохладная, такъ какъ было не болѣе 28^0 по Реомюру и всѣ весело подвигались впередъ. Около 6 часовъ вечера мы подошли къ Беурмѣ.

Беурма принадлежитъ къ числу обширнѣйшихъ ауловъ оазиса и въ то же время, по текинскимъ понятіямъ, почитается первоклассной крѣпостью. На сѣверной сторонѣ аула на небольшомъ холмѣ возвышается круглое укрѣпленіе, довольно большихъ размѣровъ, обнесенное двумя высокими глиняными стѣнами, съ широкими банкетами и глубокими рвами. Къ югу отъ укрѣпленія расположены въ большомъ числѣ глиняныя мазанки и сакли, въ числѣ которыхъ были два зданія, о которыхъ я говорилъ выше. Вокругъ мазанокъ виднѣлись повсюду многочисленные слѣды кибитокъ, увезенныхъ жителями незадолго до приближенія русскихъ войскъ; по всей площади, занимаемой ауломъ, валялись жерди, шесты, порванныя циновки, куски войлоку и т. п. По серединѣ Беурмы протекаетъ извилисто довольно большой ручей, съ нѣсколько возвышенными берегами; вокругъ же съ восточной, южной и западной сторонъ раскинуты огромныя поля, простирающіеся до Копетъ-Дага.

Въ Беурмѣ, какъ и въ Бами, мы не встрѣтили ни одного живаго существа.

Едва войска расположились на отведенныхи мѣстахъ, какъ совсѣмъ стемнѣло; заблестѣли костры, весь бивакъ ярко освѣтился; дровъ было изобиліе. Но ни на одномъ изъ костровъ не видно было котелковъ, такъ какъ въ виду незначительнаго запаса провіанта, не приказано было варить ужину и голодные солдатики уныло посматривали на огни. На бахчи запрещено было ходить; но тѣмъ не менѣе, часамъ къ 10-ти вечера, у всѣхъ солдатъ очутились, какимъ то образомъ, въ изо-

били дыни и арбузы, и нетолько хватило этого добра имъ самимъ, но и лошадямъ.

На слѣдующій день съ разсвѣтомъ назначено было наступленіе на укрѣпленіе Арчманъ.

ГЛАВА XII.

Депутація отъ арчманцевъ. — Арчманъ. — Склады. — Мирные жители. — Гробница Нуръ-Ніазъ-Сардара. — Сунче. — Мурче. — Бегриденъ — Появленіе непріятельской конницы.—Дурунъ. — Первый раненый. — Драгунскій разъѣздъ. —Ночная перестрѣлка.—Парадъ —Прибытіе колонны графа Борха.—Жертва фанатизма.—Путь до Яроджи.—Послѣдній бивакъ. — Толки о непріятелѣ.—Характеристика состава отряда.—Два шпіона. — Приготовленія къ бою.

24-го сентября, въ 6 часовъ утра, бодро выступили мы изъ Беурмы. Смутные слухи пронеслись по рядамъ, что въ слѣдующемъ укрѣпленіи, Арчманѣ, насъ поджидаетъ непріятель. Всѣ, конечно, оживились. Благодаря ровному и твердому грунту, мы подвигались впередъ крупнымъ шагомъ и въ 10 часовъ утра, пройдя 24 версты, стали подходить къ Арчману. Слухи подтвердились, но въ самой незначительной долѣ; дѣйствительно, на дорогѣ, при выходѣ ея изъ аула, виднѣлась небольшая кучка людей, но взамѣнъ пуль она посылала намъ издали поясные поклоны. Переводчикъ поскакалъ впередъ и, нѣсколько минутъ спустя, вернулся съ донесеніемъ, что къ намъ навстрѣчу вышла депутація отъ части арчманцевъ, рѣшившихъ добровольно покориться намъ.

По вступленіи отряда въ аулъ, депутація представилась генералу Ломакину и объявила, что около 100 семействъ, сознавая силу и непобѣдимость русскихъ войскъ, отказались послѣдовать за другими жителями въ Геокъ-Тепе и предпочли отдаться подъ покровительство великодушія сердаря. Разумѣется

ихъ обласкали, угостили, одарили и т. п., они же, въ свою очередь, доставили начальству двѣ кибитки, которыя тутъ же и разбили; нанесли дынь, арбузовъ, масла, молока и прочаго, однимъ словомъ, обѣ стороны остались весьма довольны установившимися дружескими отношеніями.

Арчманъ довольно большой аулъ, разбившійся почти близь подошвы Копетъ-Дага; въ немъ оказались три укрѣпленія, совершенно одинаковой конструкціи, вытянувшіяся по одной линіи отъ горъ. Вокругъ ближайшаго кь хребту виднѣлось около 40 кибитокъ оставшихся жителей; около сѣвернаго наиболѣе новаго, расположился нашъ отрядъ. Пока велись переговоры съ депутаціей и происходилъ обмѣнъ взаимныхъ любезностей и увѣреній въ дружбѣ, солдатики наши стали обшаривать поля и огороды, ища зарытые въ землѣ склады саману, а нѣкоторые изъ нихъ полюбопытствовали зайти въ укрѣпленіе. Дѣло въ томъ, что отрядъ нашъ вступилъ въ оазисъ съ семидневнымъ запасомъ фуража, а потому по приходѣ въ каждый аулъ солдаты старались отыскать саманъ и имъ обыкновенно кормились наши лошади, такъ какъ двухъ гарнцевъ ячменя, полагавшихся по разсчету на каждую изъ нихъ, было крайне недостаточно; вслѣдствіе этого и по приходѣ въ Арчманъ, солдаты занялись, первымъ дѣломъ, отысканіемъ корму для лошадей. Вдругъ, точно по командѣ, всѣ бросили поля и огороды и побѣжали къ ближайшему укрѣпленію; минуту спустя, появилось оттуда нѣсколько драгунъ съ огромными вязанками сѣна на спинѣ, за ними стали выходить и другіе съ той же ношей. «Братцы!.. сѣно!» говорили они другъ другу съ сіяющими физіономіями, «то-то лошадкамъ праздникъ!» Но радость ихъ была непродолжительна. Изъ штаба прилетѣло нѣсколько адъютантовъ и нагайками погнали «братцевъ» обратно въ укрѣпленіе, приказывая отнести сѣно на то мѣсто откуда, оно было взято. Солдаты недоумѣвая, исполнили это приказаніе; впрочемъ, нѣкоторымъ удалось добраться съ драгоцѣнной ношей къ коновязямъ до прибытія адъютантовъ. Оказалось, что въ обоихъ укрѣпленіяхъ были найдены большіе склады сѣна, ячменя и муки, которыхъ

текинцы не успѣли увезти съ собой, за недостаткомъ подъемныхъ средствъ, но депутаты объявили, что склады эти принадлежатъ оставщимся жителямъ, что, вообще, ушли въ Геокъ-Тепе всѣ тѣ, которымъ нечего было терять, остались же наиболѣе богатые арчманцы и попросили, чтобы ихъ имущества не трогали. Имъ повѣрили и вотъ окружили цѣпью весь бивакъ и воспретили солдатамъ ходить въ укрѣпленія и на бахчи. Солдаты отъ души проклинали оставшихся арчманцевъ, такъ какъ изъ-за нихъ и людямъ и лошадямъ пришлось въ этотъ день довольствоваться казеннымъ раціономъ. Между тѣмъ, впослѣдствіи мы узнали, что въ Арчманѣ оставались только тѣ, у которыхъ не было верблюдовъ; т. е. бѣдняки, которымъ не начѣмъ было увезти въ Геокъ-Тепе своихъ женъ и имущество и которые розыгравъ съ нами комедію, спасли склады и поля всего аула.

Въ Арчманѣ невольно обращало на себя вниманіе одно зданіе, гробница Нуръ-Ніазъ-Сардара; наружнымъ видомъ оно напоминало гробницу, встрѣченную нами въ Бами, только отличалось отъ него бо́льшими размѣрами и отсутствіемъ лѣпныхъ украшеній; внутри его на могилѣ было положено нѣсколько старыхъ корановъ, въ грубыхъ кожанныхъ переплетахъ.

Когда стемнѣло, вдругъ въ ручьѣ перестала идти вода, которую арчманцы, вѣроятно въ знакъ дружбы къ намъ, постарались отвести. Ночью пропали четыре лошади.

Выступивъ съ разсвѣтомъ, мы продолжали двигаться впередъ въ той же обстановкѣ, какъ и въ предъидущіе дни; направо, невдалекѣ, мрачный утесистый Копетъ-Дагъ, налѣво сливающаяся съ небомъ безконечная равнина, подъ ногами все тотъ же глинистый сѣрый грунтъ, покрытый рѣдкими кустиками колючки; изрѣдка мелькаютъ на краю горизонта желтые пески Кара-Кума.

Пройдя нѣсколько верстъ, мы увидѣли впереди себя настоящій зеленый островъ,—это былъ аулъ Сунче. Роскошные сады съ тутовыми и персиковыми деревьями, окружали укрѣп-

леніе, за ними тянулись безконечныя бахчи и поля джугары. Множество глиняныхъ сакель тѣснилось около укрѣпленія и образовывало нѣчто похожее на улицу.

Не останавливаясь, мы прошли черезъ аулъ, въ которомъ не оказалось ни живой души, и пошли дальше. Вскорѣ показался слѣдующій укрѣпленный аулъ—Мурче (на 16-й верстѣ отъ Арчмана), съ такимъ же богатствомъ зелени Напоивъ лошадей и отдохнувъ часа два, отрядъ двинулся далѣе. Пройдя 9 верстъ подъ знойными лучами полуденнаго солнца, мы вступили наконецъ въ аулъ Бегриденъ (Бохарзекъ). Небольшое четырехъугольное укрѣпленіе утопало, буквально, въ зелени густыхъ садовъ его окружавшихъ; извилистая, довольно широкая рѣчка, съ берегами покрытыми сочной травой, перерѣзывала аулъ. Въ перемежку съ садами, попадались поля съ хлопкомъ, юнжой и кунжутомъ и, кое-гдѣ, небольшіе виноградники, которыхъ мы до того нигдѣ не встрѣчали. Отрядъ остановился. Всѣ были увѣрены, что въ этомъ благодатномъ аулѣ, который показался намъ раемъ, будетъ сдѣланъ привалъ и отрядъ тутъ переночуетъ.

На восточной окраинѣ Бегридена, близь мельницы, на лужайкѣ, расположился дивизіонъ переяславскихъ драгунъ. Солдаты поспѣшили наполнить свои котелки водой, накрошили туда своихъ окаменѣлыхъ сухарей и стали утолять голодъ, въ ожиданіи приказанія разбивать коновязи; офицеры расположились въ тѣни деревьевъ, лошади жадно пощипывали травку. Вдругъ показался командиръ дивизіона, подполковникъ Нуджевскій...—«Четвертый эскодронъ къ конямъ! живо, садись!» крикнулъ онъ. Не успѣли всѣ броситься къ лошадямъ, какъ раздалась команда: «эскадронъ, рысью, маршъ!» Недоумѣвая, мы понеслись впередъ.

Въ пяти верстахъ виднѣлся аулъ Дурунъ. «Маршъ, маршъ!» раздалось снова; снова «рысью» и т. д. За нами летѣла сотня дагестанцевъ. Въѣхавъ въ Дурунъ, мы не нашли ни живой души, вдали лишь за ауломъ подымался столбикъ пыли. Оказалось, что небольшой разъѣздъ, высланный по приходѣ от-

ряда въ Бегриденъ, подъѣзжая къ Дуруну, былъ неожиданно встрѣченъ залпомъ засѣвшаго въ немъ летучаго отряда текинской конницы, разъѣздъ тотчасъ же повернулъ назадъ и донесъ о происшедшемъ въ штабъ, а вслѣдствіе этого немедленно выслали противъ непріятеля драгунъ и дагестанцевъ.

Два часа спустя стянулся въ Дурунъ весь отрядъ.

Дурунъ принадлежитъ къ числу болѣе сильныхъ крѣпостей Ахала, но за то, повидимому, кочевое населеніе въ немъ преобладаетъ, такъ какъ кромѣ полей съ джугарой и пшеницей и бахчей, мы не нашли въ немъ ничего болѣе; между тѣмъ въ трехъ предшествовавшихъ аулахъ, Сунче, Мурче и Бегриденѣ, преобладающимъ элементомъ являются чомуры, т. е. осѣдлые земледѣльцы. Тутъ мы не встрѣтили ни садовъ, ни виноградниковъ и число мазанокъ было несравненно меньше. Въ Дурунѣ два большихъ, одно круглое, другое четырехъугольное, укрѣпленія съ бойницами, башнями и довольно глубокими рвами. Около перваго изъ нихъ раскинулся нашъ отрядъ.

У наружныхъ стѣнъ укрѣпленія, съ сѣверной стороны его, расположилась пѣхота и артиллерія, у восточной разбилъ палатки штабъ; внутрь укрѣпленія былъ введенъ обозъ, кавалерію же размѣстили между наружной и внутренней его стѣнами; послѣднее было сдѣлано съ той цѣлью, чтобъ въ случаѣ ночнаго нападенія непріятеля, избѣжать суетни и вывести въ дѣло кавалерію готовою къ бою, т. е. съ осѣдланными конями и въ строю. Бивакъ окружили цѣпью.

Стемнѣло. 8 часовъ вечера. Огни освѣтили лагерь... Вдругъ грянулъ, въ сторонѣ къ водопою, выстрѣлъ, за нимъ другой. Въ отрядѣ все встрепенулось, пошла суетня. Черезъ минуту человѣкъ 10 дагестанцевъ, по собственной инціативѣ, лихо поскакали на выстрѣлъ. Прошло четверть часа; раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ все смолкло. Издали послышался слабый стонъ; все явственнѣй и явственнѣй, все громче и громче доносился онъ къ намъ. Наконецъ въ темнотѣ показалась кучка людей; вопль сильнаго страданія раздавался изъ ея середины. «Кто раненъ?»—«Драгунъ», отвѣтило нѣсколько

голосовъ. Драгунъ этотъ, первый раненый въ нашемъ отрядѣ солдатъ, оказался рядовой Тенишевъ. Вскорѣ выяснилось слѣдующее: Тенишевъ повелъ съ другимъ драгуномъ трехъ лошадей на водопой; въ то время когда они подходили къ ручью, съ противуположнаго берега его изъ джугары раздался выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ послѣдовалъ другой, ранившій Тенишева въ ногу, немного выше колѣна. Лошади рванулись и понеслись въ лагерь, раненый же упалъ и остался на мѣстѣ. Подскакавъ къ мѣсту происшествія, дагестанцы оставили при немъ двухъ человѣкъ и поскакали впередъ; вскорѣ они увидѣли пятерыхъ конныхъ текинцевъ и бросились за ними въ догонку. Текинцы пошли вдоль нашей цѣпи, которая открыла по нимъ огонь; попавъ подъ свои выстрѣлы, дагестанцы вернулись назадъ и подобравъ Тенишева принесли его въ лагерь.

Рана оказалась довольно опасной; пуля, раздробивъ часть ножной кости выше колѣна, засѣла въ ней такъ, что невозможно было достать ее.

Князь Долгорукій приказалъ послать тотчасъ же разъѣздъ въ 20 чел. съ офицеромъ, для изслѣдованія окрестностей лагеря по направленію къ сторонѣ непріятеля. Назначили 20 драгунъ съ прапорщикомъ Нуровымъ во главѣ. Въ 9 часовъ вечера разъѣздъ выѣхалъ изъ лагеря. Едва онъ отошелъ саженъ 100, какъ со стороны водопоя блеснули огоньки, грянулъ залпъ и пули на отлетѣ обсыпали его со всѣхъ сторонъ; вслѣдъ за симъ послышался конскій топотъ. Драгуны были увѣрены, что на нихъ несется какая нибудь бѣшеная шайка текинцевъ и приготовили ружья, но взамѣнъ ея увидали цѣлый табунъ лошадей безъ сѣдоковъ, мчавшихся во весь опоръ. Дѣло въ томъ, что случай съ Тенишевымъ не послужилъ достаточнымъ урокомъ и вѣстовые казаки, безоружные, вздумали повести на водопой штабныхъ лошадей; по нимъ у ручья точно также сдѣлали залпъ, но къ счастью никого не ранили изъ людей, но за то одну лошадь убили и двухъ, оставшихся послѣ выстрѣла у ручья, захватили съ собой. Переловивъ лошадей, драгуны сдали ихъ подоспѣвшимъ вѣстовымъ и двинулись

дальше, идя вдоль ограды поля джугары, шагахъ въ двадцати. Вдругъ раздался новый выстрѣлъ и пуля прожужжала надъ головами. Драгуны спѣшились и бросились въ джугару, но никого не нашли. Пройдя $1^1/_2$ версты вдоль оградъ и саклей, ежеминутно ожидая, то съ той, то съ другой стороны выстрѣла, они выѣхали въ открытую мѣстность, прошли верстъ 6 и остановились, недоходя полъ версты до аула Кара-Кана. Аулъ былъ занятъ непріятелемъ, который вѣроятно былъ предувѣдомленъ о приближеніи драгунъ, такъ какъ вдругъ появились въ немъ огни, послышались крики и ревъ верблюдовъ. Въ это время въ тылу разъѣзда послышались отдаленные выстрѣлы. Опасаясь, чтобы непріятель не отрѣзалъ его, разъѣздъ повернулъ обратно въ Дурунъ и вернулся туда въ двѣнадцатомъ часу.

Между тѣмъ, аванпостную цѣпь выдвинули нѣсколько впередъ и усилили и выставили секреты. Около часу ночи раздались снова выстрѣлы, цѣпь открыла огонь. Нѣсколько непріятельскихъ пуль, изъ дальнобойныхъ ружей, просвистѣли въ разныхъ направленіяхъ по отряду и одна изъ нихъ ранила одну изъ лошадей, стоявшихъ близь палатки начальника кавалеріи князя Витгенштейна.

На слѣдующій день, 26 августа, назначена была дневка и по случаю дня коронаціи Государя Императора, въ 7 час. утра состоялся парадъ войскамъ колонны и отслужено молебствіе.

Въ два часа дня пришла въ Дурунъ колонна графа Борха и расположилась близь втораго (четырехъ-угольнаго) укрѣпленія. Въ то время, когда нѣсколько солдатъ приблизились къ нему, вдругъ оттуда раздались выстрѣлы. Съ нашей стороны открыли огонь; въ виду того, что выстрѣлы вскорѣ прекратились, солдаты бросились въ укрѣпленіе и какого же было ихъ удивленіе, когда вмѣсто толпы ожидаемыхъ непріятелей они нашли на банкетѣ стѣны сѣдаго старика, пронизаннаго навылетъ нѣсколькими пулями; подлѣ него лежали три ружья. Очевидно старикъ-фанатикъ остался въ аулѣ только изъ желанія погибнуть отъ рукъ гяуровъ.

Къ вечеру пронеслись слухи, что колонна графа Борха останется дневать въ Дурунѣ, колонна же князя Долгорукаго пойдетъ дальше и двинется одна на Геокъ-Тепе, а взявъ его, обождетъ первую и, по соединеніи съ ней, отрядъ въ полномъ составѣ пойдетъ на Асхабатъ. Слухи эти были настолько упорны, что офицеры колонны графа Борха приходили въ отчаяніе, что не попадутъ въ дѣло. Подобные же слухи повторились и въ Яроджѣ. Къ счастію, генералъ Ломакинъ рѣшилъ двинуться на Геокъ-Тепе общими силами и изъ Дуруна отрядъ двинулся впередъ, слившись въ одно цѣлое.

Въ 6 часовъ утра слѣдующаго дня, отрядъ выступилъ изъ Дуруна и прямымъ путемъ направился на аулъ Ároджу, отстоящій отъ этого пункта на 26 верстномъ разстояніи. По дорогѣ, мы миновали укрѣпленные аулы, Кара-Канъ и Акъ-Тепе, виднѣвшійся вдали влѣво отъ дороги, обошли Мехинъ и стали приближаться къ Яроджѣ, отъ которой Геокъ-Тепе находится на разстояніи одного перехода.

День былъ жаркій, но воды было достаточно на всемъ переходѣ, и отрядъ двигался охотно. Въ 2 часа мы были на мѣстѣ и расположились бивакомъ на ночлегъ.

Яроджа—небольшой аулъ. Слѣды кибитокъ и остатки отъ мазанокъ указывали, что еще недавно здѣсь было жилье. Поля джугары и бахчи окружали его. Небольшое глиняное укрѣпленіе было брошено текинцами, и во всей Яроджѣ мы не нашли ни одной живой души.

На бивакѣ стали въ боевомъ порядкѣ: терскіе (волжская сотня) и кубанскіе казаки (таманская сотня) стали впереди и составили родъ авангарда. На западъ отъ Яроджи стала кавалерія, фронтъ и фланги лагеря составили пѣхота и артиллерія, нѣсколько позади сталъ штабъ, и, наконецъ, за ауломъ 2 сотни дагестанскаго иррегулярнаго полка составили родъ арріергарда. Мѣстность была ровная, воды много, такъ какъ оросительныя канавки, изобилующія водой, перерѣзывали поле во всѣхъ направленіяхъ.

Только и толковъ въ отрядѣ — что о непріятелѣ, но въ

сущности о немъ никто ничего не зналъ. Одни говорили, что непріятель въ Геокъ-Тепе, другіе, что онъ оттуда ушелъ или уйдетъ. Хотя по маршруту штаба отъ Яроджи до Геокъ-Тепе считалось всего 12 верстъ (на дѣлѣ ихъ оказалось добрыхъ 25), тѣмъ не менѣе никакихъ развѣдокъ сдѣлано не было.

Нашъ небольшой отрядъ рѣзко можно было раздѣлить по тѣмъ цѣлямъ, которыя свели въ его составъ людей со всѣхъ концовъ Россіи—на три части.

Первая — искала боя и непремѣнно боя: Увѣренная въ непобѣдимости и необыкновенной нравственной силѣ русскаго солдата—она свято вѣрила, въ случаѣ столкновенія, въ блестящую побѣду. Она хотѣла боя во что бы то ни стало и нетолько не безпокоилась количествомъ непріятеля, но считала, что чѣмъ онъ сильнѣе—тѣмъ лучше.

Вторую часть составляли люди, отличавшіеся уже въ прежнихъ войнахъ и присланные почти на выборъ изъ частей кавказской арміи. Менѣе горячіе, они, тѣмъ не менѣе, не были особенно и предусмотрительны и относились къ врагу съ пренебреженіемъ.

Третью—составляли собственно войска, солдаты и младшіе офицеры, которые не ждали особенно отличій, переносили безропотно всю тягость похода и были готовы умереть тамъ, гдѣ прикажетъ начальство. Замѣчательно, что въ этой третьей части съ приходомъ въ Яроджу совершился какой-то переворотъ. Нѣкоторые говорили, что нуженъ отдыхъ, а другіе, что «насъ мало», что этакъ, пожалуй, «осрамимся» и т. д.

Предполагалось, что въ Яроджѣ намъ дадутъ дневку; но говоръ и боязнь, чтобы текинцы какъ нибудь не ушли, къ концу дня, имѣли видъ, будто мнѣніе всего отряда вызываетъ немедленное движеніе впередъ.

Между тѣмъ, отдыхъ былъ дѣйствительно необходимъ. Кавалерія еще имѣла дневку въ Дурунѣ; пѣхота же шла безъ отдыха отъ самаго Бендесена и была крайне истомлена. Обувь совершенно износилась (пѣхота была не въ сапогахъ, а въ

чевякахъ), ноги многихъ солдатъ бюли изъязвлены ранами. Но отрядъ тѣмъ не менѣе бодро встрѣтилъ вѣсть о предстоящемъ боѣ.

Въ 8 часовъ вечера привели въ штабъ двухъ лазутчиковъ, которые хотѣли пробраться въ нашъ лагерь черезъ аванпосты. Они показали, что въ Геокъ-Тепе собралось все текинское населеніе, рѣшившееся оказать русскимъ отчаянное сопротивленіе и защищать свою независимость до послѣдней капли крови; лазутчики добавили, что сами они не знаютъ ничего опредѣлительнаго и все сказанное ими дошло до нихъ по слухамъ. Никто, впрочемъ, не повѣрилъ возможности встрѣчи со стороны текинцевъ серьезнаго сопротивленія, всѣ расчитывали на неотразимое дѣйствіе, которое произведетъ несомнѣнно артиллерійскій огонь нашихъ орудій. Мы заблуждались въ боевыхъ качествахъ нашего врага; о его стойкости, полномъ презрѣніи къ смерти и отчаянной храбрости мы не имѣли и не могли имѣть понятія, такъ какъ съ этимъ врагомъ впервые приходилось помѣряться силами. Происходившіе въ предъидущіе годы небольшіе стычки нашихъ войскъ закаспійскаго края съ бродячими шайками текинцевъ, конечно, не могли насъ ознакомить съ ними въ достаточной мѣрѣ.

До боя мы презирали врага—послѣ боя глубоко стали уважать.

Рѣшено было наступленіе двумя колоннами; первая должна была выступить изъ Яроджи въ два часа ночи, вторая часомъ позже, обозъ же съ прикрытіемъ въ 4 часа утра.

Начались приготовленія: шинели, торбы и саквы кавалеристовъ, котелки и т. п. все было сдано въ обозъ; были розданы патроны (по 120 на каждаго). Солдаты чистили оружіе, точили шашки, кто имѣлъ одѣвалъ чистое бѣлье, пѣсень и веселыхъ разговоровъ нигдѣ небыло слышно. Лишь беззаботные дагестанцы пѣли и плясали до поздней ночи.

ГЛАВА XIII.

Выступленіе колоннъ; составъ ихъ. — Дорога отъ Яроджи до Геокъ-Тепе. — Туманъ. — Появленіе текинской конницы. — Схватка ея съ колонной гр. Борха. — Перестрѣлка съ джигитами. — Поле битвы. — Геокъ-Тепе, укрѣпленія его и окрестности.—Число нашихъ враговъ. — Почему текинцы удержали при себѣ семьи? — Совѣтъ вождей и ишановъ. — Принесеніе народомъ *тобы.*

Въ $2^1/_2$ часа ночи выступила тихо первая колонна подъ начальствомъ командира кабардинскаго полка флигель-адъютанта князя Долгорукаго. (Пѣхота этой колонны вышла получасомъ раньше):

Въ составъ ея вошли слѣдующія части:

Батальонъ куринскаго полка,

» кабардинскго полка,

» сводный стрѣлковый,

4-хъ-фунтовая терская казачья полубатарея,

2 горныхъ орудія,

Ракетная сотня,

2 эскадрона переяславскихъ драгунъ,

2 сотни иррегулярнаго дагестанскаго полка.

Съ авангардомъ также шелъ генералъ Ломакинъ со штабомъ и князь Витгенштейнъ.

Главныя силы, подъ начальствомъ генералъ-майора графа Борха, выступили въ 4 часа утра.

Ихъ составили:

Батальонъ лейбъ-эриванскаго гренад. полка,
» грузинскаго гренад. полка,
» ширванскаго пѣхотнаго полка,
Саперная рота,
Полубатарея 20-й бригады (4 орудія),
Сотня волжскаго полка,
Полубатарея 20-й пѣшей арт. бригады.

Часомъ позже графа Борха выступилъ обозъ съ прикрытіемъ изъ 6 ротъ пѣхоты (по одной отъ каждаго батальона), 2 горныхъ орудій и сотни таманскаго казачьяго полка, подъ общимъ начальствомъ капитана Кегамова.

Путь отъ Яроджи до Геокъ-Тепе вообще ровный, но отъ 5-й до 15-й версты встрѣчаются песчаные невысокіе холмы. Справа отъ дороги, параллельно тянется высокій, круто вздымающійся къ небесамъ, безлѣсный и каменистый хребетъ Копетъ-Дагъ. Лишь изрѣдка на откосахъ и вершинахъ его попадаются небольшіе кусты. Влѣво отъ дороги начинается безпредѣльная степь, сначала способная въ заселенію, а затѣмъ обращающаяся въ безконечное песчаное море. На всемъ переходѣ только одинъ ручей сбѣгалъ съ Копетъ-Дага, и этотъ ручей далъ намъ возможность остановиться, сдѣлать привалъ, напиться самимъ и напоить лошадей.

Тутъ мы нагнали нашу пѣхоту и простояли съ четверть часа. Генералъ Ломанкинъ воспользовался этимъ для объѣзда всѣхъ частей; подъѣзжая къ каждой изъ нихъ, онъ въ краткой рѣчи высказывалъ увѣренность, что, въ предстоящемъ сраженьи, солдаты такъ же доблестно выполнятъ свой долгъ родинѣ и царю, какъ и во всѣхъ предъидущихъ войнахъ.

День 28 августа былъ хорошій, но солнечный и жаркій. Передъ восходомъ солнца появился туманъ настолько густой, что на небольшомъ разстояніи было трудно что-либо видѣть. Отрядъ выслалъ усиленные разъѣзды и патрули и продолжалъ движеніе. Но солнце взошло около 5 часовъ утра и въ нѣсколько минутъ разсѣяло туманъ. Вскорѣ выдѣлилась ясно

вдали гора Геокъ-Тепе (Голубая гора), у подножія которой расположенъ аулъ того же имени.

Не доходя 7 верстъ до Геокъ-Тепе, мы увидѣли цѣлыя облака пыли, которыя обходили насъ съ праваго фланга. Это была текинская кавалерія, вышедшая къ намъ на встрѣчу въ числѣ 2000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Кара-Батыря, начальника всей текинской конницы.

Лишь только непріятель поровнялся съ отрядомъ, какъ по немъ дали залпъ изъ орудій и высланная впередъ пѣхота открыла огонь. Текинцы быстро понеслись вдоль хребта и вскорѣ скрылись въ аулъ Егманъ Батырь-кала; выйдя затѣмъ изъ аула и очутившись у насъ въ тылу, непріятель продолжалъ быстро подвигаться впередъ на вторую колонну. Вскорѣ послышались орудійныя выстрѣлы, доносившіеся изъ колонны графа Борга.

Какъ оказалось, текинцы завидя позади насъ на краю горизонта пыль, думали, что это нашъ обозъ и рѣшились атаковать его. Но едва они приблизились, какъ сотня волжскаго полка и тридцать всадниковъ сотни лихаго джигита Самата-Касумова смѣло атаковали ихъ. Въ нѣсколько минутъ, не побоявшіеся атаки текинцы окружили нашихъ кавалеристовъ и началась рукопашная схватка. Тогда начальникъ фланговой колонны подполковникъ Папаригопуло велѣлъ открыть артиллерійскій огонь. Мѣткіе выстрѣлы попали въ текинцевъ, они не выдержали, бросились бѣжать и разсѣялись въ разныя стороны.

Между тѣмъ головной отрядъ продолжалъ свое движеніе. Часовъ въ 10 утра на нашемъ лѣвомъ флангѣ стали появляться сначала отдѣльные всадники, а потомъ и цѣлыя партіи по 10 и 15 человѣкъ. Противъ нихъ выслали цѣпь. Началась перестрѣлка, не прекращавшаяся до самаго Геокъ-Тепе.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію боя, скажемъ нѣсколько словъ о той мѣстности, на которой намъ суждено было встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ.

На недалекомъ горизонтѣ, сплошною стѣною, высился скалистый, утесистый хребетъ Копетъ-Дагъ. Въ степи, гдѣ

глазъ привыкъ къ равнинѣ, трудно опредѣлить высоту. Самые невысокіе предметы кажутся высокими, каждый холмикъ горою. Тѣмъ не менѣе Копетъ-Дагъ такъ высокъ, что нельзя предположить, чтобы онъ въ этомъ мѣстѣ былъ ниже 2.500 или даже 3.000 футовъ. Хребетъ Копетъ-Дагъ у Геокъ-Тепе, почти непроходимъ; каменныя груды его навалены одна на другую ровною, нигдѣ не выдающеюся полосою. Съ него сбѣгаютъ нѣсколько горныхъ ручьевъ превосходной воды. Къ юго-востоку отъ крѣпости выдѣляется изъ хребта гора Геокъ-Тепе.

У самаго подножія Копетъ-Дага раскинулся небольшой аулъ, окруженный посѣвами джугары. Аулъ этотъ, Янги-Кала, не былъ брошенъ жителями, напротивъ жители другихъ ауловъ перемѣшались въ немъ съ его собственными, ища за стѣнами его спасенія.

Пахатныя поля начинались непосредственно отъ подножія хребта, а на обширной равнинѣ, верстахъ въ полутора отъ хребта, раскинулся Геокъ-Тепе.

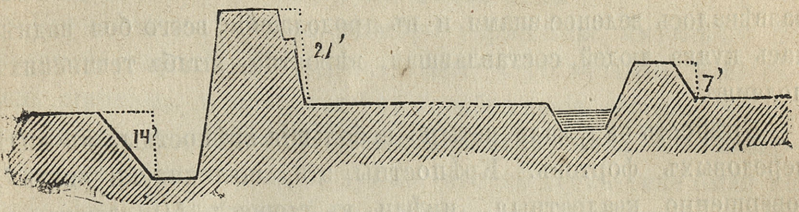
Геокъ-Тепе, на равнѣ съ Кизилъ-Арватомъ, Асхабатомъ и Гяурсомъ, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ текинскаго оазиса. Это самый обширный аулъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпость.

Какъ аулъ, Тепе похожъ на всѣ другіе аулы.

Какъ крѣпость, съ сѣверной и западной стороны Геокъ-Тепе съ присоединеннымъ къ нему ауломъ Денгиль-Тепе обнесенъ огромною глиняною стѣною отъ 2 до 3 саженъ высоты и около сажени ширины. Ровъ впереди крѣпости былъ неглубокъ, не больше сажени глубины. Съ внутренней стороны стѣна имѣла узкій банкетъ (приступокъ) для помѣщенія на немъ стрѣлковъ. Позади стѣны на сѣверной сторонѣ все свободное пространство было занято кибитками воиновъ, составляющихъ гарнизонъ, а за этимъ пространствомъ шелъ еще водяной ровъ, за которымъ возвышался небольшой брустверъ, какъ послѣдняя преграда. Ручей, сбѣгающій съ хребта, недалеко отъ Геокъ-Тепе, по входѣ въ крѣпость наполнялъ

ровъ водою. На западной сторонѣ ровъ былъ нѣсколько глубже и за стѣной все пространство было испещрено рвами, брустверами и небольшими укрѣпленіями.

Вотъ профиль главной ограды съ сѣверной и западной стороны (профиль см. на планѣ по LM):

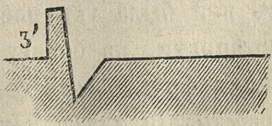

Въ сѣверо-западномъ углу—стѣны былъ довольно широкій проходъ. Меньшіе проходы (ихъ было нѣсколько) имѣлись и въ сѣверной сторонѣ и въ западной.

Восточная и южная стороны Геокъ-Тепе были обнесены небольшимъ и высокимъ валомъ, впереди котораго широкою полосою простирались посѣвы джугары.

Джугара служила столь же надежнымъ прикрытіемъ аулу, какъ и стѣны. Движеніе по ней войскъ было бы чрезвычайно затруднительно; текинцы хорошо сознавали и понимали это, а потому и обратили все свое вниманіе на укрѣпленіе сѣвернаго и западнаго фасовъ.

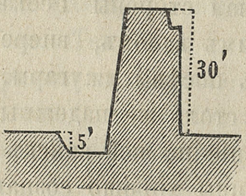
Профиль укрѣпленія съ восточной и южной сторонъ слѣдующій (профиль по xy):

Внутри крѣпости, какъ сказано было выше, въ пространствѣ лежащемъ между наружной стѣной и внутреннимъ бру-

стверомъ были расположены кибитки гарнизона; они стояли въ шахматномъ порядкѣ. Вся же площадь аула была сплошь покрыта кибитками жителей Геокъ-Тепе, Денгиль-Тепе и другихъ ауловъ; тутъ же расположились семьи текинцевъ, часть стадъ и сложено было все имущество. Въ сѣверо-занадномъ углу крѣпости возвышался большой, по всѣмъ вѣроятіямъ насыпной, курганъ, вышиной отъ 4 до 5 саженъ. На немъ развѣвалось зеленое знамя и въ продолженіе всего боя виднѣлась кучка людей, составлявшая, вѣроятно, штабъ текинскихъ полчищъ.

Крѣпость окружали четыре небольшія крѣпостцы, въ видѣ передовыхъ фортовъ. Крѣпостцы эти, по-текински «кала», совершенно квадратныя, имѣли въ сторонѣ 50 саженъ, и стѣны не менѣе 3-хъ или даже $3^1/_2$ саженей высоты (гораздо выше крѣпостной стѣны). Небольшіе рвы окружали ихъ. Вотъ профиль этихъ укрѣпленій (профиль по zy).

Эти крѣпостцы расположены одна (см.—планъ) (A) съ западной стороны и три (см.—планъ) (B. C. D.) съ восточной. Всѣ они одинаковой постройки, но первая кала соединялась съ крѣпостью особымъ невысокимъ валомъ, который и образовалъ закрытое пространство, названное нашими войсками «загономъ»; рядомъ съ ней была укрѣпленная мельница.

Сѣверо-западнѣе крѣпости, на берегу ручья стояла другая мельница, обнесенная фруктовымъ садомъ и огороженная валомъ. Дальше, въ разстояніи двухъ или трехъ верстъ, сѣвернѣе крѣпости, начинается рядъ невысокихъ холмиковъ, которые, заволновавъ на нѣкоторое пространство мѣстность, переходятъ постепенно и незамѣтно въ песчаную степь.

Все пространство, непосредственно примыкающее къ крѣпости, составляло текинскія поля (посѣвы пшеницы, были уже собраны), изрѣзанныя во всевозможныхъ направленіяхъ неглубокими оросительными канавками, которыя служили не малымъ препятствіемъ при движеніи кавалеріи и, особенно, артиллеріи.

Сколько было текинцевъ въ Геокъ-Тепе?

Принимая въ разсчетъ размѣры укрѣпленія, имѣющаго по сѣверной сторонѣ двѣ версты длины, а по западной 600 сажень ширины, и принимая въ соображеніе густыя толпы выходившія изъ крѣпости до того времяни, пока мы совершенно не обложили ея, я думаю, что въ Геокъ-Тепе было не менѣе 15.000 воиновъ. Большинство показаній лазутчиковъ и плѣнныхъ текинцевъ также показывали это число. Но въ Геокъ-Тепе, кромѣ воиновъ, сосредоточилась большая часть населенія, бѣжавшаго изъ всѣхъ ауловъ, которые мы проходили ранѣе, и скрывшагося за стѣнами Геокъ-Тепе. Безпорядочными массами населеніе это раскинуло свои кибитки внутри крѣпости, и такъ какъ все-таки не могло помѣститься къ ней, то часть его вышла изъ крѣпости и разбила кибитки свои у главнаго вала въ сѣверо-восточной части ея (около 400 кибитокъ). Въ Геокъ-Тепе сосредоточились всѣ жители средней части текинскаго оазиса (отъ Бами до Геокъ-Тепе). Жители западной части оазиса, какъ то: кизилъ-арватцы, и др. изъявили намъ, на половину, покорность. Жители же восточной части сосредочились въ Асхабатѣ и Гяурсѣ

Число мирныхъ жителей находившихся внутри крѣпости, доходило по слухамъ до 30,000, которыя и размѣстились въ 12.000 кибиткахъ. Это были по преимуществу женщины, дѣти и старики. Все что могло держать въ рукахъ оружіе, находилось у крѣпостныхъ стѣнъ.

По увѣреніямъ нѣкоторыхъ туркменъ верблюдчиковъ и милиціонеровъ, находившихся при нашемъ отрядѣ, число текинцевъ было несравненно больше; они говорили, что разъ рѣшившись защищаться до послѣдней крайности, текинцы

собрали въ Геопъ-Тепе всѣ силы средней части Ахала, простиравшіяся до 15.000 всадниковъ и 20.000 пѣхотинцевъ, чтобъ сообща встрѣтить русскія войска. По приказанію предводителя соединенныхъ силъ оазиса, Берды-Мурадъ-Хана, семейства воиновъ должны были остаться при нихъ въ крѣпости, такъ какъ текинцы по его выраженію «лучше всего дерутся— когда защищаютъ своихъ женъ и дѣтей».

Незадолго до вторженія русскихъ войскъ въ оазисъ, вожди Ахала и вліятельнѣйшіе ишаны, собрались на совѣтъ въ Геокъ-Тепе. Кромѣ Берды-Мурадъ-Хана (сына Мервскаго хана Нуръ-Верды) и Кара-Батыря, тутъ присутствовали: Курбанъ-Мурадъ, Рахманъ-Берды, Керимъ-Берды и Махмутъ-Ханъ. Обсудивъ положеніе дѣлъ они рѣшили сопротивляться до послѣдней крайности и собравъ народъ, объявили ему свое постановленіе; при этомъ они провозгласили, что все текинское племя, проливавшее до сихъ поръ только кровь своихъ собратьевъ мусульманъ-туркменъ и персовъ, навлекло на себя гнѣвъ Аллаха, а потому, чтобъ загладить свои грѣхи, они отнынѣ должны стать смертельными врагами гяуровъ и истреблять ихъ, не думая о своей смерти. Рѣчь ишановъ глубоко подѣйствовала на собравшихся; они пали на колѣни и принесли торжественную клятву на коранѣ, *тобу*, что не пожалѣютъ своей крови и смѣло вступятъ въ борьбу съ гяурами.

Въ Геокъ-Тепе сосредоточились, какъ сказано было выше, жители и воины средней части оазиса, жители же восточной части, болѣе населенной, укрѣпились въ Асхабатѣ, отстоящемъ отъ перваго приблизительно на 80 верстъ. Сверхъ того, изъ Мерва спѣшилъ на помощь съ шеститысячнымъ отрядомъ при шести орудіяхъ Нуръ-Верды-Ханъ.

ГЛАВА XIV.

Атакованіе джигитами нашей цѣпи.—Подступленіе къ западной сторонѣ Геокъ-Тепе и открытіе артиллерійскаго огня.—Двѣ атаки.—Взятіе мельницы.— Дѣйствіе нашего огня.—Пѣшая атака драгунъ.—Взятіе передоваго укрѣпленія.—Переходъ кавалеріи на асхабадскую дорогу.—Попытка части текинцевъ прорваться изъ крѣпости.—Плѣнная текинка.—Очищеніе восточной стороны отъ непріятеля.—Еще пѣшая атака драгунъ.—Гибель казака посланнаго къ колоннѣ графа Борха.—Прибытіе ея.—Попытка зажечь аулъ.— Приготовленія къ штурму и занятіе войсками позицій.

Отрядъ нашъ стройно приближался къ Геокъ-Тепе. На лѣвомъ флангѣ перестрѣлка не прекращалась. Вдругъ текинскіе джигиты, разбросанные на довольно большомъ пространствѣ, быстро сомкнулись и понеслись на нашу цѣпь; но опрокинувъ нѣсколькихъ дагестанцевъ, тотчасъ же бросились назадъ, въ виду подоспѣвшихъ на выручку драгунъ, которые открыли по непріятелю мѣткій огонь, причинивъ ему чувствительныя потери.

Ровно въ полдень колонна князя Долгорукаго подошла къ Геокъ-Тепе. Артиллерія, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ, немедленно заняла позицію на вершинѣ песчаной возвышенности, на лѣвомъ берегу ручья, и въ присутствіи генерала Ломакина снялась съ передковъ и открыла, подъ непосредственнымъ руководствомъ начальника артиллеріи отряда, полковника Прозоркевича, огонь изъ всѣхъ шести орудій по калѣ № 1 и прилегающей къ ней мельницѣ (см. планъ), за стѣнами которыхъ виднѣлись густыя толпы текинцевъ. Позади

батареи встали батальоны кабардинскій и куринскій, а нѣсколько позади послѣдняго стрѣлковый; въ тылу, на правомъ флангѣ, расположился 3-й эскадронъ переяславскихъ драгунъ, на лѣвомъ же 4-й эскадронъ, а между ними дагестанцы; ракетная сотня стала позади пѣхоты (см. планъ).

Въ это время текинская кавалерія въ громадной массѣ собралась на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Отъ авангарда выслали въ цѣпь двѣ роты куринцевъ. Едва текинцы замѣтили ихъ, какъ съ гикомъ уррь!.. уррь! (бей... бей...) бросились на нихъ въ атаку. Пѣхота встрѣтила ихъ дружными залпами, а 4-й эскадронъ переяславскихъ драгунъ подъ начальствомъ майора Нацвалова и сотня дагестанцевъ атаковали ихъ съ фланга. Едва наша кавалерія вышла изъ-за пригорка и бросилась на текицневъ, какъ они съ гикомъ обратились въ самое безпорядочное бѣгство.

Между тѣмъ, огонь артиллеріи вырывалъ множество жертвъ изъ среды текинцевъ засѣвшихъ въ калѣ; но на смѣну убитымъ прибывали изъ крѣпости черезъ загонъ новыя толпы.

Тогда дивизіону переяславскихъ драгунъ, дагестанцамъ, ракетной батареѣ и двумъ горнымъ орудіямъ приказано были идти на сѣверную сторону крѣпости и открыть фланговый огонь по загону, въ которомъ засѣла текинская пѣхота. Едва этотъ отрядъ приблизился къ мельницѣ, какъ вдругъ оттуда раздался залпъ. Оказалось, что она была занята частью текинской конницы, расположившейся позади нея. Смѣлый и стремительный натискъ нашей кавалеріи опрокинулъ врага, который обратился въ безпорядочное бѣгство; въ занятой съ боя мельницѣ было вырѣзано до 150 засѣвшихъ въ ней текинцевъ и въ этой схваткѣ былъ убитъ Кара-Батырь. Непріятельская кавалерія ушла на востокъ по асхабатской дорогѣ и больше не появлялась во весь день.

Послѣ того горныя орудія и ракетная батарея стали обстрѣливать загонъ.

Огонь произвелъ ужасное дѣйствіе. Послѣ каждаго выстрѣла, попадавшаго въ густую толпу, образовывалась цѣлая

куча труповъ. Но по числу убитыхъ являлись новые люди изъ крѣпости. Тутъ мы убѣдились, что залпъ изъ орудій не производитъ на нихъ того дѣйствія, какъ мы ожидали, и что эти люди рѣшились защищаться не на животъ, а на смерть.

Непріятелю фланговый огонь пришелся не по вкусу и онъ рѣшился произвесть атаку. Густыя толпы пѣшихъ текинцевъ вышли изъ крѣпости и стали подвигаться на насъ съ лѣваго фланга. Драгуны спѣшились и двинулись цѣпью имъ на встрѣчу, стрѣляя залпами, ракетная батарея также направила туда свои станки, горныя же орудія продолжали стрѣлять по загону. Текинцы не выдержали и, не дойдя до драгунъ, быстро побѣжали назадъ, ища спасенія за стѣнами крѣпости. Благодаря удачнымъ выстрѣламъ горныхъ орудій и ракетной батареи, сообщеніе крѣпости съ мельницей и калой было прервано; тогда защитники ихъ смѣло выступили впередъ и ринулись на терскую батарею, но встрѣченные дружными залпами кабардинцевъ и стрѣлковъ, бросились назадъ. Генералъ Ломакинъ приказалъ играть наступленіе и побѣжавшіе, съ крикомъ «ура», батальоны ворвались, по слѣдамъ непріятеля, въ передовое укрѣпленіе и, послѣ отчаянной рукопашной схватки, овладѣли имъ и стали обстрѣливать крѣпость; тудаже направлены были жерла орудій терской и горной батарей. Послѣдняя подвинулась къ этому времени нѣсколько въ лѣво и осталась съ ракетной батареей подъ прикрытіемъ 3-го эскадрона переяславскихъ драгунъ, Артиллерія стрѣляла неустанно.

Можно себѣ представить, что происходило внутри крѣпости. Наши выстрѣлы, естественно попадавшіе по преимуществу въ середину крѣпости, поражали страшно семьи текинцевъ. Каждая граната производила ужасное дѣйствіе. Уступая мольбамъ женъ и матерей, текинцы готовы были уже сдаться, чтобы спасти своихъ дѣтей. Дѣйствительно, нѣкоторая часть ихъ даже вышла изъ крѣпости и просила остановить огонь, объявивъ, что желаютъ сдаться. Имъ отвѣтили, что если они желаютъ этого, то пусть ихъ начальники и муллы явятся къ генералу Ломакину. Но муллы и не думали о сдачѣ крѣпости; на-

противъ, имъ удалось снова разжечь фанатизмъ, и текинцы рѣшились или побѣдить или умереть.

Часа въ два князь Голицынъ, съ сотней дагестанцевъ, пошелъ къ обходъ крѣпости на асхабатскую дорогу; вслѣдъ за нимъ послали туда 4-й эскадронъ переяславскихъ драгунъ съ майоромъ Нацваловымъ и два взвода 3-го эскадрона съ флигель-адъютантомъ Бибиковымъ, подъ начальствомъ подполковника Нуджевскаго. Войскамъ этимъ приказано было не выпускать никого изъ крѣпости, и если бы текинцы вздумали выходить изъ нея, то гнать ихъ туда обратно. Это распоряженіе было сдѣлано потому, что лазутчики дали знать, что текинцы хотятъ оставить крѣпость.

Прибывъ на асхабатскую дорогу, отрядъ увидѣлъ, что кала В и кала С не заняты непріятелями, а кала Д занята; тогда князь Голицинъ взялъ часть кавалеріи, чтобы выбить изъ нея непріятеля.

Предположеніе штаба, что текинцы бросятъ крѣпость или, по крайней мѣрѣ, вышлютъ женъ и дѣтей, подтвердилось. Едва драгуны пришли на асхабатскую дорогу, какъ текинцы начали выходить густыми толпами. Переяславцы бросились на нихъ въ атаку и вогнали ихъ снова въ крѣпость. Вслѣдъ за этимъ кавалерія занялась очисткой восточной стороны отъ пробиравшихся изъ крѣпости шаекъ и одиночныхъ людей. Тутъ слѣдуетъ упомянуть о слѣдующемъ эпизодѣ: по проѣзжавшему на рысяхъ взводу драгунъ, были сдѣланы изъ близлежащей канавы, послѣдовательно, три выстрѣла; нѣсколько солдатъ тотчасъ же поскакали туда, но вмѣсто воиновъ, увидали мододую дѣвушку, заряжавшую пистолетъ; два другихъ пистолета лежали подлѣ нея. Солдаты схватили ее и, доѣхавъ къ ближайшей калѣ, сдали стоявшей тамъ части; текинку привели къ начальнику и тотъ, желая успокоить ее, сказалъ черезъ переводчика: «Не бойся, тебѣ ничего дурнаго не сдѣлаютъ». Плѣнница сдѣлала шагъ назадъ и гордо окинувъ всѣхъ взоромъ полнымъ ненависти и презрѣнья, отвѣтила: «Я, сердарь, ничего не боюсь, можете дѣлать со мной, что

хотите. Но вы всѣ, гяуры, бойтесь и страшитесь насъ, такъ какъ никто изъ васъ не уйдетъ изъ нашей страны.» Отвѣтъ юной героини привелъ всѣхъ въ восторгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ навелъ и на размышленіе; мнѣніе о врагѣ стало измѣняться. Текинку тотчасъ же отпустили на волю. Въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько далѣе, нашли въ канавѣ и другую героиню, съ оружіемъ въ рукахъ, стрѣлявшую по проходящимъ частямъ; это была почтенная, но бодрая, старушка, съ сѣдыми волосами. Ей, впрочемъ, не посчастливилось и ожесточившіеся солдаты убили ее на мѣстѣ.

Въ каждой канавкѣ, которыми испещрены всѣ окрестности Геокъ-Тепе, за каждымъ прикрытіемъ сидѣли текинцы и стрѣляли по нашей кавалеріи, которая, разсыпавшись по всей восточной сторонѣ крѣпости, постепенно очищала ее отъ непріятеля, подвигаясь къ южной сторонѣ.

Пѣхота и артиллерія продолжала обстрѣливать крѣпость, причиняя врагу страшный уронъ; но въ части сѣвернаго фаса, противъ которой стоялъ 3-й эскадронъ драгунъ, огонь былъ нѣсколько слабѣе; непріятель воспользовался этимъ, и подъ прикрытіемъ разныхъ пресѣченій, приблизился на ружейный выстрѣлъ и открылъ пальбу залпами. Тогда генералъ Ломакинъ приказалъ полковнику Корганову двинуть на текинцевъ драгунъ и отогнать ихъ за стѣны крѣпости. Драгуны двинулись съ мѣста на рысяхъ, но приблизившись на 200 шаговъ къ крѣпостному валу, очутились въ мѣстности, затопленной водою. Лошади стали вязнуть и дальнѣйшее движеніе сдѣлалось болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Текинцы, увидавъ замѣшательство въ рядахъ противниковъ, сдѣлали сильную вылазку и бросились съ громкими криками впередъ; драгуны спѣшились и встрѣтили, приблизившагося къ нимъ на 30 шаговъ врага, дружными залпами, но текинцы, не обращая внианмія на нихъ, подвигались все ближе и ближе. Драгуны повернули назадъ къ коноводамъ. Въ это время раздался громкій голосъ командира эскадрона, капитана Шанаева: «Впередъ, ребята! Ура»!.... Драгуны повернулись и стремительно кинулись

въ штыки на врага, въ 15 разъ превосходящаго ихъ числомъ. Текинцы, не ожидавшіе такого поворота дѣла, обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ и раненыхъ. Драгуны поплатились за свою смѣлую аттаку лишь нѣсколькими людьми и лошадьми.

Всѣ ждали съ нетерпѣньемъ прибытія колонны графа Борха. Съ его прибытіемъ должны были начаться рѣшительныя дѣйствія.

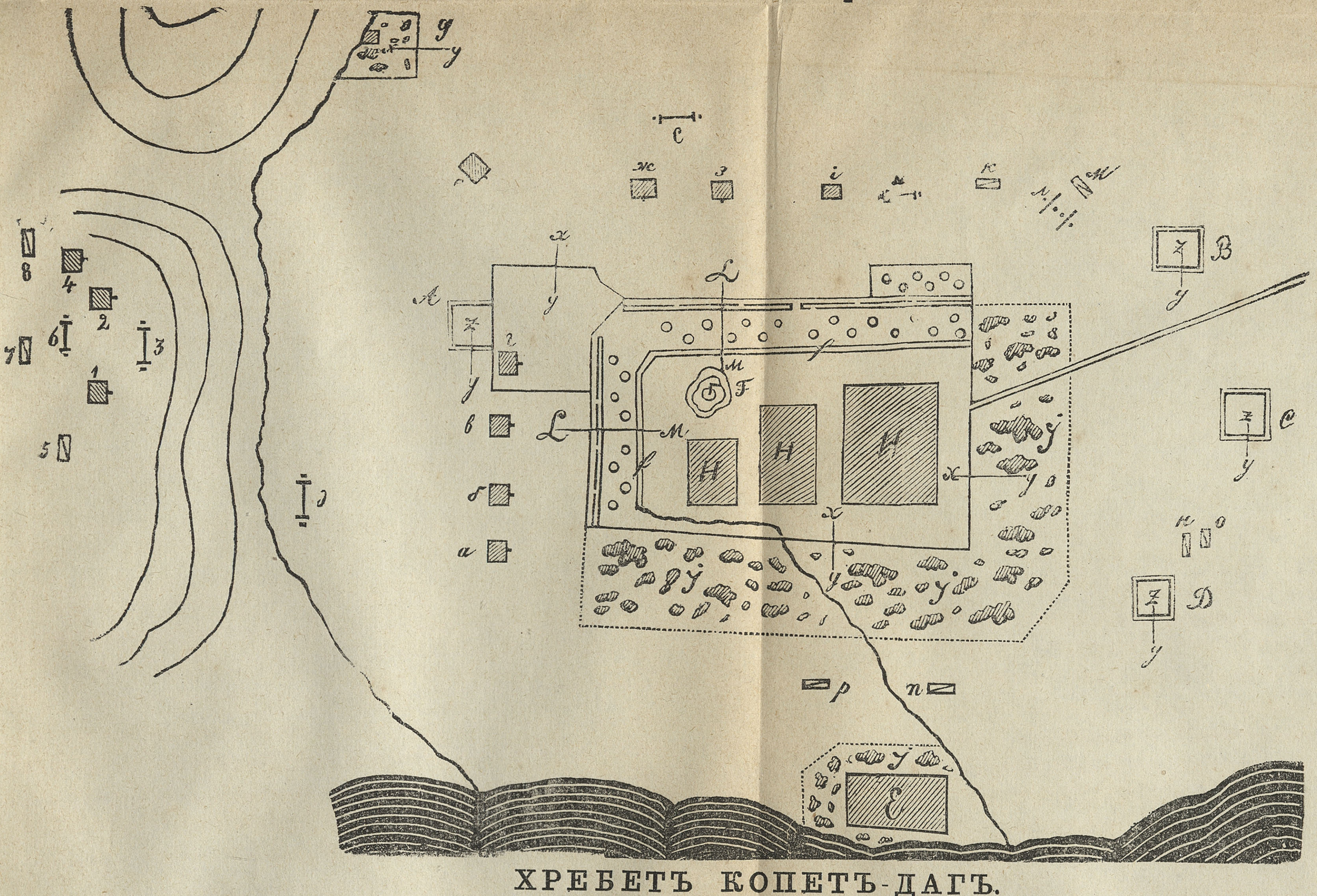
Еще до взятія калы былъ посланъ казакъ къ графу Борху, для передачи извѣстія, что бой начался и чтобы онъ спѣшилъ на соединеніе съ отрядомъ. Графъ Борхъ отсталъ отъ авангарда, задержанный сначала атакою текинской кавалеріи о которой мы уже говорили, а потомъ онъ нашелъ нужнымъ дать войскамъ привалъ.

Но едва казакъ таманскаго полка, посланый къ графу, отъѣхалъ отъ отряда, какъ нѣсколько текинцевъ бросились на него. Кубанецъ съ необыкновенною ловкостью увертывался отъ туркменъ, но одинъ текинецъ выстрѣлилъ, и пуля сразила казака. Кочевники бросились на удальца, отрубили ему голову, изувѣчили и, оборвавъ плечевой погонъ, свернули въ трубку и всунули его въ отверстіе груди, которое было образовано пулею. Нѣсколько позднѣе, колонна графа Борха, подходя къ Тепе, наткнулась на трупъ несчастнаго казака и, тутъ же, похоронила его у дороги.

Наконецъ въ исходѣ третьяго часа, подошла вторая колонна. Люди ея были крайне утомлены переходомъ подъ палящими лучами солнца, при 40° по Реомюру и такъ-же, какъ и участники начавшагося боя, сильно страдали отъ жажды.

Когда подошелъ графъ Борхъ и отрядъ очутился весь у Геокъ-Тепе, естественно родился вопросъ, штурмовать или не штурмовать крѣпость немедленно. Несомнѣнно, что штурмъ былъ предрѣшенъ, въ сущности, еще задолго до этой минуты. Въ отрядѣ только и разговоровъ было, что съ текинцами надо кончить быстро, при первой встрѣчѣ, не откладывая въ долгій ящикъ.

Планъ крѣпости Геокъ-Тепе и ея окрестностей.

Поясненіе плана:

A — кала № 1 и мельница; послѣ взятія ея—перевязочный пунктъ.
B — кала № 2.
C — кала № 3.
D — кала № 4.
E — аулъ Янги-Кала.
F — курганъ.
G — мельница, окруженная садомъ и валомъ.
H — кибитки населенія укрывшагося въ Геокъ-Тепе.
I — поля съ джугарой и бахчи.

Масштабъ около 300 саж. въ дюймѣ.

Первая позиція авангарда.

1 — кабардинскій батальонъ.
2 — куринскій батальонъ.
3 — терская казачья полубатарея.
4 — сводный стрѣлковый батальонъ.
5 — 3-ій эскадронъ переяславскихъ драгунъ.
6 — ракетная батарея.
7 — сотня дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка.
8 — 4-й эскадронъ переяславскихъ драгунъ.

Расположеніе войскъ передъ штурмомъ.

а — саперная рота.
б — батальонъ куринскаго полка.
в — „ кабардинскаго „
г — „ сводный стрѣлковый.
д — два орудія пѣшей полубатарей 20 ор. и два горныхъ орудія.
е — резервъ—батальонъ ширванскаго полка.
ж — батальонъ грузинскаго гренадерскаго полка.
з — „ лейбъ эриванскаго полка.
і — команда охотниковъ Липоваца.
и — ракетная сотня.
к — полуэскадронъ переяславскихъ драгунъ.
л — два орудія терской казачьей полубатареи.
м — сотня волжскаго и сотня таманскаго каз. полковъ.
н — полуэскадронъ переяслав. драгунъ.
о — сотня дагестанскаго конно-иррег. полка.
п — эскадронъ переяславскихъ драгунъ.
р — сотня дегестанск. конно-иррег. полка.
с — 2 орудія терской казач. полубат. и 2 орудія пѣшей полуб. 20-й бригады.

Нѣтъ также сомнѣнія, что въ 3 часа дня считали, что взятіе первой калы, прогнаніе непріятеля въ крѣпость, затѣмъ артиллерійскій и ружейный огонь достаточно подготовили успѣхъ штурма. Нервное напряженіе, овладѣвшее всѣми, не допускало мысли объ усталости.

Были сдѣланы распоряженія—и войска пошли занимать позиціи, назначенныя имъ для штурма. Генералъ Ломакинъ сталъ объѣзжать позицію; подъѣхавъ къ драгунамъ, стоявшимъ на лѣвомъ флангѣ, противъ сѣвернаго фаса, гдѣ кибитки текинцевъ были выдвинуты впереди крѣпостнаго вала, генералъ вызвалъ 12 охотниковъ, которые зажгли бы аулъ. Драгуны не заставили повторить предложеніе и минуту спустя охотники уже были на пути къ цѣли, быстро беребѣгая отъ одного прикрытія къ другому. Всѣ слѣдили съ замираніемъ сердца за смѣльчаками, всѣ предчуствовали, что попытка ихъ не увѣнчается успѣхомъ, такъ какъ кромѣ сѣрныхъ спичекъ они не имѣли другихъ зажигательныхъ средствъ. Но вотъ, наконецъ, они приблизились къ кибиткамъ на 15 шаговъ. Вдругъ раздался залпъ и градъ пуль обсыпалъ нашихъ охотниковъ. Продолжать движеніе впередъ значило идти на вѣрную и безполезную смерть и драгуны, понимая это, повернули назадъ, обсыпаемые градомъ пуль. Никто не вѣрилъ глазамъ, когда они невредимые вернулись къ своему эскадрону.

Штурмъ былъ назначенъ ровно въ 5 часовъ пополудни,—сигналомъ долженъ былъ послужить залпъ изъ всѣхъ орудій.

Къ этому времени части отряда расположились кругомъ Геокъ-Тепе въ слѣдующемъ порядкѣ.

Съ западной стороны крѣпости.

Саперная рота, на лѣвомъ флангѣ,

Батальонъ куринскаго полка,

» кабардинскаго полка,

Сводный стрѣлковый батальонъ; размѣстился въ загонѣ на южной его сторонѣ, одна же рота встала противъ угловой бреши.

Два горныхъ орудія и два полевыхъ 20-й бригады размѣстились между ротами кабардинскаго полка.

Въ передовомъ укрѣпленіи, занятомъ утромъ съ боя расположился «Красный Крестъ» и былъ устроенъ перевязочный пунктъ.

Противъ сѣверо-западнаго угла крѣпости:

Въ нѣкоторомъ отдаленіи стоялъ близь главнаго арыка, резервъ, состоявшій изъ батальона Ширванскаго полка.

За резервомъ, вдали, разбился вагенбургъ, заключавшій въ себѣ весь обозъ съ 3,500 верблюдовъ, подъ прикрытіемъ 6 ротъ пѣхоты и двухъ горныхъ орудій.

Противъ сѣверной стороны крѣпости.

Батальонъ грузинскаго гренадернаго полка,

» лейб. эриванскаго полка.

Между ротами перваго стояли—2 орудія терской казачьей батареи между ротами втораго 2 орудія пѣшей батареи 20-й бригады.

50 человѣкъ охотниковъ.

Ракетная батарея

Полуэскадронъ переяславскихъ драгунъ, на правомъ флангѣ:

Съ восточной стороны Геокъ-Тепе:

Почти противъ сѣверо-восточнаго угла, расположились двѣ сотни казаковъ (таманскаго и волжскаго полковъ), съ двумя орудіями терской батареи.

У южной калы (см. планъ: Д) стояли: сотня дагестанцевъ и полуэскадронъ драгунъ.

Съ южной стороны:

4-й эскадронъ переяславскихъ драгунъ, по правой сторонѣ рѣчки и наконецъ сотня дагестанцевъ по лѣвому берегу.

Такимъ образомъ, линія занятая нашими войсками, была около 8 верстъ, а линія штурма свыше 3 верстъ.

Въ высшей степени интересенъ вопросъ о силѣ атаковавшихъ войскъ.

Слова: батальонъ, рота, эскадронъ, съ понятіемъ о которыхъ связана извѣстная численность, положенная по штатамъ,

не имѣли значенія при штурмѣ Геокъ-Тепе. Убыль въ людяхъ началась еще въ Чикишлярѣ, затѣмъ, долгая, трудная стоянка и тяжкій походъ еще болѣе ослабили части. Да кромѣ того отъ каждаго батальона, какъ мы сказали выше, по одной ротѣ было взято для охраны вагенбурга. Взявъ все вмѣстѣ, надо принять, что каждый батальонъ имѣлъ среднимъ числомъ около 200 человѣкъ, а рота человѣкъ 60. Число же всѣхъ войскъ, пошедшихъ на штурмъ, надо принять отъ 1.200 до 1.300 человѣкъ.

До пяти часовъ пополудни шла усиленная пальба изъ всѣхъ орудій и сильный ружейный огонь. Сравнительно, огонь текинцевъ былъ слабъ.

Войска стояли передъ штурмомъ очень близко къ крѣпости. Нѣкоторые батальоны шагахъ въ пятистахъ, не болѣе. Штурмовыя колонны стали такъ близко потому, что у текинцевъ совсѣмъ не было артиллеріи и были оченъ плохія ружья всевозможныхъ временъ и всевозможпыхъ системъ—отъ фитильныхъ ружей до берданокъ; послѣднихъ было очень мало. По стѣнамъ стояли большія крѣпостныя ружья. Большинство же текинцевъ было вооружено—обыкновенными азіятскммк курковыми ружьями.

За четверть часа до наступленія роковаго, для многихъ, часа, прекратился артиллерійскій огонь и раздавалась лишь слабая ружейная трескотня.

ГЛАВА XV.

Штурмъ.—Саперы и куринцы.—Кабардинцы и стрѣлки. — Грузинцы и эриванцы.—Охотники Липовaца. — Вылазка.—Смерть Сафонова. — Отступленіе штурмующихъ.—Резервъ майора Шауфуса.— Атака текинцевъ на терскую батарею и смерть Берды-Мурадъ-Хана.—Атака переяславцевъ. — Обстрѣливаніе крѣпости.—Отводъ войскъ на ночлегъ.—Забытые. — Возвращеніе драгунъ и дегестанцевъ на бивакъ.

Моментъ штурма наконецъ насталъ...

Ровно въ 5 часовъ пополудни раздался условленный сигналъ залпъ изъ четырехъ орудій нашей артиллеріи. Грохотъ выстрѣловъ понесся по долинѣ, отозвался на Копетъ-Дагѣ и слился съ громкимъ крикомъ «ура!»

Войска, стоявшія на сѣверной и западной сторонѣ, бѣгомъ бросились на крѣпость. Къ сожалѣнію, они не имѣли съ собою ни штурмовыхъ лѣстницъ, ни фашинъ и никакихъ вообще приспособленій для штурма. Съ чѣмъ были, съ тѣмъ и пошли.

Быстро добѣжали солдаты, подъ усиленнымъ огнемъ текинцевъ, стрѣлявшихъ со стѣнъ, до крѣпости. Минута остановки, краткая передышка, и все бросилось въ ровъ. Съ величайшимъ трудомъ, упираясь штыками о хрупкую сухую глину, поддерживая и подымая другъ друга, полѣзли солдаты на стѣну. Вотъ нѣкоторые влѣзли уже и тутъ же пали жертвою своего удальства. На смѣну имъ карабкались и взбирались ловко новые молодцы. Нѣкоторые обрывались и падали

въ ровъ. Но эта борьба удальства съ невозможностью продолжалась недолго. Едва текинцы осмотрѣлись и опомнились отъ перваго впечатлѣнія, увидѣвъ малочисленность штурмующихъ и всю безопасность для нихъ штурма, благодаря высокимъ, почти отвѣснымъ стѣнамъ, — они бросились со всѣхъ выходовъ изъ крѣпости и сами напали на атакующихъ. Вылазку предприняли не менѣе 5 или 6,000 текинцевъ. Въ нѣсколько минутъ наши солдаты были окружены текинцами. На каждаго пришлось по 4 и 5 человѣкъ. Въ такой толпѣ, гдѣ свои перемѣшались съ чужими, стрѣлять было невозможно. На каждый штыкъ, и притомъ штыкъ утомленный, изнеможенный большимъ переходомъ и ужаснымъ днемъ и напряженіемъ штурма, пришлось по 4, по 5 шашекъ.

Наши солдаты какъ бы утонули въ толпѣ текинцевъ... Въ рѣшительную минуту кроваваго боя, на крѣпостной стѣнѣ появился старецъ, текинскій мулла, и раскрывъ коранъ, громкимъ, пронзительнымъ голосомъ сталъ читать молитву.

Вдругъ, неизвѣстно откуда, неизвѣстно отъ кого, раздался среди сражающихся возгласъ: «назадъ!». Кто былъ въ бою, тотъ знаетъ, что значитъ въ рѣшительную минуту такой возгласъ. Съ быстротой электрической искры это слово пронеслось по линіи изъ конца въ конецъ. Наши солдаты медленно, но вдругъ по всей линіи начали отходить отъ крѣпости. Тогда новыя толпы текинцевъ вышли изъ крѣпости и бросились съ яростью на нихъ. Быстрое отступленіе было необходимо; малѣйшее замедленіе влекло за собой безполезную гибиль многихъ людей. Отступая, наши солдаты отстрѣливались и отбивались штыками и прикладами. Достигнувъ линіи орудій, солдаты, успѣвшіе нѣсколько соединиться, остановились и открыли пальбу залпами. Артиллерія держала наготовѣ картечь, и залпы изъ орудій понесли смерть въ толпы текинцевъ. Визгъ картечи ошеломилъ ихъ. Еще нѣсколько минутъ пальбы, еще нѣсколько залповъ, атака ширванскаго батальона, стоявшаго въ резервѣ, лихая атака полуэскадрона драгунъ, стоявшихъ на лѣвомъ флангѣ, вмѣстѣ со взводомъ ракетной бата-

реи, и текинцы бросились въ ужасѣ въ крѣпость и за стѣнами ея искали укрытія.

Прослѣдимъ болѣе подробно за каждой частью войскъ, принимавшихъ участіе въ этомъ штурмѣ, гдѣ геройство тщетно боролось съ невозможностью.

Начнемъ съ праваго фланга: услышавъ сигналъ, саперы и куринцы, быстро побѣжали впередъ и, пройдя шаговъ 300, встрѣтили предъ собой большое укрѣпленіе съ высокими стѣнами и рвомъ, почти въ двѣ сажени глубины; на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, оказалось по правой сторонѣ другое укрѣпленіе, поменьше, а съ лѣва высокій курганъ. За ними валъ съ нѣсколькими курганами, а правѣе отдѣльная кала, фланкирующая два первыя укрѣпленія и валъ. Подойдя къ большому укрѣпленію, куринцы и саперы попали подъ перекрестный огонь текинцевъ, покрывавшихъ сплошною массою всѣ укрѣпленія, стѣны и курганы; съ отдѣльной калы обстрѣливали ихъ съ тыла. Несмотря на это, наши солдаты смѣло подвигались впередъ; тогда текинцы покинули большое укрѣпленіе и скрывшись за валомъ, усилили ружейный огонь. Солдаты засѣли во вру очищеннаго укрѣпленія и выслали охотниковъ на сосѣднюю калу, изъ которой по нимъ стрѣляли во флангъ. Охотники ворвались туда и овладѣли ею, переколовъ всѣхъ ея защитниковъ. Куринцы снова двинулись впередъ, имѣя во главѣ своего командира, майора Дацоева, встрѣчая на каждомъ шагу все новыя и неожиданныя преграды. Выбитые изъ одной, текинцы перебѣгали до слѣдующей и съ такимъ же ожесточеніемъ и яростью встрѣчали нашихъ солдатъ... Вдругъ Дацоевъ увидѣлъ, что шедшіе лѣвѣе ихъ кабардинцы и стрѣлки отходятъ назадъ и приказалъ батальону и саперамъ отступить; текинцы бросились, было, за ними, но встрѣченные дружными залпами, тотчасъ же скрылись за стѣнами.

Кабардинцы и стрѣлки, приблизившись къ крѣпости, встрѣтили два глубокихъ рва; позади втораго, имѣвшаго около двухъ саженъ глубины, подымалась высокая стѣна, около $2^1/_2$ саженъ

вышины, за которою виднѣлся цѣлый лѣсъ пикъ и множество головъ. Безъ штурмовыхъ лѣстницъ невозможно было подняться; но, впрочемъ, нѣсколько попытокъ было сдѣлано; такъ, напр., прапорщикъ стрѣлковаго батальона Шмидтъ, ставъ на плечи одного солдата, взобрался на брустверъ, но тотчасъ же, не успѣвъ даже разрядить револьвера, былъ тяжело раненъ и сброшенъ текинцами въ ровъ. Той же участи подверглись и другіе смѣльчаки, вскорабкивавшіеся на стѣну. Они разсказывали потомъ, что за брустверомъ былъ банкетъ и водяной ровъ; немного далѣе, были положены, параллельно рву, нѣсколько рядовъ верблюдовъ и за этимъ живымъ брустверомъ тянулись новый ровъ и новая стѣна, за которыми все пространство было покрыто кибитками. Весь промежутокъ между двумя главными стѣнами, былъ наполненъ сплошной массой текинцевъ.

Кабардинцы и стрѣлки, обсыпаемые со стѣнъ пулями, каменьями и т. п., терпя страшныя потери, продолжали отстрѣливаться и дѣлали тщетныя усиліи проникнуть въ крѣпость..

Батальонъ грузинскаго полка, проникнувъ за первую стѣну, встрѣтилъ тройной рядъ кибитокъ разставленныхъ въ шахматномъ порядкѣ, на столь близкомъ разстояніи одна отъ другой, что едва одинъ человѣкъ могъ пройти между ними. Гренадеры бросились впередъ, но за кибитками оказался новый ровъ и высокая стѣна; каждаго появлявшагося солдата встрѣчали градомъ пуль. Въ нѣсколько минутъ погибла половина батальона...

Эриванцы, подойдя къ первому рву, стали карабкаться на стѣну. Первымъ поднялся прапорщикъ Григорьевъ съ тремя солдатами, но набросившіеся текинцы изрубили ихъ; Григорьевъ получилъ 27 сабельныхъ ударовъ. Тѣла ихъ тотчасъ же были сброшены внизъ. На смѣну имъ взобрались прапорщикъ кн. Эристовъ и человѣкъ 20 солдатъ; большая часть изъ нихъ тотчасъ же была изрублена, остальные же вынуждены были спрыгнуть обратно.

На правомъ флангѣ, противъ выдвинувшихся изъ аула ки-

битокъ, пошелъ съ охотниками подпоручикъ лейбъ-гренадерскаго полка, Поповичъ-Липовацъ (черногорецъ, получившій за отличіе въ турецкую войну, солдатскіе знаки отличія военнаго ордена 4 и 1 степеней). Идя къ кибиткамъ подъ сильнымъ огнемъ непріятеля охотники дружно пѣли: «Ахъ вы сѣни мои сѣни...» Съ этой пѣсней они ворвались въ аулъ и съ этой же пѣснею умирали въ рукопашной схваткѣ, происшедшей между кибитками. Охотники Липоваца отступили послѣдними. Но изъ 50 вернулось лишь 13...

Текинцы, какъ сказано было выше, убѣдившись въ малочисленности штурмующихъ, рѣшились произвесть вылазку. Воодушевленные Берды-Мурадъ-Ханомъ, ишанами и вождями, они бросились, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, изъ всѣхъ проходовъ и проломовъ крѣпости на нашихъ солдатъ, которые бодро встрѣтили ихъ въ штыки. Съ четверть часа продолжался отчаянный, рукопашный бой; ряды нашихъ героевъ быстро рѣдѣли, число же враговъ съ каждымъ мгновеніемъ росло и увеличивалось. Особенно силенъ былъ натискъ текинцевъ на батальоны стрѣлковъ и гренадеръ. Тутъ погибъ командиръ стрѣлковаго батальона Сафоновъ, георгіевскій кавалеръ, извѣстный своей храбростью во всей кавказской арміи. Раненый пулей, онъ упалъ съ лошади, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда текинцы кинулись въ рукопашную; тогда прапорщикъ Невтоновъ и портупей юнкеръ Зеневичъ, желая спасти своего командира, пробились къ тѣлу его съ тремя солдатами, но усилія ихъ оказались тщетными и всѣ они, исключая Невтонова, раненаго, пали геройской смертью, изрубленные шашками.

Батальоны стали быстро отходить отъ крѣпости, отбиваясь штыками и отстрѣливаясь. Послѣдними отступали офицеры и нѣкоторые изъ нихъ, сломавъ въ бою клинки своихъ сабель, дѣйствовали штыками наравнѣ съ солдатами. Многіе раненые солдаты, изнемогая отъ потери крови, вынуждены были побросать свои ружья, но большинство изъ нихъ дѣлало это, вынувъ предварительно замокъ его. Тутъ пришлось испытать на себѣ искуство текинцевъ владѣть холоднымъ оружіемъ и

особено шашками. Такъ напр. одинъ текинецъ, налетѣвшій на прапорщика грузинскаго полка Бѣлбородова, сильнымъ взмахомъ шашки снесъ ему голову; тѣло несчастнаго въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній продолжало стоять еще и затѣмъ рухнулось на земь. Вотъ еще другой примѣръ: На восточной сторонѣ крѣпости шесть дагестанцевъ напали на одного текинца, и онъ, защищаясь лишь шашкой, успѣлъ всѣхъ переранить. Ординарецъ князя Витгенштейна, сотникъ Гайдовъ, бросился на него, но текинецъ успѣлъ и ему порубить руку; тогда кто-то изъ дагестанцевъ заѣхалъ сзади и убилъ его изъ револьвера. До чего велики были ожесточеніе и ненависть текинцевъ, видно изъ того уже, что въ числѣ воиновъ, ринувшихся на наши войска были и женщины, и дѣти, вооруженные чѣмъ попало. Нѣкоторыя изъ нихъ были въ первыхъ рядахъ; такъ, одинъ изъ ротныхъ командировъ грузинскаго батальона, штабсъ-капитанъ М—ъ, почувствовавъ сильный ударъ по спинѣ, быстро повернулся и вмѣсто воина, котораго онъ ожидалъ встрѣтить, увидалъ старую фурію, вооруженную огромной лопатой, собиравшуюся повторить свой граціозный жестъ; въ другомъ мѣстѣ, мальчикъ лѣтъ девяти бросился съ огромнымъ ножемъ на одного изъ офицеровъ эриванскаго батальона.

На правомъ флангѣ, на отступавшихъ до первоначальныхъ позицій стрѣлковъ и кабардинцевъ бросились густыя толпы текинцевъ, но тотчасъ же повернули назадъ, попавъ подъ боковой огонь куринцевъ и саперъ.

Начальникъ резерва майоръ Шауфусъ, видя отступленіе, быстро повелъ впередъ свой батальомъ ширванцевъ... Громкое «ура» раздалось въ послѣдній разъ. Текинцы встрѣтили ихъ дождемъ пуль. Знамя ширванцевъ упало (знаменщикъ былъ убитъ) и снова поднялось, развѣваясь по воздуху. Пуля сразила и втораго знаменщика... Шауфусъ схватилъ знамя и двинулся далѣе во главѣ батальона, ряды котораго быстро рѣдѣли. За 100 шаговъ отъ крѣпости, вдругъ упалъ храбрый командиръ съ прострѣленными на вылетъ грудью и лѣвой рукой. Солдаты подхватили его на руки и повернули назадъ.

Въ 10 минутъ - ширванцы потеряли своего командира, двухъ офицеровъ и 70 нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ гренадеры, добѣжавъ до орудій, остановились и открыли сильный огонь по сплошной толпѣ непріятелей, изъ которыхъ нѣкоторые успѣли ворваться на терскую батарею: смѣльчаки эти тутъ же были изрублены орудійной прислугой. Въ это время выступилъ впередъ какой то вождь текинскій и повелъ за собой снова на орудія партію человѣкъ въ 800. Несмотря на сильный огонь батальоновъ и залпы двухъ орудій капитана Макухи, быстро уменьшавшаяся толпа приближалась, но въ 40 шагахъ не доходя батареи, изъ нея осталось не болѣе 50 человѣкъ. Еще залпъ и оставшіеся въ живыхъ 8 или 10 героевъ бросились на орудія и, вскочивъ на нихъ, стали рубить шашками по лафетамъ. Казаки артиллеристы легко съ ними управились. Вождь, поведшій текинцевъ на батарею, былъ самъ главнокомандующій — Берды-Мурадъ-Ханъ; онъ былъ разорванъ въ клочки снарядомъ послѣдняго залпа. Новыя толпы текинцевъ стали наступать; гренадеры, послѣ нѣсколь-залповъ, бросились на нихъ въ штыки.

На лѣвомъ флангѣ, вслѣдъ за отступленіемъ батальоновъ, часть текинцевъ, участвовавшихъ въ вылазкѣ, отдѣлилась и съ громкимъ крикомъ «урръ!» бросилась на два горныхъ орудія штабсъ-капитана Гантинова. Видя опасность, грозящую артиллеріи, капитанъ Шанаевъ ринулся съ своими драгунами, съ мѣста въ каррьеръ, на текинцевъ; къ нему присоединился командиръ ракетной батареи Цумпфортъ съ казаками, оставивъ станки на мѣстѣ.

Послѣдняя атака заслуживаетъ особаго вниманія. Драгуны, ничтожные числомъ, врубились въ толпу текинцевъ, рубили ихъ направо и налѣво и привели врага въ замѣшательство. Текинская пѣхота, обороняясь отъ кавалеріи, хватала нашихъ всадниковъ крючками пикъ и старалась свалить ихъ съ лошади. Тутъ особенно выдался есаулъ Граматинъ: храбрый, отважный, онъ наносилъ удары, которые на другой день уже сдѣлались легендарными въ отрядѣ. Такъ ударомъ сабли онъ срубилъ

одному текинскому вождю всю лицевую маску. Драгунскій унтеръ-офицеръ Алихановъ*), отдѣлившись отъ своихъ, врубился въ середину текинцевъ, нанося смертоносные удары; всѣ думали, что онъ не вернется болѣе, но, къ счастію, ему удалось пробиться къ своимъ живымъ и невредимымъ; между прочимъ, ударомъ шашки онъ разсѣкъ пополамъ, на двѣ части, голову одному текинцу. Лихая атака полуэскадрона драгунъ и горсти казаковъ принудила текинцевъ къ отступленію.

Послѣ этой аттаки, которой окончился рукопашный бой, текинцы, не будучи въ состояніи въ открытомъ полѣ выдерживать нашего огня, скрылись за стѣнами аула. Все поле сплошь было усѣяно ихъ трупами, одѣтыми въ темныхъ халатахъ, и среди нихъ, лишь изрѣдка, выдѣлялись бѣлыя рубашки убитыхъ русскихъ солдатъ; за то крѣпостные рвы были переполнены нашими.

До заката солнца продолжалось обстрѣливаніе крѣпости изъ орудій и поддерживался легкій ружейный огонь, на который слабо отвѣчали текинцы.

Въ 8 часу начали отводить войска отъ крѣпости на ночлегъ.

Этотъ отводъ былъ необходимъ не какъ отступленіе, но исключительно для ночлега. Нельзя было оставить войска ночевать такъ близко отъ крѣпости и въ такой растянутой линіи. Ночлегъ и мѣсто сбора были назначены у главнаго ручья, за мельницей, въ двухъ верстахъ на СЗ отъ крѣпости.

Между тѣмъ, части, расположенныя на восточной и южной сторонѣ крѣпости, не получая разъясненій и слыша, что пальба съ обѣихъ сторонъ прекратилась, были убѣждены,

*) Алихановъ былъ прежде майоромъ и состоялъ при Намѣстникѣ Кавказскомъ. Отличившись въ хивинскомъ походѣ, онъ возвращался на Кавказъ, какъ вдругъ у него вышло столкновеніе съ поручикомъ Б., результатомъ котораго послѣдовало разжалованіе обоихъ въ рядовые. Алихановъ солдатомъ отбылъ всю турецкую и текинскую кампаніи и только въ концѣ прошлаго года произведенъ былъ въ офицеры, заслуживъ передъ этимъ два георгіевскіе креста.

что наши вошли въ крѣпость. Разсказываютъ, что князь Витгенштейнъ, не получая приказаній и думая, что крѣпость взята, поѣхалъ по направленію къ ней, но неожиданные выстрѣлы изъ джугары дали ему понять, что крѣпость незанята; пославъ тотчасъ же казака къ князю Голицыну, стоявшему у калы (Д), онъ отступилъ вслѣдъ за удалявшимся отрядомъ.

Въ началѣ девятаго часа всѣ войска уже были въ сборѣ, запоздали лишь 4-й эскадронъ переяславскихъ драгунъ и 3-я сотня дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, вслѣдствіе того, что за дальностію ихъ мѣста стоянки къ концу боя (они стояли на южной сторонѣ крѣпости), ихъ не извѣстили своевременно объ отводѣ отряда на ночлегъ. Между тѣмъ, до ихъ прихода на бивакъ, весь отрядъ безпокоился сильно объ участи постигшей эти двѣ части. Изъ четырехъ казаковъ, посланныхъ за драгунами, двое вернулись, объявивъ, что не могли пробраться къ нимъ, третій же съ нахальной увѣренностію донесъ, что драгуны и дагестанцы уничтожены. Съ быстротою молніи вѣсть эта пролетѣла по всему отряду. Уныніе объяло всѣхъ. Трудно себѣ представить, какое подавляющее дѣйствіе произвело на отрядъ ложное показаніе казака.

Въ это время драгуны, не получая никакого извѣстія, были также убѣждены, что войска овладѣли крѣпостью. Наконецъ, въ 9 часовъ вечера, майоръ Нацваловъ рѣшилъ войти въ Геокъ-Тепе и послалъ для этого троихъ солдатъ розыскать удобную переправу черезъ главный арыкъ; едва они отдалились отъ своей части и приблизились нѣсколько къ джугарѣ, какъ оттуда посыпались выстрѣлы. Вдругъ прискакавшій внезапно казакъ, четвертый изъ посланныхъ, сообщилъ обо всемъ происшедшемъ и передалъ приказаніе князя Витгенштейна быстро отступить; тотчасъ же извѣстили объ этомъ и дагестанскую сотню. Положеніе этихъ частей было поистинѣ критическое: въ тылу врагъ, засѣвшій въ Янги-кала, а между ними и отрядомъ, Геокъ-Тепе со всею массой текинцевъ и, вдобавокъ, 12 верстъ разстоянія. Соединившись вмѣстѣ, драгуны и даге-

станцы подвинулись на востокъ и держась въ отдаленіи отъ крѣпости, быстро стали обходить ее на рысяхъ, несмотря на темноту и пресѣченную мѣстность. По дорогѣ ихъ изрѣдка обстрѣливали, то съ права, то съ лѣва. Отойдя на сѣверъ отъ Геокъ-Тепе, они сбились съ дороги. Повернувъ налѣво и выйдя на небольшую возвышенность, они вдругъ увидали немногочисленные огни нашего отряда. Подъѣзжая къ бивуаку, драгуны подали нѣсколько сигналовъ, которые и были услышаны въ нашей аванпостной цѣпи. Точно гора съ плечъ свалилась у всѣхъ; «драгуны вернулись», пронеслось по отряду, и все свободно вздохнуло... все оживилось.

ГЛАВА XVI.

Ночь послѣ боя. — Наши солдаты. — Перевязочней пунктъ. — Потери непріятеля. — Высылка семействъ изъ Геокъ-Тепе. — Сборы къ выступленію. — Было ли необходимо отступленіе? — Уныніе среди текинцевъ; совѣтъ; поздняя депутація. — Отступленіе отряда. — Убыль въ войскахъ за день боя. — Раненые. — Санитарный отрядъ и перевозочныя госпитальныя средства. — Положеніе раненыхъ, ѣхавшихъ на колесахъ и на верблюдахъ и шедшихъ пѣшкомъ.

Мѣстность, на которой расположился отрядъ, находившаяся въ двухъ или трехъ верстахъ на сѣверо-западъ отъ Геокъ-Тепе, была совершенно ровная; на восточной сторонѣ ея протекалъ ручей съ крутыми берегами; на юго-западѣ возвышались небольшие холмы, доходящіе до Геокъ-Тепе. Что касается порядка расположенія войскъ на бивуакѣ, то точныхъ свѣдѣній объ этомъ я не могъ получить. Да, впрочемъ, врядъ-ли кто и зналъ объ этомъ. Приблизительно же войска размѣстились въ слѣдующемъ порядкѣ: на восточной сторонѣ, противъ ручья, встала пѣхота и 4 горныхъ орудія; на южной—дагестанцы, драгуны и ракетная батарея; на западной — часть пѣхоты и полубатарея 20-й бригады; на сѣверной — казаки. Въ серединѣ расположился штабъ, санитарный отрядъ «Краснаго Креста» и весь обозъ.

Ночь темная, непроглядная... ни зги не видно въ десяти шагахъ. Не весела была эта ночь для русскаго солдата. Каждый изъ нихъ съ тяжелымъ чувствомъ на сердцѣ сознавалъ,

что, въ только что окончившемся кровавомъ бою, свято и честно исполнилъ свой долгъ, но не исполнилъ возложенной на него задачи. Нѣтъ сомнѣнія, что эта задача, возложенная на безукоризненнаго во всѣхъ отношеніяхъ русскаго солдата, была, при данныхъ условіяхъ, неисполнима, и ни одинъ честный человѣкъ не посмѣетъ свалить на него причину неудачи.

Во всѣхъ частяхъ царила глубокая тишина; огней не приказано было разводить. Тутъ поневолѣ приходилось удивляться нравственной силѣ русскаго солдата: не смотря на холодъ, пронизывавшій насквозь, не смотря на то, что они уже цѣлые сутки ничего не ѣли, никто изъ солдатъ не роптал на запрещеніе разводить костры, у которыхъ они могли бы и согрѣться (солдаты были въ кителяхъ) и сварить себѣ пищу, въ которой они такъ нуждались. Не смотря на страшную физическую и моральную усталость, послѣ столь продолжительнаго боя и безсонной ночи наканунѣ, ни одинъ солдатъ не смыкалъ глазъ въ эту ночь. Всѣ ждали ночнаго нападенія и всѣ ясно понимали, что если заснутъ, то не легко ихъ будетъ разбудить; всѣ сознавали, что при массѣ раненыхъ, при сравнительно большомъ обозѣ и страшной темнотѣ, необходимо было быть вполнѣ готовымъ, чтобы при первомъ приближеніи врага ударить дружно на него. На лицахъ солдатъ не видно было унынія, напротивъ, они выражали скорѣй досаду и озлобленіе. Не легко было на сердцѣ у солдатъ; и не удивительно: въ составъ батальоновъ вошли лучшіе люди полковъ, наиболѣе отличившихся въ турецкую войну. Каково было героямъ Карса и Аладжи, которыхъ тутъ присутствовало не мало — не трудно себѣ представить. Солдаты изрѣдка шопотомъ перекидывались фразами: «погоди, проклятый текинецъ, зададимъ тебѣ завтра ходу; небось, попросишь пардону... не дадимъ»...

Вотъ старый гренадеръ эриванецъ, въ образовавшейся около него кучкѣ солдатъ, уговариваетъ ихъ не давать пощады никому, какъ завтра возьмемъ крѣпость: «слышь, ребята, никого не щади, чтобы вѣкъ насъ помнили». Одинъ изъ молодыхъ солдатиковъ робко спросилъ: «неужто и дѣтей побивать».—«Всѣхъ

безъ изъятія, дѣтки то ихнія все равно выростутъ, бунтовать будутъ, такъ вали ребята за одно». Нѣтъ сомнѣнія, что у самаго же оратора не поднялась бы рука на ребенка, говорилъ же онъ это подъ впечатлѣніемъ минуты.

Изъ всѣхъ разговоровъ и толковъ между солдатами, ясно было видно, что всѣ они были убѣждены, что съ разсвѣтомъ мы снова встанемъ на вчерашнія позиціи и бой продолжится.

Между тѣмъ, изъ середины бивака всю ночь раздавались страшные стоны раненыхъ, перемѣшивавшіеся съ ревомъ верблюдовъ. Вокругъ нѣсколькихъ костровъ былъ раскинутъ перевязочный пунктъ. Во время боя и десятой части раненыхъ не успѣли перевязать. Доктора, фельдшера и санитары (сестеръ милосердія не было) работали, безъ устали, всю ночь на пролетъ, но ихъ было такъ мало, что къ утру многимъ еще раненымъ не была сдѣлана перевязка. Видъ этихъ страшныхъ человѣческихъ страданій, эти ужасные, во многихъ случаяхъ предсмертные, стоны производили потрясающее дѣйствіе.

Раненыхъ, одного за другимъ, подносятъ санитары. Вотъ наступаетъ очередь одного солдата, молча дожидавшагося ея; на мертвенно-блѣдномъ лицѣ его были написаны нечеловѣческія страданія. Когда его раздѣли, то глазамъ представилась ужасная рана: пулей изъ крѣпостнаго ружья ему раздробило ключицу и плечевую кость. За нимъ принесли эриванца, которому пуля ударила въ правую щеку, выбила нѣсколько верхнихъ зубовъ, оторвала конецъ языка и, раздробивъ лѣвую сторону нижней челюсти, вышла наружу. Несчастный не могъ даже стонать, а испускалъ какіе-то хриплые горловые звуки. За этимъ подносятъ все новыхъ и новыхъ. Стоны раненыхъ неслись съ перевязочнаго пункта вплоть до разсвѣта.

Ночь прошла спокойно. Непріятель и не думалъ нападать на насъ,—не до того ему было. Страшное опустошеніе произвелъ нашъ артиллерійскій и ружейный огонь въ ихъ рядахъ, у нихъ пало не менѣе 2,000 воиновъ. Но еще ужаснѣе была потеря среди семействъ текинцевъ; по показаніямъ

плѣнныхъ, до 3000 женщинъ, дѣтей и стариковъ пали невинной жертвой этого ужаснаго боя. Не смотря на удачное отбитіе штурма, которое вожаки текинскіе превратили въ страшное пораженіе русскихъ, не одинъ текинецъ проклиналъ этихъ самыхъ вожаковъ, накликавшихъ бѣду на все племя и бывшихъ всему виновниками.

Ожидая, что русскія войска съ разсвѣтомъ снова возобновять бой, текинцы рѣшили выслать изъ крѣпости свои семьи, имущество и стада и направить ихъ на Асхабатъ. Сборы тотчасъ же начались. Проходившіе въ 10 ч. вечера съ восточной стороны Геокъ-Тепе драгуны видѣли крѣпость залитую многочисленными огнями, причемъ изнутри ея раздавался шумъ и сильный ревъ верблюдовъ. Къ двумъ часамъ ночи текинскія семьи, подъ прикрытіемъ части пѣхоты, выступили изъ крѣпости.—Мы были убѣждены, что на слѣдующій день, вслѣдствіе отсутствія семействъ, стойкость текинцевъ уменьшилась бы на половину, такъ какъ они остались въ крѣпости, по всѣмъ вѣроятіямъ, лишь для того, чтобы задержать русскія войска и тѣмъ обезпечить отступленіе отряда, прикрывавшаго ихъ семьи и имущество.

Около 3-хъ часовъ утра начались у насъ сборы къ выступленію. До послѣдней минуты всѣ думали, что мы снова станемъ подъ стѣнами Геокъ-Тепе. Каково же было наше удивленіе, когда разнесся слухъ, что рѣшено отступить. Всѣ недовѣрчиво отнеслись къ этому слуху; въ концѣ концовъ рѣшили, что вѣрно насъ отведутъ къ ближайшему небольшому аулу (Егманъ-Батырь) и, оставивъ тамъ раненыхъ и вагенбургъ подъ прикрытіемъ части войскъ, дадутъ остальнымъ сварить обѣдъ и двинутъ снова на Геокъ-Тепе. Увы, слухъ былъ вѣренъ...

.

Было ли необходимо отступленіе?

Вопросъ этотъ задавали себѣ всѣ, но рѣшали его различно. Мнѣнія раздѣлились на двѣ части. Одни доказывали, что отступленіе необходимо: во-первыхъ, вслѣдствіе недостатка въ

провіантѣ, который долженъ былъ сдѣлаться весьма ощутителенъ *черезъ нѣсколько дней*; во-вторыхъ, вслѣдствіе большаго числа раненыхъ, находившихся у насъ на рукахъ, которыхъ необходимо было доставить въ безопасное мѣсто; въ третьихъ, въ виду упорнаго слуха о приближеніи на выручку Геокъ-Тепе изъ Асхабата Нуръ-Верды-Хана съ 6,000 текинцевъ и 6 орудіями, доставленными изъ Мерва; наконецъ, указывали на утомленіе войскъ. Другіе возражали, что занявъ снова прежнія позиціи и продолжая обстрѣливаніе крѣпости въ теченіе дня, мы бы несомнѣнно принудили текинцевъ къ сдачѣ ея; овладѣвъ же разъ крѣпостью, мы бы вполнѣ были обезпечены относительно провіанта и фуража, такъ какъ текинцы, сосредочившись въ Геокъ-Тепе, задолго до нашего прихода, имѣли большой запасъ того и другаго; съ семьями же они отправили только болѣе цѣнное имущество. Далѣе говорили, что во всякомъ случаѣ и раненымъ будетъ несравненно легче и полезнѣе оставатся спокойно на мѣстѣ и, хотя бы немного, подкрѣпить свои силы. Что же касается слуха о приближеніи Нуръ-Верды-Хана, то нѣтъ сомнѣнія, что нападеніе его на русскія войска, находящіяся подъ прикрытіемъ крѣпостныхъ стѣнъ, было бы отбито.

Всѣ разсужденія эти не имѣли бы мѣста, еслибъ мы могли знать то, что происходило въ непріятельской крѣпости. Послѣ отхода отъ стѣнъ ея нашихъ войскъ, страшное уныніе объяло текинцевъ при видѣ массы жертвъ нашего оружія, при видѣ страданій реneныхъ, стоны которыхъ оглашали воздухъ отовсюду; во всемъ аулѣ не было мѣста, гдѣ бы можно было укрытъся отъ нашихъ снарядовъ. Въ то время, когда Берды-Мурадъ-Ханъ впереди своихъ воиновъ дрался съ ненавистными ему гяурами,—русская граната, разорвавшись въ его кибиткѣ, положила на мѣстѣ его жену, двухъ дѣтей и оторвала голову, тутъ же находившемуся дядѣ его, Курбанъ-Хану, родному брату мервскаго Хана. Кибитки и проходы между ними были переполнены исковерканными трупами. Вечеромъ собрался совѣтъ старшинъ, подъ предсѣдательствомъ Оразъ-Мухамедъ-Хана, замѣс-

тившаго убитаго Берды-Мурадъ-Хана. Ишаны и вожди рѣшили послать въ русскій лагерь уполномоченныхъ съ изъявленіемъ полной покорности. Нѣсколько человѣкъ направились къ русскому биваку, но встрѣченные огнемъ передовой цѣпи, ничего не подозрѣвавшей объ ихъ миссіи, вынуждены были вернуться въ аулъ, чтобы съ разсвѣтомъ снова повторить свою попытку. И дѣйствительно, въ четыре часа утра они пришли на нашъ бивакъ, но нашли тамъ лишь кое-какія брошенныя вещи обоза, изъ котораго часть верблюдовъ разбѣжалась ночью и часть была взята подъ раненыхъ. Съ радостью поспѣшили они назадъ, извѣстить своихъ, что врагъ отступилъ. Къ сожалѣнію, мы узнали всѣ эти подробности лишь спустя нѣсколько дней послѣ боя.

Ровно въ три часа утра мы выступили съ мѣста ночлега.

Медленно сталъ подвигаться впередъ нашъ отрядъ. Войска шли, какъ на похоронахъ, шагъ за шагомъ. Съ мѣста ночлега мы направились на юго-западъ. Вотъ по лѣвую руку отъ насъ показалась мельница, взятая съ боя наканунѣ лихими дагестанцами; пройдя немного дальше, мы увидѣли вдали калу и за ней крѣпостныя стѣны западной стороны Геокъ-Тепе. Текинцы, не подозрѣвая о нашемъ отступленіи, сначала не показывались изъ крѣпости, а наблюдали за передвиженіемъ нашего отряда, для чего и выслали къ мельницѣ нѣсколькихъ джигитовъ, которыхъ мы видѣли, проходя мимо нея. Потомъ, узнавъ, что отрядъ совсѣмъ удаляется отъ крѣпости, вышли изъ нея густыми толпами и, занявъ холмы, любовались картиной нашего отступленія, несомнѣнно благословляя Аллаха за избавленіе отъ непріятныхъ гостей. Часть ихъ бросилась къ мѣсту ночлега, въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь.

Насколько была велика убыль въ войскахъ, этого въ первый день никто не могъ съ точностью опредѣлить. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ее страшно преувеличивали, и всѣ какъ-то охотно вѣрили всякимъ слухамъ. Лишь на третій день послѣ боя можно было навести болѣе точныя справки относительно этого. Огромныя потери понесли въ бою те-

кинцы — это правда, но зато и мы не мало потерпѣли; у насъ *убито*: 1 штабъ-офицеръ (маіоръ Сафоновъ) и 6 оберъ-офицеровъ (капитаны: Скорино и Яковлевъ; прапорщики: Бѣлбородовъ, Григорьевъ, Девель и Тышкевичъ. Девель и Яковлевъ умерли на перевязочномъ пунктѣ) и 170 нижнихъ чиновъ; *пропало безъ вѣсти*: 8 нижнихъ чиновъ; и *ранено*: 1 штабъ-офицеръ (майоръ Шауфусъ) 19 оберъ-офицеровъ и 248 нижнихъ чиновъ.

Незавидна была участь раненыхъ. Сколько ужасныхъ и, вдобавокъ, совершенно напрасныхъ страданій должны были они выносить за все время отступленія изъ текинскаго оазиса, изъ-за того только, что отрядъ былъ плохо обезпеченъ въ санитарномъ отношеніи. Не скоро забудутъ участники боя это отступленіе, тѣ же, которые, къ несчастію своему, были ранены, несомнѣнно — никогда его не забудутъ. При нашемъ отрядѣ находился санитарный отрядъ «Краснаго Креста», съ уполномоченнымъ г. Сараджевымъ; персоналъ отряда былъ очень невеликъ. Сестеръ милосердія не было ни одной, а какъ бы онѣ пригодились, какую помощь могли бы принести раненымъ!... Отсутствіе сестеръ милосердія при отрядѣ мы объясняли себѣ двумя причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что вслѣдствіе секретности, при которой подготовлялась ахалъ-текинская экспедиція, мало кто изъ сестеръ могъ знать объ ней, и во-вторыхъ, тѣмъ, что тѣ сестры, до которыхъ и доходили слухи объ экспедиціи, естественно, зная о небольшихъ размѣрахъ ея, могли предполагать, что необходимое число сестеръ милосердія имѣется уже при отрядѣ. Мнѣ приходилось слышать иное обьясненіе ихъ отсутствія, а именно: говорили, что причиной этому трудность похода и лишенія, которыя имъ приходилось бы претерпѣвать. Но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы только сестры милосердія знали, что въ нихъ нуждаются въ ахалъ-текинскомъ отрядѣ, то нашлись бы многія между ними, которыя безъ всякаго колебанія явились бы, какъ всегда, на помощь русскому солдату, готовыми перенести всевозможныя лишенія. Ихъ помощь была бы необходима и до начала военныхъ дѣйствій, такъ какъ госпитали чикишлярскій и чатскій и всѣ околодки были переполнены

страдающими диссентеріей, цынгой и другими болѣзнями. Взамѣнъ сестеръ милосердія были санитары,—остается пожалѣть, что и ихъ было очень мало. Санитары эти были все люди опытные, побывавшіе въ турецкой кампаніи и слѣдовательно хорошо знавшіе свое дѣло. Почти всѣ они принадлежали къ низшему сословію. Содержаніе наши санитары получали порядочное —70 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Надо имъ отдать справедливость, что еслибы они получали и 100 рублей въ мѣсяцъ, то и это было бы не много. Всѣми силами они старались принести побольше пользы; работали день и ночь; не знали ни минуты покоя. Но повторяю — ихъ было такъ мало, что при массѣ раненыхъ, ихъ помощь была едва замѣтна. Доктора и фельдшера,—и они трудились и работали немало, начиная отъ отряднаго старшаго врача, статскаго совѣтника Ромашевскаго, и кончая послѣднимъ фельдшеромъ.

Санитарный отрядъ имѣлъ всего на всего десять небольшихъ одноколокъ; въ каждую изъ нихъ могло вмѣститься четверо раненыхъ, причемъ никто изъ нихъ не могъ уже шевельнуться, чтобы не побезпокоить всѣхъ своихъ сотоварищей. Десять одноколокъ, въ каждой 4 мѣста, слѣдовательно 40 раненыхъ, и только, могли повезти онѣ. А раненыхъ было 248... Неужели тѣ, на обязанности которыхъ лежала забота объ обезпеченіи всего экспедиціоннаго отряда въ санитарномъ отношеніи, на случай всякихъ возможностей, полагали, что достаточно послать небольшой санитарный отрядъ (и то лишь для очищенія совѣсти); вѣроятно, по ихъ мнѣнію, ахалъ-текинскій экспедиціонный отрядъ, отправившись покорять неизвѣстную страну, почти неизвѣстнаго намъ народа, долженъ былъ вернуться назадъ, безъ раненыхъ и больныхъ, провозгласивъ лишь: «veni, vidi, vici»!..

Какія же были въ отрядѣ перевозочныя средства для раненыхъ, кромѣ вышепоименованныхъ одноколокъ «Краснаго Креста»? и были ли они?—Да, были, и вдобавокъ трехъ родовъ; во-первыхъ: 1 каруца, принадлежавшая дивизіону переяславскаго драгунскаго полка, вмѣщавшая въ себѣ не болѣе

8 человѣкъ (и то при искусной упаковкѣ раненыхъ, такъ какъ въ ней и шестерымъ тѣсно); вторымъ перевозочнымъ средствомъ, невыносимымъ для раненыхъ, служили спины и бока верблюдовъ, къ которымъ ихъ привязывали; третьимъ же— собственныя ноги раненыхъ.

И такъ, въ результатѣ выходитъ, что изъ числа 248 раненыхъ,—40 ѣхали на повозкахъ и 8 въ каруцѣ, остальные же размѣстились на верблюдахъ, или шли пѣшкомъ. Первыя двѣ категоріи были сравнительно въ хорошемъ положеніи; но все шло хорошо, пока двигались по ровной и гладкой мѣстности; тамъ же, гдѣ путь пролегалъ по усѣянной камнями и пересѣченной канавами мѣстности, раненымъ приходилось плохо. При каждомъ сильномъ толчкѣ они сталкивались другъ съ другомъ; нерѣдко отъ этихъ сотрясеній у раненаго сползала перевязка и рана открывалась, причемъ больной, до прибытія доктора или фельдшера, истекалъ кровью. Разъ я увидѣлъ каруцу, медленно подвигавшуюся впередъ; изъ боковаго отверстія ея высунулась по колѣно чья-то нога и мѣрно била тактъ о бокъ каруцы. Подъѣхавъ къ ней, я замѣтилъ шедшему рядомъ солдату, чтобы онъ поправилъ несчастному ногу. «Да ее, ваше благородіе, некуды сунуть».—Какъ некуда? возразилъ я удивленно и слѣзъ съ лошади. Подошелъ къ каруцѣ, заглянулъ въ нее. Боже мой, что тамъ дѣлалось! Туловища, руки, головы, ноги—все было перепутано. Въ первый моментъ я не могъ разглядѣть, что кому принадлежитъ. Солдатъ почти правду сказалъ, что висѣвшую ногу *некуда сунуть*. Несчастный хозяинъ ея лежалъ безъ чувствъ и мало заботился о ней. Умѣстивъ кое-какъ его ногу, я сѣлъ на лошадь и отъѣхалъ съ грустью отъ печальной колесницы.

Незавидно было положеніе этихъ раненыхъ, но за то положеніе ѣхавшихъ на верблюдахъ было еще ужаснѣе. Верблюдъ, какъ извѣстно, на ходу двигается иноходью, покачиваясь то въ одну, то въ другую сторону. Ѣзда на немъ въ высшей степени утомительна и для здороваго человѣка, особенно съ непривычки; какова же она была раненымъ, которые вдобавокъ

еще были привязаны веревками, протиравшими имъ ноги не трудно себѣ представить.

Раненые, какъ я сказалъ выше, привязаны были или къ спинамъ верблюдовъ, или же къ бокамъ ихъ, къ подставкамъ, приспособленнымъ для боченковъ съ водой. Вотъ идетъ мимо насъ верблюдъ; съ боку его привязанъ раненый солдатъ съ помертвелымъ лицомъ; слѣды запекшейся крови чернѣютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на рубашкѣ; онъ привязанъ въ сидячемъ положеніи къ подставкѣ. Мѣрно выступаетъ верблюдъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, раненый тоже покачивается всѣмъ тѣломъ; ударяется въ тактъ спиной о сѣдло и испускаетъ глухіе стоны· Ноги его висятъ на воздухѣ, сильно раскачиваясь. Давно уже несчастный ихъ не чувствуетъ, еще на первой верстѣ перехода онѣ у него совершенно затекли.— «Братцы, ослобоните, моченьки моей больше нѣтъ, лучше ужъ помереть». У проходившихъ солдатъ слезы навертывались на глазахъ, и они отворачивали въ сторону свои суровыя, загорѣвшія лица, чтобы не видѣть грустной картины. Нельзя было снять бѣднаго солдата съ верблюда, такъ какъ пѣшкомъ онъ не въ силахъ былъ идти, вслѣдствіе тяжелой раны въ животѣ, а въ одноколкахъ не было ни одного свободнаго мѣста. Это было на второмъ переходѣ отъ Геокъ-Тепе. Какъ я узналъ впослѣдствіе, несчастный солдатъ (фамилію его не припомню) спустя два дня скончался.

Болѣе легко раненые шли пѣшкомъ при своихъ частяхъ или же при обозѣ. Изнуренные, обезсилѣвшіе отъ потери крови, они еле двигали ногами. Сплошь да рядомъ, отставая понемногу, они въ концѣ концовъ попадали изъ авангарда колонны въ тылъ ея и перемѣшивались съ цѣпью стрѣлковъ, отгонявшихъ отъ отряда текинскихъ джигитовъ. Въ первые два дня отступленія, когда раненые не были еще разсортированы, многіе изъ нихъ съ болѣе серьезными ранами тащились пѣшкомъ. Между послѣдними были и офицеры. Такъ, напримѣръ, поручикъ лейбъ-гренадерскаго эриванскаго полка Ардишвилли два дня шелъ пѣшкомъ въ цѣпи аріергарда. Его рана весьма за-

мѣчательна: пуля ударила ему въ верхнюю часть правой руки прошла надъ лопаткой, задѣла слегка позвоночный столбъ прошла далѣе надъ лѣвой лопаткой и вышла наконецъ наружу. Вслѣдствіе этой раны, ему парализовало обѣ руки и страшно распухла спина (впослѣдствіи онъ снова сталъ владѣть руками). Къ концу втораго дня отступленія несчастный изнемогалъ. Къ счастію, ему дали лошадь, на которой онъ и поѣхалъ далѣе; лошадь его, разумѣется, вели въ поводу.

Нѣсколькихъ офицеровъ, наиболѣе тяжело раненыхъ солдаты несли на носилкахъ.

Печально, поистинѣ, было положеніе нашихъ раненыхъ! Днемъ жара и безконечно утомительный переходъ. Ночью — пронизывающій насквозь холодъ.

Но довольно о раненыхъ!

ГЛАВА XVII.

Порядокъ отступленія.—Медленность движенія.—Появленіе текинцевъ.—Перестрѣлка.—Охота за отстававшими животными.—„Бахча“.—Кара-Карызъ.—Похороны прапорщика Григорьева.— Ночь. — Смерть шпіона. — Послѣдній орудійный выстрѣлъ.—Кто были наши преслѣдователи?—Прикалываніе верблюдовъ.—Карызъ.—Расхищеніе барановъ. — Приходъ въ Дурунъ. — Козлятина.

Отойдя на западъ отъ Геокъ-Тепе, нашъ отрядъ двинулся далѣе въ слѣдующемъ порядкѣ: въ головѣ отряда шелъ батальонъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и два горныхъ орудія; тутъ же находился генералъ Ломакинъ, начальникъ пѣхоты генералъ-маіоръ графъ Борхъ, флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій, начальникъ штаба полковникъ Малама и весь штабъ; на правомъ флангѣ шли: сотня дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, два батальона пѣхоты и два орудія пѣшей полубатареи 20-й артиллерійской бригады; на лѣвомъ флангѣ: два батальона пѣхоты, сотня дагестанцевъ и два орудія той же полубатареи; въ тылу отряда шелъ батальонъ лейбъ-эриванскаго полка, два эскадрона переяславскихъ драгунъ, терская казачья полубатарея и два горныхъ орудія; при этой части отряда находился начальникъ кавалеріи свиты Его Императорскаго Величества генералъ-майоръ свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ. Въ серединѣ колонны шли санитарный отрядъ и весь нашъ обозъ.

Пройдя мимо аула Егманъ-Батыря, мы окончательно убѣдились въ томъ, что слухъ объ отступленіи дѣйствительно вѣренъ.

За этимъ ауломъ отрядъ повернулъ къ горамъ и мы двинулись далѣе вдоль самаго хребта. Это было сдѣлано для прикрытія нашего лѣваго фланга, чтобы непріятель не могъ окружить насъ и напасть со всѣхъ сторонъ.

Медленно отрядъ подвигался впередъ въ часъ дѣлали не болѣе двухъ верстъ. Каждыя пять, десять минутъ слѣдовала остановка, то по той, то по другой причинѣ. День былъ жаркій (градусовъ 30 по Реомюру) и солнце сильно припекало. Всѣхъ мучила жажда и голодъ. Сухари, выданные солдатамъ въ Яроджѣ, давно уже были съѣдены. Въ бутылкахъ, обшитыхъ войлокомъ, которыми наши кавалеристы запаслись еще въ Чекишлярѣ, предъ выступленіемъ въ походъ, и въ баклажкахъ пѣхотинцевъ не было ни капли воды. Люди, неѣвшіе и непившіе, голодные и жаждущіе, изнуренные боемъ и двумя безсонными ночами, шли вяло, понуря головы.

Между тѣмъ текинцы, убѣдившись совсѣмъ въ нашемъ отступленіи, сильно пріободрились; понемногу стали показываться у насъ въ тылу и на правомъ флангѣ джигиты, на своихъ превосходныхъ лошадяхъ. Слѣдомъ за ними появились небольшія конныя партіи, человѣкъ по десяти, по пятнадцати. Противъ нихъ была выслана цѣпь. Понемногу завязалась перестрѣлка. Выстрѣлы текинцевъ были, однако, безвредны для насъ, между тѣмъ какъ наши пѣхотинцы и драгуны, то тутъ, то тамъ, сбивали ихъ мѣткими выстрѣлами съ коней. Но вотъ показалась довольно густая масса непріятельской кавалеріи. Нашъ отрядъ остановился, цѣпь усилили. Позади эриванцевъ два горныхъ орудія снялись съ передковъ и стали наготовѣ выжидать удобнаго момента. Едва врагъ приблизился на орудійный выстрѣлъ, какъ раздался залпъ изъ орудій. Съ необычайнымъ интересомъ слѣдили всѣ за его результатомъ. Вотъ появились два облачка дыма надъ самой серединой непріятельской кавалеріи; еще моментъ, и гранаты разорвались. Нѣ-

сколько всадниковъ и лошадей повалились, остальные же во весь духъ разсыпались по всѣмъ сторонамъ, опасаясь повторенія этого непріятнаго сюрприза.

Тѣмъ не менѣе, немного опомнившись, они продолжали слѣдовать за нами, держась однако на приличной дистанціи и подбирая отстававшихъ верблюдовъ, барановъ и козловъ. Верблюдовъ, отказывавшихся вести на себѣ грузъ, у насъ развьючивали и бросали на произволъ судьбы; понемногу они начинали отставать и наконецъ выходили за цѣпь. Тутъ обыкновенно начинилась охота на нихъ. Верблюдъ, становившійся, вслѣдствіе изнеможенія, непригоднымъ для насъ, представлялся весьма заманчивымъ для каждаго текинца, ибо стоило дать такому верблюду недѣльный отдыхъ и покормить его, и онъ снова становился годнымъ и полезнымъ животнымъ. Конечно, между бросаемыми нами верблюдами были и совершенно негодные, вслѣдствіе сильныхъ и глубокихъ ранъ, протертыхъ на спинѣ сѣдлами. Но такъ или иначе, а лишь только появлялся за цѣпью верблюдъ, какъ тотчасъ же нѣсколько джигитовъ бросались къ нему, забывая опасность, и старались обогнать другъ друга, чтобы овладѣть добычей. Случилось разъ, что на одного изъ отставшихъ верблюдовъ бросились сразу четыре всадника. Подъ выстрѣлами нашей цѣпи они затѣяли споръ; по нимъ открыли сильный огонь, они же, въ пылу горячаго спора не обращали на ложившіеся вокругъ нихъ пули ни малѣйшаго вниманія. Пристрѣлявшіеся солдаты живо рѣшили споръ; трое изъ текинскихъ всадниковъ свалились подстрѣленные съ лошадей, четвертый же, болѣе счастливый, повелъ съ торжествомъ свою добычу. Сплошь да рядомъ приходилось видѣть, какъ какой-либо текинецъ, разохотившись на барана или даже козленка, платился за это жизнію. Одинъ ловкій джигитъ всѣхъ удивилъ своей неустрашимостью. Отдѣлившись отъ одной изъ партій, слѣдовавшихъ за отрядомъ, онъ понесся во весь опоръ прямо на нашу цѣпь. Вокругъ него стали ложиться пули, но онъ, невредимый, продолжалъ скакать впередъ. На триста шаговъ отъ нашей цѣпи онъ остановился и началъ стрѣлять.

Однимъ изъ его выстрѣловъ ранило лошадь сотника дагестанскаго полка. Но забава эта продолжалась не долго,—мѣткимъ выстрѣломъ изъ берданки уложилъ его на мѣстѣ, выдвинувшись за нашу цѣпь, портупей-юнкеръ эриванскаго полка Изюмовъ. Какъ снопъ свалился на земь бравый текинецъ, лошадь же его во весь опоръ прискакала къ намъ.

Отрядъ медленно подвигался вдоль Копетъ-Дага. Дорога шла по твердому глинистому грунту, покрытому рѣдкими, приземистыми кустиками верблюжьей колючки.

Мы двигались на небольшую калу Кара-Карызъ или Келете, принадлежавшую Нуръ-Верды-Хану. Взоры всего отряда были устремлены впередъ, каждому хотѣлось поскорѣй увидѣть мѣсто отдыха. Изъ-за пригорка показалась верхушка укрѣпленія и всѣ вздохнули свободнѣй. Черезъ 10 минутъ голова колонны была уже на пригоркѣ, и глазамъ ея представился небольшой аулъ съ раскинувшимися вокругъ полями джугары; впереди нея тянулась широкой полосой арбузная бахча. «Бахча»! пронеслось по отряду. Это магическое слово всѣхъ оживило, на всѣхъ лицахъ появилась довольная улыбка. Нѣсколько минутъ спустя, отрядъ расположился на бахчѣ. Первый посѣвъ арбузовъ и дынь былъ давно уже снятъ и во время нашего отступленія дозрѣвалъ уже вторичный посѣвъ. Несмотря однако на то, что арбузы и дыни были еще совсѣмъ незрѣлые, всѣ рѣшительно съ жадностью принялись за ихъ уничтоженіе, утоляя ими жажду и голодъ. Солдаты съѣли ихъ неимовѣрное количество; офицеры, высшіе и низшіе, также съ неменьшимъ аппетитомъ уписывали ихъ. Бѣдные солдатики, продолжавшіе въ цѣпи отстрѣливаться отъ назойливыхъ джигитовъ, съ завистью оглядывались на своихъ счастливыхъ сотоварищей. Но и объ нихъ не забыли; одинъ изъ батальоновъ, успѣвшихъ уже вдоволь насытиться арбузами и дынями, былъ посланъ въ цѣпь на смѣну имъ. Вскорѣ мы вошли въ аулъ. Первымъ дѣломъ было сдѣлано распоряженіе о немедленной вырубкѣ полей съ джугарой. Эскадронъ драгунъ живо исполнилъ эту работу; не прошло и $^3/_4$ часа. Между тѣмъ отрядъ распола-

гался на бивуакѣ. Укрѣпленіе было занято санитарнымъ отрядомъ «Краснаго Креста»; позади его расположился штабъ, а за нимъ полукругомъ казаки, ракетная сотня, дивизіонъ драгунъ, терская казачья полубатарея и двѣ сотни дагестанцевъ; впереди укрѣпленія расположилась вся пѣхота, пѣшая полубатарея и 4 горныхъ орудія.

Живо появились костры, началась варка обѣда. Солдаты кучами толпились вокругъ артельныхъ котловъ, съ нетерпѣніемъ ожидая его. Офицеры то и дѣло подгоняли съ обѣдомъ денщиковъ. И не удивительно, что всѣ такъ нетерпѣливо ждали пищи. Какъ поужинали 27-го въ 8 часовъ, такъ, до 29-го, 6 часовъ вечера, ничего не ѣли и не пили, кромѣ воды и малаго количества сухарей (выдавали въ день по одному фунту на человѣка); между тѣмъ моціонъ былъ за эти два дня слишкомъ хорошъ.

Баталіонъ лейбъ-эриванскаго полка былъ занятъ въ это время приготовленіями къ похоронамъ своего юнаго товарища, прапорщика Григорьева, погибшаго наканунѣ отъ 27 сабельныхъ ударовъ. Тѣло его, молодцы солдаты вынесли изъ огня, но не успѣли предать землѣ у Геокъ-Тепе и несли на носилкахъ до Кара Карыза. На похороны явились почти всѣ офицеры отряда, чтобы отдать послѣдній долгъ доблестно павшему сотоварищу. Изъ 13 офицеровъ эриванскаго батальона было налицо только 7, такъ какъ остальные 6 выбыли изъ строя въ предъидущемъ бою (изъ нихъ 2 убито, 3 ранено и 1 сильно контуженъ). Могила была вырыта около стѣны Кара-Карызской цитадели. Тѣло убитаго лежало поблизости. Вокругъ мѣста погребенія встали офицеры и солдаты; глубокая скорбь выражалась на всѣхъ лицахъ, у многихъ на глазахъ блистали слезы. Тяжело было смотрѣть на бѣднаго юношу, распростертаго передъ нами на землѣ. Три большіе шрама чернѣли на его блѣдномъ лицѣ; одинъ изъ нихъ начинался отъ средины лба, проходилъ черезъ правый глазъ и далѣе по щекѣ; другой шелъ по лѣвому виску, третій—поперегъ всего лица.

Явился отрядный священникъ и началось краткое отпѣваніе тѣла. «*Вѣчную память*» пропѣли всѣ стоявшіе вокругъ. Нѣкоторые офицеры и солдаты плакали... Кончилась панихида. Попрощавшись съ товарищемъ, офицеры понесли его къ могилѣ. Медленно опустили трупъ... Десять минутъ спустя, могила была уже зарыта и поверхность ея сравнена съ землей; изъ опасенія, чтобы текинцы не вырыли трупъ и не предали его поруганію, постарались скрыть всѣ слѣды. Не весело было на душѣ у каждаго, когда стали расходиться, по совершеніи печальнаго обряда. Миръ праху твоему, храбрый воинъ! Еще наканунѣ боя онъ опасался какъ бы не двинули на Геокъ-Тепе лишь одну колонну князя Долгорукаго.

Солнце скрылось за Копетъ-Дагомъ. Полчаса спустя, въ нѣсколькихъ шагахъ трудно было видѣть что нибудь. Заблестѣли костры по всѣмъ направленіямъ. Тишина царила повсюду. Лишь издали изъ лагеря лихихъ дагестанцевъ неслись до поздней ночи звуки *зурны* и пѣсни. Они неоплакивали своихъ павшихъ товарищей. Будучи всѣ магометанами, они твердо вѣрили въ предопредѣленіе судьбы.

Понемногу весь лагерь затихъ. Войска спали не раздѣваясь, въ полной боевой аммуниціи. Въ кавалеріи лошадей не разсѣдлывали, и солдаты спали держа ихъ въ поводу. Ночь была темная и довольно холодная. Аванпостную цѣпь усилили. Всѣ ждали ночнаго нападенія.

Ночь съ 29-го на 30-го августа прошла спокойно. Слухи, распространившіеся наканунѣ, о предполагаемомъ, со стороны текинцевъ, нападеніи, не оправдались. Изрѣдка, то тутъ, то тамъ, раздавались изъ цѣпи одиночные выстрѣлы. Среди глубокой ночи, въ аванпостной цѣпи, расположенной по восточной окраинѣ Кара-Карыза, произошелъ слѣдующій случай: какой то текинецъ задумалъ пройти черезъ нашу цѣпь и пробраться къ намъ въ лагерь. Съ кинжаломъ въ рукахъ поползъ онъ на четверенькахъ, и приблизился, такимъ образомъ, никѣмъ не замѣченный къ нашей цѣпи. Солдатъ, стоявшій въ цѣпи, примѣтилъ его лишь тогда, когда онъ былъ отъ него

не болѣе, какъ въ десяти шагахъ; притаивъ дыханіе, приготовился онъ къ встрѣчѣ врага. Между тѣмъ текинецъ подвигался прямо на него, думая, что въ темнотѣ часовой его не видитъ. Давъ подползти къ себѣ на два шага, солдатъ ловкимъ ударомъ штыка уложилъ текинца, въ то самое время, когда послѣдній, не считая нужнымъ болѣе скрываться, вскочилъ на ноги и занесъ уже на него кинжалъ.

За часъ до восхода солнца былъ высланъ 4-й эскадронъ переяславскихъ драгунъ, для обрекогносцированія ближайшихъ окрестностей лагеря. Полчаса спустя, раздалась сигнальная повѣстка. Въ нѣсколько минутъ весь лагерь оживился. Многочисленные костры запылали повсюду, начались сборы къ выступленію. Поднялся шумъ, говоръ, суетня; громко сталъ раздаваться ревъ верблюдовъ.

Но вотъ обозъ, наконецъ, навьюченъ; все готово къ выступленію. Отрядъ понемногу вытянулся и построился въ боевой порядокъ, какъ и наканунѣ. Генералъ Ломакинъ сталъ объѣзжать войска и, здороваясь съ частями, благодарилъ ихъ за доблестное поведеніе въ бою и за ихъ молодецкую службу. Жалко было смотрѣть на стараго воина; глубокіе слѣды оставило на его лицѣ нравственное потрясеніе, пережитое имъ въ два предыдущихъ дня. Сильно загорѣвшее лицо его осунулось и выражало глубокое горе.

Медленно сталъ подвигаться далѣе нашъ отрядъ; снова показались у насъ въ тылу текинскіе всадники. Цѣпь открыла огонь. Повременамъ виднѣлись вдали довольно сильныя партіи конныхъ текинцевъ. По одной изъ нихъ, приблизившейся къ намъ болѣе другихъ, былъ сдѣланъ орудійный выстрѣлъ. Это былъ послѣдій выстрѣлъ нашей артиллеріи въ кампанію этого года.

Кто были наши преслѣдователи? По доставленнымъ черезъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, мы узнали, что часть ихъ принадлежала къ жителямъ лежащихъ по нашей дорогѣ ауловъ, часть же были просто охотники до чужаго добра, слѣдовавшіе за нами съ единственнымъ желаніемъ и надеждой поживиться

чѣмъ нибудь на нашъ счетъ. Войско же текинское осталось въ Геокъ-Тепе и занялось похоронами своихъ убитыхъ. По показаніямъ лазутчиковъ, текинцы похоронили также и нашихъ солдатъ и офицеровъ, павшихъ подъ стѣнами крѣпости; по ихъ разсказамъ, текинцы, подбирая тѣла убитыхъ, нашли между ними двухъ русскихъ офицеровъ и до 30 солдатъ тяжелораненыхъ и тотчасъ же перенесли ихъ въ аулъ и размѣстили по кибиткамъ. Насколько это вѣрно, не ручаюсь; но во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что если дѣйствительно въ рукахъ текинцевъ и оказались плѣнные, то они постарались сберечь ихъ и залечить ихъ раны, чтобы впослѣдствіи съ выгодой вымѣнять ихъ нашему правительству или же продать въ рабство въ Мервъ или Афганистанъ.

Итакъ серьезнаго значенія преслѣдованіе текинцевъ не имѣло. Жители ауловъ, слѣдовавшіе за нами, держались вдалекѣ и лишь джигиты-мародеры безпокоили отрядъ. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, генералъ Ломакинъ приказалъ всѣхъ отстававшихъ верблюдовъ, барановъ и козловъ прикалывать. Это распоряженіе было вполнѣ цѣлесообразно. Отставали лишь тѣ животныя, которыя по той или другой причинѣ не въ силахъ были слѣдовать за отрядомъ, между тѣмъ текинцы, видя, что все рѣже и рѣже попадаетъ къ нимъ въ руки добыча, прекратили понемногу свое преслѣдованіе.

Пройдя около шестнадцати верстъ, нашъ отрядъ расположился на ночлегъ у ручья, близъ аула Карыза.

Карызъ—небольшой аулъ расположенный у самой подошвы Копетъ-Дага; этотъ аулъ былъ постоянной резиденціей Берды-Мурадъ-Хана, которому принадлежали здѣсь обширныя и плодородныя поля.

Лишь только части расположились на отведенныхъ имъ мѣстахъ, какъ тотчасъ же солдаты принялись за варку пищи. Солдатики воспользовались слабымъ присмотромъ за барантой (стадами) и, едва стемнѣло, стали таскать барана за бараномъ, тутъ же рѣзали ихъ и готовили себѣ, кто супъ, кто шашлыкъ. Такъ какъ количество барановъ было весьма не велико, то уже на

слѣдующій день стали раздавать въ части козловъ. Крупа, за исключеніемъ двухъ, трехъ частей, вся вышла у всѣхъ. Сухарей также было немного, выдавалось въ день по 1 фунту на человѣка.

Ночью въ исходѣ втораго часа раздался внезапно залпъ и пули засвистѣли и зашипѣли по всему лагерю. Оказалось, что по насъ стрѣляла конная партія текинцевъ, подкравшаяся къ нашему биваку, подъ прикрытіемъ темноты. Сперва цѣпь, а за тѣмъ и подоспѣвшія части пѣхоты, отогнали ее мѣткими залпами.

Утромъ, въ 11 часовъ, мы выступили далѣе и, отодвинувшись немного отъ горъ, пошли по направленію къ укрѣпленному аулу Дуруну. Переходъ былъ, при тѣхъ данныхъ, въ которыхъ находился нашъ отрядъ, довольно великъ; мы прошли около 20 верстъ и только передъ самымъ закатомъ солнца подошли къ аулу. Во время этого перехода, текинцы хотя и слѣдовали за нами, но держались на приличной дистанціи, такъ что лишь изрѣдка раздавались въ цѣпи одиночные выстрѣлы.

Почти совсѣмъ стемнѣло, когда войска расположились бивакомъ. Впервые разбили коновязи, однако лошадей не разсѣдлывали. Въ Дурунѣ барановъ нестало, и войска начали питаться козлятиной. Не говоря уже объ отвратительныхъ качествахъ козлятины, ея выдавали очень мало: на 100 человѣкъ было отпускаемо по 4 тощихъ козла.—Здѣсь мы встрѣтили двѣ сотни дагестанцевъ.

ГЛАВА XVIII.

Остановка въ Сунче. — Отведенiе текинцами воды. — Огни на горахъ. — Прибытiе почты. — Ночная перестрѣлка въ Арчманѣ. — Утомленiе раненыхъ. — Стычка. — Приходъ въ Беурму. — Первый отдыхъ раненымъ. — Намѣренiе укрѣпить Беурму и устроить склады.—Недостатокъ провiанта.— Голоданiе лошадей. — Конскiя галеты—лакомство для солдатъ. — Арбузные и дынные листья. — Появленiе текинскаго отряда и схватка съ нимъ. — Прибытiе колонны полковника Чижикова. — Допросъ плѣнныхъ.

Изъ Дуруна мы пошли по старой дорогѣ, по которой уже проходили, идя на Геокъ-Тепе. До слѣдующаго аула, Арчмана, было 30 верстъ, а потому генералъ Ломакинъ, въ виду общаго утомленiя солдатъ, остановилъ отрядъ на половинѣ пути, близь аула Сунче.

Приблизившись къ аулу, отрядъ расположился въ полуверстѣ отъ него, на берегу ручья. Часа два спустя пронеслась по отряду вѣсть, что текинцы отвели воду и въ ручьѣ ея больше нѣтъ. Между тѣмъ, лошадей только что собрались вести на водопой. Генералъ Ломакинъ тотчасъ же приказалъ полуэскадрону драгунъ и ротѣ саперъ двинуться въ горное ущелье и пустить воду, уничтоживъ загражденiе въ руслѣ ручья. Небольшой отрядъ этотъ, подъ начальствомъ прапорщика Лашкарева, быстро направился къ горамъ и вскорѣ скрылся въ ущельи. Часа чрезъ полтора послѣ ихъ ухода, въ ручьѣ показалась снова вода, къ которой съ жадностью всѣ и бросились. Тотчасъ же напоили лошадей и

наполнили водою все, что только можно было, какъ-то: бочки, бурдюки, баклажки, бутылки и пр.

Было уже совершенно темно, когда вернулся въ лагерь прапорщикъ Лашкаревъ съ своей командой исполнивъ такъ удачно и быстро данное ему порученіе. Немало препятствій преодолѣли переяславцы и саперы, прежде чѣмъ добрались до мѣста, у котораго текинцы отвели воду. Имъ пришлось карабкаться съ лошадьми по камнямъ, на довольно большую высоту; дойдя къ закату солнца до мѣста загражденія и уничтоживъ его, они должны были возвращаться при совершенной темнотѣ. Лошади поминутно обрывались и падали. Шли все время ощупью.

Часовъ около 11 вечера, вдругъ засвѣтились на одной изъ возвышенностей огоньки; сперва незначительное, число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Очевидно было, что текинцы умышленно развели массу костровъ, думая испугать насъ и разсчитывая, что мы, по числу костровъ, составимъ себѣ преувеличенное понятіе о ихъ числѣ и тотчасъ же будемъ продолжать наше отступленіе. Нечего и говорить, что разсчеты ихъ не оправдались и они обманулись въ своихъ надеждахъ, такъ какъ никто не подумалъ безпокоиться о появленіи костровъ Солдаты острили, что текинцы въ благодарность за то, что мы, по добру по здорову, уходимъ изъ ихъ страны, устроили намъ иллюминацію. «Слѣдъ бы поблагодарить текинца за ляминацію, да устроить ему ферверкъ, пустивъ по немъ съ полдюжины ракетъ», острилъ одинъ солдатикъ. — «Что намъ толку въ его ляминаціи; нечего задабривать. Я бы на него самого и его ляминацію плюнулъ бы изъ всѣхъ орудій шрапнелькой, вѣкъ бы помнилъ, какъ надъ нами тѣшиться», отвѣчалъ ему шутя другой солдатикъ. Вскорѣ понемногу стали исчезать огоньки на горѣ; все меньше и меньше становилось число ихъ и, наконецъ, возвышенность, на которой они виднѣлись, покрылась густымъ мракомъ. Въ то же время и у насъ исчезли огни костровъ и весь лагерь погрузился въ глубокій сонъ.

Въ Сунче, вскорѣ послѣ нашего прихода туда, прискакалъ туркменъ-почтальонъ, привезшій почту и приказъ намѣстника кавказскаго объ утвержденіи генерала Ломаки навременно командующимъ экспедиціоннымъ отрядомъ. Начались безконечныя толки и предположенія о томъ, кого назначатъ начальникомъ отряда. Вопросъ этотъ живо интересовалъ насъ, такъ какъ всѣ были увѣрены, что войска отступятъ до Бами, Бендесена или Хаджи-Кала и тамъ будутъ поджидать прибытія новаго начальника, транспортовъ съ провіантомъ и подкрѣпленій съ тыла, а вслѣдъ за симъ вторгнутся снова въ оазисъ. Большинство офицеровъ и солдатъ были увѣрены, что начальникомъ будетъ назначенъ или Скобелевъ или Тергукасовъ. «Супротивъ текинца, говорили солдаты, надо назначить важнаго енерала».

Съ разсвѣтомъ мы выступили съ мѣста ночлега и пошли по направленію къ аулу Арчману. За весь переходъ этотъ текинцы насъ не безпокоили, но отрядъ тѣмъ не менѣе шелъ въ боевомъ порядкѣ, имѣя небольшіе разъѣзды по всѣмъ направленіямъ. Несмотря на то, что переходъ былъ только въ пятнадцать верстъ, всѣ были утомлены, подойдя къ Арчману, такъ какъ день былъ очень жаркій и солнце жгло немилосердно.

Вечеромъ на близлежащихъ холмахъ появились текинцы и завязали съ аванпостной цѣпью перестрѣлку, продолжавшуюся, съ перерывами, почти всю ночь.

3 сентября, задолго до восхода солнца, весь лагерь былъ уже на ногахъ. Предстоялъ большой переходъ, въ 26 верстъ; конечно, при другихъ обстоятельствахъ никто бы и не думалъ о немъ, но для нашего отряда переходъ въ 26 верстъ, былъ весьма труденъ. Не говоря уже о большомъ числѣ раненыхъ, слѣдовавшихъ съ отрядомъ, для которыхъ и десятиверстный переходъ казался невыносимо тяжелымъ, всѣ люди, лошади и верблюды были сильно изнурены походомъ и недостаткомъ въ пищѣ. За предъидущіе переходы, многіе изъ раненыхъ, шедшихъ, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ при отрядѣ, пѣшкомъ, окончательно выбились изъ силъ и были не въ состояніи слѣ-

довать далѣе; такихъ несчастныхъ было довольно большое число. Артиллеристы явились имъ на помощь и попривязывали ихъ къ лафетамъ и къ зряднымъ ящикамъ, гдѣ только возможно было. Странное зрѣлище представляли эти орудія, съ привѣшенными къ нимъ человѣческими тѣлами.

Едва отрядъ сталъ выступать съ мѣста ночлега, какъ вдали, со стороны аула Нухура, показалась довольно большая партія текинцевъ, направлявшаяся прямо на насъ. Противъ нея немедленно былъ высланъ князь Витгенштейнъ съ двумя сотнями дагестанцевъ и ракетной батареей. Отрядъ остановился. На правый флангъ, въ тылу, былъ выдвинутъ дивизіонъ переяславскихъ драгунъ, такъ какъ въ то же время и противъ этой стороны стали появляться разъѣзды текинской кавалеріи. Между тѣмъ лихо понеслась дагестанская сотня навстрѣчу врагу, за ней на рысяхъ шли остальныя двѣ части. Подойдя на ружейный выстрѣлъ, они открыли частый огонь; подоспѣвшая ракетная батарея, подъ командой капитана Цумпфорта, пустила нѣсколько ракетъ, которыя и разорвались въ густой толпѣ текинцевъ. Непріятель не выдержалъ и обратился въ бѣгство, преслѣдуемый дагестанцами вплоть до самаго ущелья.

Какъ только князь Витгенштейнъ вернулся обратно, отрядъ тотчасъ же двинулся въ путь, по направленію къ аулу Беурмѣ. Не стану описывать этого перехода; онъ былъ похожъ на всѣ предъидущіе. Мѣстность такая же; та же ровная глинистая почва, кое-гдѣ перерѣзываемая горными ручьями, тотъ же, по лѣвую руку, подымающійся къ небесамъ, отвѣсной стѣной скалистый Копетъ-Дагъ, а по правую—безконечная равнина. Страданія раненыхъ — такія же, какъ и въ предыдущіе дни; тѣ же стоны раздаются отовсюду и болѣзненно отзываются у всякаго на сердцѣ. Однимъ лишь отличался этотъ переходъ отъ другихъ—ни одного текинца не видно было въ тылу стряда. Убѣдившись, что ни одно живое существо къ нимъ въ руки больше не попадаетъ, такъ какъ солдаты усердно прикалывали отстававшихъ верблюдовъ и другихъ животныхъ, они прекра-

тили слѣдованіе за отрядомъ и вернулись назадъ. Передъ самымъ закатомъ солнца мы вступили въ Беурму.

Придя въ этотъ аулъ, отрядъ былъ размѣщенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: внутри крѣпости расположился санитарный отрядъ съ ранеными; около южной стѣны ея расположился штабъ. Съ восточной стороны аула стала пѣхоота, пѣшая и горная полубатарея; съ сѣверной дагестанцы; съ западной драгуны, ракетная сотня и терская полубатарея; съ южной двѣ сотни казаковъ; обозъ же разобрали по частямъ. Расположившись по мѣстамъ, мы узнали, что на завтра назначена дневка... и всѣ обрадовались. Отдыхъ былъ такъ необходимъ.

Первая ночь въ аулѣ Беурма прошла совершенно спокойно. Ни одного выстрѣла не раздалось изъ нашей аванпостной цѣпи и секретовъ, и мы думали, что больше ужъ не увидимъ текинцевъ. Съ разсвѣтомъ былъ высланъ на рекогносцировку окрестностей лагеря дежурный полуэскадронъ драгунъ, который, объѣхавъ ихъ, нигдѣ не замѣтилъ ни малѣйшаго присутствія непріятелей.

Впервые, со времени геокъ-текинскаго боя, провели спокойно ночь наши раненые. Несчастныхъ мучениковъ, впервые, не подняли на ноги въ 4 часа утра и не потревожили ихъ утренняго сна. За послѣдніе дни у многихъ изъ нихъ развилась лихорадка, которая увеличилась вслѣдствіе холодныхъ ночей. Раненые спали подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ, прикрываясь своими потертыми и износившимися за походъ шинелишками. Бывало уснетъ раненый, укутавшись съ головой и скорчившись насколько возможно; пока засыпаетъ — ему хорошо. А заснетъ, такъ тотчасъ же, будучи въ жару отъ донимающей его лихорадки, раскинется, сброситъ съ себя шинель и спитъ, пронизываемый насквозь холодомъ; но уставши и выбившись изъ силъ за весь день, онъ не чувствуетъ ни холоду, ни боли отъ ранъ, а спитъ непробуднымъ сномъ, пока его не разбудятъ для новыхъ мученій—для новаго перехода. Тутъ за то со всей силой давалъ себя знать холодъ, усиливавшійся къ разсвѣту. Проснется раненый, дикимъ взоромъ оки-

нетъ вокругъ себя и, повидимому, долго не можетъ понять гдѣ онъ, и что съ нимъ; глаза его блуждаютъ, смотрятъ, ничего не замѣчая, и сильно блестятъ отъ лихорадки. Мертвенно блѣдное лицо его посинѣло отъ холода, губы побѣлѣли, ноги и руки окоченѣли. «Да ну же, поварачивайся, прикрикнетъ на него обозный солдатикъ, верблюдъ и то ужъ давно ждетъ; не тебя одного надо нагрузить». Поднимется съ трудомъ раненый и, шатаясь, безотчетно направится къ верблюду, который уже стоитъ на колѣняхъ, готовый принять свой печальный грузъ.

Между тѣмъ, въ Беурмѣ раненыхъ размѣстили въ палаткахъ (разбитыхъ въ виду дневки) и впервые они хорошо могли выспаться, никѣмъ не потревоженные. Но кромѣ раненыхъ и весь отрядъ провелъ эту ночь хорошо: разрѣшено было спать безъ аммуниціи; въ кавалеріи же, кромѣ того, разбить коновязи и разсѣдлать половину лошадей.

Утромъ мы узнали о намѣреніи генерала Ломакина остановить отрядъ въ Беурмѣ, чтобы, укрѣпивъ ее, устроить въ ней большой провіантскій и артиллерійскій складъ и оставить тутъ большую часть отряда на зиму. Мысль, несомнѣнно, хорошая. Всѣмъ ясно было, что дабы господствовать надъ текинскимъ оазисомъ, необходимо было занять какой-либо пунктъ, хорошенько укрѣпить его и оставить въ немъ сильный гарнизонъ, который служилъ-бы грозой для текинцевъ. Но въ данномъ случаѣ, какъ-то не вѣрилось въ возможность приведенія въ исполненіе этого плана. Положеніе было поистинѣ критическое. Люди всѣ обезсилѣли отъ безкормицы; въ частяхъ выдавали уже по $^1/_2$ фунту сухарей въ день и по небольшому куску козлятины; сухарей въ частяхъ имѣлся запасъ, гдѣ на два, гдѣ на три дня; стадо козловъ, прокармливавшее отрядъ, также было на исходѣ. Правда, на бахчахъ были еще дыни, уцѣлѣвшія послѣ перваго пребыванія русскихъ въ Беурмѣ, но и въ тѣхъ, къ концу втораго дня нашего пребыванія въ этомъ аулѣ оказался недостатокъ. На третій день утромъ уже не было ихъ у солдатъ. Съ трудомъ можно было пріобрѣсти лишь ихъ

у туркменъ-верблюдчиковъ, платя по 10, 15 копѣекъ за штуку. Положеніе лошадей было еще хуже; до сихъ поръ мы кое-какъ перебивались, кормя лошадей саманомъ и давая имъ понемногу ячменю; но послѣдняго хватило только до Беурмы. Саману мы нашли здѣсь очень мало, такъ какъ запасъ его зарытый текинцами въ разныхъ мѣстахъ аула, былъ почти весь уничтоженъ при нашемъ проходѣ на Геокъ-Тепе; небольшое количество его, оставшееся, ко дню нашего возвращенія, въ Беурму, было тотъ-же часъ разобрано по частямъ и немедленно уничтожено лошадьми. Оставался у насъ еще небольшой запасъ лошадиныхъ галетъ турецкаго производства. Эти галеты находились въ Карсѣ и послѣ взятія этой крѣпости были перевезены въ разные интендантскіе склады Кавказа и часть ихъ, между прочимъ, послѣ сформированія ахалъ-текинскаго отряда, была прислана въ Чекишляръ, для прокормленія лошадей. Любопытнѣй всего то, что, вмѣсто лошадей, поѣли всѣ галеты наши, неразборчивые въ пищѣ, солдатики. На первый взглядъ это покажется, конечно, невѣроятнымъ; между тѣмъ это такъ и было. Надо сказать, что галеты эти на видъ очень похожи на туркменскіе чуреки (плоскіе ржаные хлѣбцы) и несравненно аппетитнѣе солдатскихъ сухарей; въ составъ ихъ входятъ отруби, сѣно, мука нисшаго достоинства въ незначительномъ количествѣ и выжимки коноплянаго масла; послѣдніе придаютъ галетѣ особый вкусъ, заглушающій всѣ прочіе элементы ея. Не смотря на все это, солдаты, положительно, предпочитали галеты своимъ сухарямъ и считали ихъ за лакомство. «Какъ вы можете ѣсть такую гадость, вѣдь это же лошадиныя галеты» замѣтилъ я нѣсколькимъ солдатикамъ, съ аппетитомъ уничтожавшимъ только-что полученныя на лошадей порціи галетъ.— Да ваше благородіе, вѣдь они только называются лошадиными, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, вѣдь они на маслицѣ, а сухари-то наши, что?—только на водѣ. Они, вѣрно говорю, много скуснѣе... А вотъ откушайте, ваше благородіе маленькій кусочекъ— останетесь довольны». Пока пищи было вдоволь, солдаты взамѣнъ галетъ давали лошадямъ часть получаемыхъ сухарей;

когда-же въ Беурмѣ выдали въ послѣдній разъ по два фунта галетъ на лошадь, то солдаты ихъ съѣли, удѣливъ лишь малую долю лошадямъ. Лошади сильно отощали и похудѣли до невозможности. Въ виду оказавшагося, недостатка въ фуражѣ приказано было скосить бахчи и кормить ихъ листьями арбузными и дынными. Лошади съ жадностью стали пожирать этотъ импровизированный кормъ, благодаря которому въ послѣдующіе дни не одна изъ нихъ поплатилась жизнію. — Итакъ получалось въ итогѣ слѣдующее: люди питаются, главнымъ образомъ, незрѣлыми дынями, лошади—дынными листьями, несчастные же верблюды, прогуливаясь по оголеннымъ дыннымъ бахчамъ, питаются превосходнымъ и чистымъ воздухомъ... Не удивительно, что въ виду вышесказаннаго, всѣ недовѣрчиво отнеслись къ возможности зимовки въ Беурмѣ и всѣ понимали, что вмѣсто артиллерійскихъ и провіантскихъ складовъ, при болѣе продолжительномъ пребываніи въ аулѣ, мы устроимъ лишь огромный складъ лошадиныхъ и верблюжьихъ костей.

Такъ или иначе, но, пока, мы всѣ были довольны, что проводимъ этотъ день на дневкѣ и отдыхаемъ. Но и тутъ не сужно было не долго наслаждаться отдыхомъ.—Около полудня замѣтили позади одного изъ холмовъ, лежащихъ у самого Копетъ-Дага на юго-востокъ отъ нашего лагеря, небольшое облачко пыли; вскорѣ показался отрядъ текинскихъ всадниковъ человѣкъ въ 700. Все закопошилось въ нашемъ лагерѣ. Тотчасъ же послали на встрѣчу врагу ракетную батарею, эскадронъ переяславскихъ драгунъ и двѣ сотни дагестанцевъ. Четверть часа спустя загорѣлась горячая перестрѣлка. Зашипѣли ракеты—и текинцы, какъ и подъ Арчманомъ, не выдержали и обратились вспять. Дагестанцы понеслись за ними, нагнали и успѣли еще нѣсколькихъ текинцевъ изрубить и четверыхъ захватили въ плѣнъ.

Вскорѣ по возвращеніи этихъ частей въ лагерь, вдали съ западной стороны Беурмы показалось новое облако пыли. Мы думали ужъ, что текинцы обошли насъ; но высланные нѣсколько небольшихъ разъѣздовъ вернулись и донесли, что къ намъ идетъ колонна полковника Чижикова. Полчаса

послѣ этого къ нашему отряду присоединилось пять ротъ пѣхоты апшеронскаго полка, пришедшихъ изъ Бендесенъ. Жаль, что они пришли слишкомъ поздно. Подъ Геокъ-Тепе, при малочисленности отряда, помощь лишнихъ 600—700 человѣкъ (апшеронцевъ и дагестанцевъ, присоединившихся къ намъ въ Дурунѣ), могла бы намъ очень пригодиться; теперь же колонна эта была только излишней обузой для отряда.

Послѣ обѣда я увидѣлъ на холмѣ, около крѣпостной стѣны, гдѣ расположился штабъ, тѣсную кучку офицеровъ, кого-то окружившихъ. Направившись туда, я узналъ, что по порученію генерала Ломакина нашъ отрядный переводчикъ, штабсъ-капитанъ Ягубовъ, производитъ допросъ плѣнныхъ текинцевъ, захваченныхъ въ утренней стычкѣ. По ихъ показаніямъ, въ отрядѣ текинцевъ было 750 человѣкъ и отрядъ этотъ шелъ за нами изъ Геокъ-Тепе, по дорогѣ же къ нему присоединились всадники изъ ауловъ Арчмана и Нухура; далѣе отъ нихъ мы узнали, что Нуръ-Верды-Ханъ, надъ трупомъ своего сына, убитаго осколкомъ гранаты, поклялся жестоко отомстить русскимъ, и что онъ выступилъ уже изъ Геокъ-Тепе и слѣдуетъ за нами. Плѣнные текинцы вели себя съ большимъ достоинствомъ, но отвѣчали на всѣ задаваемые вопросы уклончиво, оправдываясь незнаніемъ.

ГЛАВА XIX.

Отправленіе плѣнпаговъ Геокъ-Тепе съ прокламаціей:—Присоедипеніе колонны полковника Навроцкаго. — Голодъ. — Отосланіе верблюдовъ въ Бендесенъ. — Внезапное выступленіе изъ Беурмы. — Затруднительное положеніе частей. — Помощь драгунъ. — Послѣдняя бахча. — Извѣстіе о назначеніи новаго начальника отряда. —Послѣдняя ночь въ оазисѣ. — Снова на перевалѣ. — Слухи о намѣреніяхъ непріятеля. — Привалъ у источниковъ. — Новая дорога. — Послѣдній взглядъ на Ахалъ. — Возращеніе въ Бендесенъ

По предложенію начальника штаба полковника Маламы, рѣшено было послать немедленно въ Геокъ-Тепе прокламацію съ предложеніемъ текинцамъ покориться; имъ выставлялось на видъ, что если они не покорятся, то въ будущемъ году снова придутъ русскія войска въ большемъ числѣ, и покорятъ ихъ. Все это было изложено письменно и отправлено съ однимъ изъ плѣнныхъ, захваченныхъ утромъ, которому было объявлено, что если онъ по прошествіи недѣли не вернется съ отвѣтомъ, то три оставшіеся у насъ товарища его будутъ разстрѣляны. Текинецъ поклялся, что исполнитъ въ точности данное ему порученіе и вернется какъ можно скорѣе съ отвѣтомъ. И дѣйствительно онъ честно исполнилъ свою задачу и сдержалъ слово. Не побоялся онъ плѣна, разлучавшаго его съ семьей и родиной, быть можетъ на вѣки, и вернулся черезъ четыре дня въ нашъ отрядъ, лишь бы спасти отъ неминуемой смерти своихъ товарищей и сдержать разъ данное слово. Къ сожалѣнію, я забылъ имя этого благороднаго воина.

Печаленъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ отвѣтъ, полученный отъ текинскихъ хановъ и старшинъ. Нашъ посланный встрѣтилъ войска текинскія за два перехода до Геокъ-Тепе и передалъ имъ нашу пресловутую прокламацію. Отвѣтъ былъ коротокъ: «Передай генералу, что Теке покорится только силѣ». Отвѣту этому мы ничуть не удивились, такъ какъ всѣ, кто только зналъ о существованіи этой миссіи, предсказывали ей полнѣйшую неудачу. Не таковъ народъ текинцы, чтобы покориться доброму слову; да и найдется-ли гдѣ либо такой народъ, который добровольно отказался бы отъ своей свободы и самостоятельности и далъ бы себя угововорить къ подобному шагу.

Въ тотъ же день къ вечеру пришла въ Беурму колонна полковника Навроцкаго, состоявшая изъ двухъ сотень лабинскаго казачьяго полка и взвода ракетной батареи. Отрядъ этотъ ходилъ въ кочевья акъ аттабаевцевъ и заходилъ въ Кизилъ-Арватъ, Каракалы и другіе аулы. Всюду встрѣчали ихъ дружественно и жители, при приближеніи отряда къ аулу, высылали на встрѣчу депутаціи. Особенно радушный пріемъ они встрѣтили въ Каракалахъ, жители котораго угостили, чѣмъ могли, нашихъ казаковъ и снабдили баранами и фуражемъ.

Между тѣмъ отряду сталъ серьезно угрожать голодъ. Къ концу дня бахчи были совершенно уничтожены; у лошадей открылся сильный поносъ, отъ котораго нѣкоторыя изъ нихъ пали къ вечеру. Нечѣмъ было лечить ихъ.

Поздно вечеромъ получено было въ частяхъ приказаніе выслать лучшихъ верблюдовъ, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, въ Бендесенъ. Рѣшено было, несмотря на все, зимовать въ Беурмѣ, и вотъ, собранныхъ со всѣхъ частей верблюдовъ въ количествѣ 500, послали на другой день въ 6 часовъ утра въ Бендесенъ за вещами, оставленными тамъ отрядомъ, передъ вступленіемъ его въ оазисъ. Съ верблюдами отправилось прикрытіе, состоявшее изъ батальона куринцевъ, сотни

волжскаго полка и двухъ горныхъ орудій, подъ общимъ начальствомъ майора Дацоева.

Транспортъ долженъ былъ пройти напрямикъ, оставивъ въ сторонѣ аулъ Бами, до Бендесенскаго перевала и въ тотъ же день дойти до Бендесена; давъ 7 числа дневку верблюдамъ, 8 числа долженъ былъ выступить обратно и въ тотъ же день къ вечеру придти въ Беурму. Ничего особеннаго мы не ждали отъ этого транспорта, всѣ знали, что онъ, не доставитъ отряду именно того, въ чемъ онъ такъ сильно нуждался—провіанту и фуражу. Ближайшій складъ того и другаго находился въ Дузъ-Олумѣ, въ 130 верстахъ отъ Беурмы. Въ промежуточныхъ пунктахъ провіанту нигдѣ не было; фуражъ же (одно лишь сѣно въ количествѣ 3.000 пуд.) имѣлся въ Теръ-Саханѣ. Такъ что транспортъ могъ доставить лишь палатки кавалеріи, громоздкія вещи частей, солдатскіе чемоданчики и т. п., провіанту же—запасъ дня на два или на три. Все это не могло много помочь и всѣ ясно понимали, что прійдется волей неволей покинуть Беурму.

Часу въ девятомъ всѣ были поражены приказомъ, котораго мы, поистинѣ, меньше всего ожидали—предписывалось частямъ быть готовыми къ 12 часамъ дня къ выступленію. Какъ? Что? Почему? Что за причина? раздавались отовсюду восклицанія, Никто не могъ понять, съ какой стати выслали въ 6 часовъ утра порожнемъ лучшихъ верблюдовъ, а въ 12 часовъ предписывается отряду выступить. Между тѣмъ немедленное отступленіе было дѣйствительно необходимо. Около 8 часовъ утра были получены почти одновременно два извѣстія: съ одной стороны лазутчики донесли, что Нуръ-Верды-Ханъ быстро приближается къ намъ съ пятнадцатью тысячами всадниковъ и артиллеріей, находится уже около Арчмана и намѣревается отрѣзать намъ путь отступленія, занявъ Бендесенскій перевалъ; съ другой стороны получено было донесеніе объ открывшемся у насъ въ тылу падежѣ верблюдовъ. Займи текинцы перевалъ — врядъ-ли кто изъ насъ вернулся бы.

Поднялась по всему лагерю суматоха... Нѣкоторыя части повысылали почти всѣхъ своихъ верблюдовъ и теперь не на чѣмъ было везти обозъ. «Красный Крестъ» былъ въ такомъ же положенiи относительно раненыхъ. Г. Сараджевъ ломалъ въ отчаянiи руки и всѣмъ сообщалъ, что ему необходимо достать 42 верблюдовъ, чтобы поднять всѣхъ раненыхъ. Онъ обошелъ всѣ части, выпрашивая верблюдовъ, и съ большимъ трудомъ удалось ему прiобрѣсти лишь 6 головъ. Стрѣлки въ свою очередь тщетно искали ихъ, говоря, что имъ, пожалуй, придется оставить всѣ палатки, палласы и т. п., такъ какъ верблюдовъ у нихъ едва хватитъ на патронные ящики и боченки для воды.

Тутъ на выручку отряду явился командиръ дивизiона переяславскихъ драгунъ, подполковникъ Нуджевскiй. Такъ какъ драгуны не оставили въ Бендесенахъ ни провiанта, ни фуража, а лишь палатки, сѣдельные чемоданчики и т. п., то когда былъ полученъ приказъ о посылкѣ верблюдовъ, подполковникъ счелъ излишнимъ посылать своихъ, предвидя дальнѣйшее отступленiе и не желая обременять излишнимъ грузомъ дивизiонъ; обратившись въ штабъ, онъ получилъ на это разрѣшенiе, и такимъ образомъ въ дивизiонѣ всѣ верблюды были налицо. Число ихъ простиралось до 170; между тѣмъ, такъ какъ весь фуражъ и провiантъ драгунъ были уже уничтожены (оставшееся небольшое количество втораго было роздано людямъ на руки), то для подъема остальныхъ тяжестей довольно было и 40 верблюдовъ. Произведя разсчетъ необходимаго для дивизiона числа, подп. Нуджевскiй донесъ въ штабъ, что онъ можетъ уступить разнымъ частямъ 132 верблюдовъ. Первымъ дѣломъ снабдили ими санитарный отрядъ, который и получилъ недостававшее ему число, т. е. 36 головъ. Остальныхъ верблюдовъ тотчасъ же, чуть не съ боя, разобрали, попреимуществу, пѣхотныя части.

Въ часъ пополудни отрядъ, понемногу, выступилъ изъ Беурмы, направляясь на аулъ Бами. Переходъ былъ не великъ, всего одинадцать верстъ, а потому люди, немного от-

дохнувшіе за два предыдущіе дня, шли довольно бодро; зато бѣдныя наши лошади совершенно ослабѣли, стоило слегка опустить поводъ и лошадь тотчасъ же спотыкалась и падала на колѣни; онѣ еле-еле двигали ногами.

Въ пятомъ часу пополудни мы подошли къ Бами. Отрядъ остановился на полчаса и людямъ приказано было накосить арбузныхъ и дынныхъ листьевъ для лошадей. Разумѣется, какъ солдаты, такъ и офицеры, не преминули поѣсть досыта произведеній бахчи. Къ сожалѣнію, дыни были настолько незрѣлы, что не превышали величиной обыкновенный большой огурецъ; офицеры очищали ихъ ножикомъ, тонко срѣзывая корку, солдаты же поѣдали ихъ цѣликомъ. Всѣ знали, что больше ужъ не встрѣтятъ на пути, вплоть до самаго Чекишляра, ни одной бахчи.

По окончаніи этой операціи, отрядъ отошелъ на двѣ версты къ югу и расположился у входа въ Козлинское ущелье, по обѣимъ сторонамъ ручья. Мѣсто, на которомъ расположились войска, было сплошь покрыто камнями, такъ что, когда совершенно стемнѣло, то нельзя было сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, чтобы не споткнуться. Какъ разъ по срединѣ бивака на берегу ручья находилась мельница, построенная изъ камней съ глиной; около мельницы былъ раскинутъ небольшой садъ съ высокими деревьями. Послѣднія послужили всему отряду на дрова; за неимѣніемъ другаго топлива, пришлось, къ сожалѣнію, ихъ истребить.

Тутъ отрядъ узналъ о назначеніи начальникомъ отряда генерала Тергукасова. Солдаты хорошо знали этого достойнаго и храбраго воина по турецкой кампаніи, въ которую онъ пріобрѣлъ себѣ ихъ любовь и уваженіе. Солдаты говорили про него: «Съ Тергукасовымъ мы куды угодно хоть сейчасъ пойдемъ, онъ любитъ нашего брата солдата и зря не погубитъ и одного человѣка».

Ночь, съ 6 на 7-е сентября, была послѣдней ночью, проведенной ахалъ-текинскимъ экспедиціоннымъ отрядомъ на

текинской землѣ. Тихо и мирно прошла эта ночь. Въ 9 час. вечера всюду уже, по обыкновенію, царила тишина, солдаты всѣ спали, лишь изъ лагеря удалыхъ дагестанцевъ неслись, какъ и всегда, до полуночи, веселыя пѣсни. Всѣ засыпали съ тяжелымъ сознаніемъ, что съ разсвѣтомъ придется разстаться съ землей, на которой пали безполезно ихъ доблестные товарищи. Понемногу костры всѣ погасли, потухли огни въ офицерскихъ палаткахъ и глубокій мракъ покрылъ весь лагерь; замолкли, наконецъ, и дагестанцы,—и гробовая тишина воцарилась повсюду... Среди ночи, то тутъ, то тамъ, лишь раздастся вдругъ громкій, страдальческій стонъ раненаго, какъ нибудь неловко повернувшагося во снѣ, пройдетъ по лагерю изъ конца въ конецъ, и снова тишина—до новаго стона...

За часъ до разсвѣта раздалась повѣстка. Мунуту спустя по всему лагерю заиграли трубы и забили дробь барабаны. Мгновенно все ожило, все зашевелилось. Еще 10 минутъ передъ этимъ въ лагерѣ царили мракъ и тишина, теперь же мелькали повсюду костры, раздавались сотни голосовъ, ржаніе лошадей, ревъ верблюдовъ... Все суетилось и торопилось. Предстоялъ трудный переходъ по Бендесенскому перевалу и нужно было поспѣшить съ выступленіемъ.

Наканунѣ было рѣшено, что войска пройдутъ до источниковъ и здѣсь остановятся, кавалерія же, вслѣдствіе полнаго отсутствія фуража, пойдетъ дальше. Предполагалось устроить въ этомъ мѣстѣ сильное укрѣпленіе и немедленно подвезти съ тыла провіантъ и фуражъ.

Съ восходомъ солнца отрядъ выступилъ съ мѣста ночлега и понемногу сталъ втягиваться въ горное ущелье, которымъ начинается Бендесенскій перевалъ. Мы двигались по узкой дорогѣ, пролегающей вдоль ручья, о которомъ я говорилъ выше. Дорога шла крайне извилисто,—то идетъ надъ самымъ ручьемъ, то вдругъ круто подымется на какой-либо холмъ, то снова спустится съ него, пройдетъ немного по самому руслу ручья и, перейдя на другой берегъ его, извивается далѣе. Движеніе отряда сильно затруднялось узкостью ея; въ

самомъ широкомъ мѣстѣ дороги могли съ трудомъ проѣхать три всадника; повременамъ она вдругъ превращалась въ узенькую тропинку, прилѣпившуюся къ боку обрыва надъ самымъ ручьемъ, по которой лишь съ величайшей осторожностью можно было проѣхать верхомъ. Въ такихъ мѣстахъ орудія и обозъ попросту тащили, чуть не на рукахъ, по руслу ручья, причемъ солдаты, тащившіе ихъ иногда по часу и болѣе, должны были работать стоя по колѣна въ водѣ.

Такъ какъ, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, текинцы намѣревались завладѣть переваломъ, то отрядъ подвигался впередъ со всевозможными предосторожностями; на каждомъ шагу ожидали засады, а потому въ головѣ колонны шли большіе разъѣзды, которые взбирались на ближайшія возвышенности и обозрѣвали окрестности дороги. Въ авангардѣ шелъ князь Витгенштейнъ съ двумя сотнями дагестанцевъ, дивизіономъ переяславскихъ драгунъ, двумя сотнями лабинскаго казачьяго полка и терской казачьей полубатареей. За нимъ шелъ обозъ всѣхъ частей. Далѣе шли главныя силы — пѣхота, пѣшая полубатарея, и наконецъ въ тылу, волжскіе и таманскіе казаки, 2 сотни дагестанцевъ и ракетная батарея. Штабъ сперва шелъ съ главными силами, а съ половины пути нагналъ авангардъ.

Дойдя до источниковъ, авангардъ остановился на четверть часа, чтобы попоить лошадей, и затѣмъ двинулся немедленно далѣе, вспупилъ въ ущелье и пошелъ по высохшему руслу ручья, направляясь на главный перевалъ. Дорога замѣтно пошла въ гору, становясь съ каждымъ шагомъ все труднѣе и труднѣе. Обозъ сталъ замѣтно отставать, задерживаемый ежеминутно падавшими отъ изнеможенія верблюдами. Ихъ тотчасъ же прикалывали штыками и стаскивали въ сторону отъ дороги, грузъ же размѣщали на ближайшихъ верблюдовъ. Наконецъ мы подошли къ главному хребту Копетъ-Дага. Только что оконченная нашими саперами дорога подымалась зигзагами на вершину его. Отрядъ весь спѣшили и отъ каждой кавалерійской части авангарда было наряжено

опредѣленное число людей къ терской полубатареѣ, чтобы помочь лошадямъ втащить орудія на вершину хребта. Остальные же люди, держа лошадей въ поводу, медленно стали подыматься. Подъемъ былъ чрезвычайно утомителенъ, особенно для тѣхъ на долю которыхъ выпало втаскивать на себѣ орудія. Солдаты тащили ихъ на постромкахъ.

Наконецъ мы добрались до высшей точки перевала. Чудный видъ открылся передъ нашими глазами: на сѣверъ шло ущелье постепенно расширявшееся; за нимъ, небольшимъ пятнышкомъ, виднѣлся Бами и часть оазиса, далѣе простиралась безбрежная степь, сливаясь съ небосклономъ; на югъ виднѣлась Бендесенская долина, за ней на большое пространство шли невысокіе холмы, а на краю горизонта чернѣли Персидскія горы.

Въ послѣдній разъ мы взглянули на текинскій оазисъ... Живо мнѣ вспомнилось настроеніе отряда, когда мы впервые увидѣли его. Тогда никто на сомнѣвался въ полной побѣдѣ, всѣ ждали скорой встрѣчи съ текинцами и земли ихъ заранѣе считали покоренными. Какъ всѣ обрадовались, увидѣвъ съ вершины Копетъ-Дага, вдали растилавшійся текинскій оазисъ. Никто бы не повѣрилъ 22 августа, что 7 сентября отрядъ нашъ снова будетъ на вершинѣ хребта, поспѣшно отступая изъ оазиса, чтобы спасти себя отъ окончательной гибели, Увы въ силу обстоятельствъ, мы были вынуждены возвращаться ни съ чѣмъ...

Медленно сталъ спускаться съ хребта авангардъ. По южному склону дорога была уже вполнѣ окончена, такъ что два всадника совершенно свободно могли ѣхать рядомъ; орудія двигались безпрепятственно и лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ приходилось прибѣгать къ помощи солдатъ, чтобы втащить ихъ на какой либо холмъ, чрезъ который пролегалъ путь.

Около 5 часовъ вечера авангардъ вступилъ въ Бендесенъ, гдѣ былъ расположенъ гарнизономъ батальонъ ширванскаго пѣхотнаго полка, при одномъ орудіи пѣшей артиллеріи.

Вслѣдъ за авангардомъ, въ 12 часу ночи появились

главныя силы, а къ часу прибылъ въ Бендесенъ и арріергардъ. Оказалось, что по приходѣ къ источникамъ, нѣкоторые изъ батальонныхъ командировъ доложили графу Борху, что въ ихъ частяхъ совершенно израсходованъ весь провіантъ, въ другихъ же частяхъ запасы его имѣлись, гдѣ на день, гдѣ на два. Въ виду этого, а также вслѣдствіе новаго донесенія лазутчиковъ, о намѣреніи текинцевъ захватить ночью главный перевалъ, рѣшено было идти на соединеніе съ авангардомъ, чтобы отразить общими силами предполагаемое нападеніе непріятеля. Давъ батальонамъ четырехъ часовой отдыхъ, графъ Борхъ двинулъ ихъ въ Бендесенъ.

Войска были крайне изнурены; но особенно тяжелъ былъ переходъ этотъ для раненыхъ. Немало досталось и верблюдамъ. Обезсилѣвшія отъ голода животныя съ трудомъ тащили ноги и огромное число ихъ не выдержало этого перехода. За одинъ день (7 сентября) отрядъ лишился 345 верблюдовъ, приколотыхъ на перевалѣ. Нечего и говорить, что половину обоза мы растеряли по пути; все что можно было испортить, солдаты рвали и рубили. На перевалѣ отрядъ былъ вынужденъ бросить семнадцать ящиковъ съ патронами; ихъ зарыли въ землю, но впослѣдствіи текинцы, по указаніямъ верблюдчиковъ, вырыли ихъ.

Итакъ русскія войска покинули земли Ахала. Много мы вынесли и выстрадали, и морально и физически, за эти 17 дней, другому и за всю жизнь свою не придется, быть можетъ, того вынести. Неудачный бой, большая убыль въ людяхъ, безпомощность раненыхъ, голодъ, крайнее изнеможеніе людей, падежъ лошадей и прикалываніе, выбивавшихся изъ силъ, верблюдовъ, стоны людей и животныхъ, раздававшіеся постоянно кругомъ и перемѣшивавшіеся между собой—все это слишкомъ тяжело отразилось на насъ.

ГЛАВА XX.

Нападеніе на фуражировъ. — Бѣгство Текме-Сердаря. — Легенда объясняющая его плѣнъ. — Съѣстные припасы, найденные въ Бендесенѣ. — Выступленіе кавалеріи. — Плѣнные. — Появленіе текинскихъ шаекъ въ хаджикалинской долинѣ. — Безводный переходъ. —Теръ-Саханъ. — Извѣстіе о прибытии въ Чекишляръ генерала Теркукасова.—Записка начальника штаба.— Зарево.—Появленіе диссентеріи.—Прибытіе всего отряда въ Теръ-Саханъ.—

По приходѣ въ Бендесенъ мы узнали, что наканунѣ появилась въ окрестностяхъ шайка текинцевъ и произвела нападеніе на небольшую партію казаковъ и артиллеристовъ, отправившихся на фуражировку. Въ происшедшей при этомъ рукопашной схваткѣ, было убито два казака и столько же ранено. Вовремя подоспѣвшая помощь спасла фуражировъ и отогнала шайку.

Лишь только весь отрядъ спустился въ Бендесенъ и расположился на отведенныхъ мѣстахъ, какъ тотчасъ же была выдвинута частая аванпостная цѣпь и разставлены секреты; на перевалъ же были высланы конные патрули. Ночь прошла спокойно.

Утромъ пронеслась по отряду, всѣхъ поразившая вѣсть,— ночью бѣжалъ изъ нашего лагеря Текме-Сердарь, ханъ бамійскій и беурмійскій, съ сыномъ своимъ Софи-ханомъ и свитой изъ 8 человѣкъ. Какимъ образомъ имъ удалось бѣжать, этого никто не могъ себѣ объяснить. Они были помѣщены почти въ центрѣ лагеря въ кибиткѣ, къ которой была приставлена стража,

вокругъ же лагеря была расположена аванпостная цѣпь и несмотря на то — они бѣжали и только утромъ это замѣтили.

Текме-Сердарь принадлежалъ къ небольшому числу хановъ, пользовавшихся въ оазисѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Вліяніе его особенно было сильно въ западной части Теке. Въ высшей степени симпатичная личность его (огромнаго роста, съ длинной, сѣдой бородой и усами, съ выразительнымъ, открытымъ лицомъ и большими умными глазами), сразу располагала всѣхъ въ его пользу.

Какимъ образомъ очутился у насъ въ плѣну ханъ бамійскій, Текме-Сердарь? Этотъ вопросъ, весьма естественно, меня сильно интересовалъ, а между тѣмъ мнѣ не удалось съ точностью рѣшить его, такъ какъ я положительно отказывался вѣрить легендѣ, распространившейся по этому поводу въ отрядѣ. Легенда эта гласила, что предъ вступленіемъ русскихъ въ Текинскій оазисъ, явилось въ авангардъ, стоявшій въ Бендесенѣ, посольство отъ текинскаго племени, имѣвшее во главѣ Текме-Сердаря, съ Софи-ханомъ и свитой. Цѣлью посольства, какъ говорили, было изъявленіе покорности съ обязательствомъ платежа контрибуціи и ежегодной дани, въ размѣрѣ отъ нашихъ властей зависящемъ, но съ однимъ лишь условіемъ, чтобы русскія войска не вступали въ текинскіе предѣлы. Отвѣтомъ на предложеніе посольства было обезоруженіе его и отдача подъ стражу въ качествѣ военноплѣнныхъ. Какъ это ни невѣроятно, а между тѣмъ я слышалъ этотъ разсказъ изъ многихъ устъ, но повторяю, не могъ и не могу допустить, чтобы что нибудь подобное могло совершиться въ русской арміи. Положимъ, текинцы считаются дикарями, но все же и у нихъ, несомнѣнно, выработались извѣстныя правила международныхъ отношеній, свято оберегаемыхъ обычаями, что видно уже изъ самаго факта посольства; если они рѣшились отправить его къ намъ, то безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлали это зная, что личность посла должна быть неприкосновенна и предполагая, что этотъ основной принципъ международныхъ отношеній извѣстенъ русскимъ, и что посольство

ихъ вернется, во всякомъ случаѣ, обратно. Положимъ, въ виду вѣроломности азіатовъ, трудно было вѣрить ихъ изъявленіямъ покорности и обѣщаніямъ, но все-же посольство Текме-Сердаря, хотя бы изъ уваженія къ его личности, заслуживало большаго вниманія, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи оказалось, что текинцы дѣйствительно рѣшили покориться Бѣлому Царю, наслышавшись о непобѣдимости русскаго оружія, и отказъ въ принятіи ихъ покорности, былъ истолкованъ ишанами народу въ такомъ смыслѣ, что русскія войска идутъ съ цѣлью не покорить, а истребить совершенно текинское племя, что конечно, привело ихъ къ отчаянной рѣшимости дорого продать свою жизнь и жизнь женъ и дѣтей, а насъ привело къ неудачѣ. Посольство, во всякомъ случаѣ, надлежало отпустить независимо отъ принятія или не принятія предлагаемыхъ условій.

И вдругъ... посольству, отнятіемъ оружія, нанесено величайшее оскорбленіе и, вдобавокъ, оно отдается подъ стражу. Это, что-то дикое и я никакъ этому не хотѣлъ вѣрить. Одно лишь достовѣрно мнѣ было извѣстно, что Текме-Сердарь явился къ намъ добровольно, но далеко не по своей охотѣ совершилъ съ отрядомъ походъ въ Текинскій оазисъ, что все время находился у насъ подъ строгимъ присмотромъ и при первомъ удобномъ случаѣ сбѣжалъ.

Текме-Сердарь принадлежалъ къ числу вліятельныхъ текинцевъ, дружественно расположенныхъ къ Россіи и во всѣхъ переговорахъ, которые происходили между генераломъ Ломакинымъ и племенемъ, онъ игралъ всегда видную роль и дѣйствовалъ всегда въ интересахъ русскихъ, не смотря на то, что ему въ этомъ постоянно противодѣйствовали другіе ханы. Такъ или иначе, онъ былъ нашъ другъ и мы съ нимъ поступили далеко не подружески. Отчего его не оставили въ Бендесенѣ, если ужъ необходимо было задержать его въ плѣну? За что его, нашего друга, на старости лѣтъ подвергли ужаснѣйшей пыткѣ, сдѣлавъ зрителелемъ геокъ-тепинскаго дѣла, въ которомъ ему пришлось смотрѣть цѣлый день, какъ

наши гранаты разрывались надъ семьями, находившимися въ крѣпости, въ средѣ которыхъ была и его семья. По окончаніи боя во всемъ отрядѣ говорили, что послѣ первыхъ залповъ изъ орудій, по взятіи передоваго укрѣпленія, когда снаряды наши стали разрываться преимущественно въ кибиткахъ внутри аула, и поражать семьи текинцевъ, Текме-Сердарь обратился съ просьбой прекратить хотя на часъ огонь и ручался, что если его отпустятъ, то онъ уговоритъ своихъ положить оружіе. Онъ увѣрялъ, что весь народъ страшится русскихъ и всѣ убѣждены, что если хивинскій ханъ, у котораго текинцы находились, хотя и фиктовно, въ вассальномъ подчиненіи, не могъ противустоять Бѣлому Царю, то имъ и подавно нельзя думать о сопротивленіи и что только ишаны и муллы требуютъ оказанія сопротивленія. Ему было отказано въ этомъ и несчастный ханъ бамійскій впродолженіе всего боя, слѣдя за полетомъ гранатъ, рвалъ бороду въ отчаяніи и походилъ на сумасшедшаго; во время же отступленія до Бендесена, находясь въ невѣденіи о судьбѣ, постигшей его семейство, былъ крайне угрюмъ и ни съ кѣмъ не говорилъ.

Не солгу, если скажу, что девять десятыхъ отряда обрадовались, узнавъ о его побѣгѣ...

Въ Бендесенѣ мы немного вздохнули и оправились; тутъ мы нашли достаточное количество барановъ и сухарей и кое-какой кормъ для лошадей, среди которыхъ отъ безкормицы и арбузныхъ листьевъ, открылся падежъ. Здѣсь мы могли пріобрѣсть, хоть и за дорогую цѣну, свѣжіе чуреки (хлѣбъ), лаваши (лепешки пшеничные) на курдючномъ салѣ, чай, сахаръ, табакъ и т. п. предметы роскоши. Все это продавалось въ нѣсколькихъ шалашахъ, принадлежавшихъ разнымъ торгашамъ, по преимуществу изъ армянъ, которые за все брали немилосердно, такъ напримѣръ: фунтъ сахару стоилъ 80 коп., бутылка неочищенной фруктовой водки, безъ посуды—3 р. с., небольшой чурекъ 20 коп., и т. п. Не смотря на это, всѣ были весьма довольны, что хоть и за высокую плату, а все же можно купить и чаю, и сахару и табаку, которые совер-

шенно израсходовались за походъ. Къ сожалѣнію, многимъ пришлось лишь любоваться разложенными въ лавкахъ товарами, такъ какъ у большинства офицеровъ не было денегъ, вслѣдствіе того, что имъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ не выдавали жалованья (оно выдано было только въ послѣднихъ числахъ сентября).

Въ виду отсутствія фуража (кромѣ тростника ничего не было), по настоянію князя Витгенштейна, рѣшено было въ тотъ же день отправить большую часть кавалеріи въ Теръ-Саханъ, гдѣ находился небольшой складъ сѣна (около 3,000 пудовъ), при отрядѣ же оставить необходимое лишь число ея. Въ составъ частей предназначенныхъ къ выступленію вошли: 2 эскадрона переяславскаго драгунскаго полка (подъ командой полковника Нуджевскаго), 4 сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка (подполковника кн. Чавчавадзе), конная терская казачья полубатарея (капитана Макухи) и ракетная сотня (капитана Цумпфорта и есаула Граматина); отрядъ этотъ долженъ былъ выступить въ полдень, подъ начальствомъ князя Витгенштейна.

Передъ самымъ выступленіемъ привели къ намъ въ лагерь цѣлую партію плѣнныхъ текинцевъ, около 35 человѣкъ; компанія эта была застигнута врасплохъ въ окрестностяхъ лагеря дагестанцами, обезоружена и забрана въ плѣнъ.

Во второмъ часу по полудни, 8 сентября, выступилъ изъ Бендесена кавалерійскій отрядъ князя Витгенштейна и направился на западъ, вдоль южнаго склона Копетъ-Дага, на Хаджи-Кала. Едва мы выступили, какъ на высшихъ пунктахъ хребта появилось нѣсколько столбовъ густаго, чернаго дыма, это были обычные сигналы подаваемые текинскими наблюдательными постами.

За часъ до заката солнца мы пришли въ Хаджи-Кала и расположились бивакомъ на ночлегъ, на восточной сторонѣ небольшой возвышенности занятой гарнизономъ этого пункта.

Повидимому текинцы не зѣвали и по разнымъ горнымъ тропинкамъ, небольшія партіи ихъ перебрались черезъ хребетъ на южную сторону его; въ этомъ мы убѣдились вскорѣ по

приходѣ въ Хаджи-Кала, такъ какъ два посланныхъ, съ донесеніемъ въ Бендесенъ, казака, были встрѣчены залпомъ въ 6 верстахъ отъ лагеря и принуждены вернуться обратно. Вслѣдствіе этого приказано было людямъ спать не раздѣваясь и не разсѣдлывая лошадей.

За часъ до разсвѣта весь отрядъ былъ уже на ногахъ. Предстоялъ большой безводный переходъ до Теръ-Сахана. Въ 5 часовъ утра мы выступили изъ Хаджи-Кала и направились на юго-западъ. Пройдя $1^1/_2$ версты вдоль ручья, отрядъ напоилъ лошадей и переправившись черезъ него, вступилъ въ южное предгорье Копетъ-Дага.

По приходѣ къ колодцамъ Маргисъ былъ сдѣланъ двухъчасовой привалъ и приказано было развьючить верблюдовъ и попасти колючкой, которой изобилуетъ здѣсь вся мѣстность. Однако, лошадей мы не поили, такъ какъ въ колодцахъ было немного воды, которую князь Витгенштейнъ счелъ необходимымъ приберечь для главнаго отряда, съ которымъ находился отрядъ «Краснаго Креста». Въ 4 часа пополудни мы тронулись дальше и только въ 9 часовъ вечера авангардъ отряда вступилъ въ Теръ-Саханъ. Остальныя же части были задержаны медленно тянувшимся обозомъ и лишь къ 12 часамъ ночи пришли на мѣсто. Не успѣли мы еще расположиться, какъ вдругъ разразился сильный дождь—первый за все время похода.

Тутъ мы узнали отъ офицеровъ, стоявшаго здѣсь гарнизономъ батальона александропольскаго полка, что ими получено извѣстіе о прибытіи генерала Тергукасова въ Чекишляръ.

Въ Теръ-Саханъ, предположено было дать отдыхъ, на нѣсколько дней, до крайности изнуреннымъ лошадямъ.

Вслѣдъ за приходомъ кавалеріи прискакалъ туркменъ и передалъ князю Витгенштейну записку отъ начальника штаба въ которой сообщалось о томъ, что Нуръ-Верды-Ханъ прибылъ съ текинцами въ Бами, а потому, въ виду возможности нападенія его на пѣхоту, предписывалось остановить въ Теръ-

Саханѣ впредь до особаго распоряженія дагестанцевъ и ракетную батарею.

На другой день, по приходѣ въ Теръ-Саханъ, около 9 часовъ вечера, большое зарево показалось къ сѣверу отъ нашей стоянки. Сперва мы думали, что это горитъ большой аулъ Каракалы, жители котораго, незадолго передъ этимъ дружественно встрѣтили отрядъ подполковника Навроцкаго, и что текинцы напали на него и подожгли; но вскорѣ мы узнали, что каракалинцы успѣли заблаговременно переселиться со стадами и имуществомъ къ верховьямъ рѣки Чандыря, гдѣ и укрѣплялись въ горахъ, горѣлъ же какой-то другой аулъ.

Въ Теръ-Саханѣ мы простояли до 13 сентября и въ эти дни, не смотря на то, что мы стали получать улучшенную пищу, между людьми появились частыя случаи заболѣванія диссентеріей и поносомъ. Причиной этого была злокачественная вода рѣки Сумбара, содержавшая въ себѣ много вредныхъ для здоровья веществъ.

Здѣсь отрядъ нашелъ какого-то италіянца маркитанта, привезшаго съ собой огромный запасъ всевозможныхъ консервовъ винъ и другихъ припасовъ. Несмотря на то, что за все онъ бралъ въ десятеро, большая бесѣдка имъ устроенная, въ которой производилась торговля, была постоянно переполнена офицерами.

12 числа пришелъ въ Теръ-Саханъ графъ Борхъ съ батальонами эриванскимъ, грузинскимъ и сводным стрѣлковымъ, и со всѣми ранеными. Слѣдомъ за ними прибылъ генералъ Ломакинъ съ остальными частями отряда.

ГЛАВА XXI.

Курьеръ къ Намѣстнику. — Цынга среди дузъ-олумскаго гарнизона. — Отправленіе эскадрона драгунъ для встрѣчи новаго начальника отряда.— Отъ Дузъ-Олума до Чата. — Ливень. — Смотръ. — Депутація съ амазонкой во главѣ. — Текинскія шайки и ихъ подвиги. — Выступленіе изъ Чата. — Гнилая вода. — Колодцы Караджа-Батырь. — Возвращеніе въ Чекишляръ. — Разформированіе отряда. — Болѣзни. — Медленность перевозки войскъ на Кавказъ. — Заключеніе.

13-го сентября, съ разсвѣтомъ, подполковникъ Васильчиковъ, отправлявшійся курьеромъ къ великому князю намѣстнику, и флигель-адъютантъ князь Долгорукій выѣхали изъ Теръ-Сахана въ Дузъ-Олумъ, конвоируемые дивизіономъ переяславскаго драгунскаго полка.

Въ Дузъ-Олумѣ стояли батальонъ ахалцыхскага пѣхотнаго полка и 2 сотни полтавскаго казачьяго полка, при 4-хъ орудіяхъ. Почти весь гарнизонъ, особенно ахалцыхскій батальонъ, сильно страдалъ отъ цынги. Такъ въ одномъ околдкѣ этого батальона къ 14 сентябрю, т. е. ко дню нашего прихода туда, лежало около 40 человѣкъ цынготныхъ больныхъ, а до нашего прихода около 30 человѣкъ, частью умерли, частью были отправлены въ Чатскій госпиталь.

15 числа было получено приказаніе о немедленной высылкѣ изъ Дузъ-Олума въ Чатъ эскадрона драгунъ для встрѣчи генерала Тергукасова; вслѣдствіе этого, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, командиръ дивизіона, подполковникъ Нуджевскій, выступилъ съ 3-мъ эскадрономъ въ Чатъ, на легкѣ, оставивъ весь обозъ въ Дузъ-Олумѣ.

Вечеромъ 16-го числа прибылъ изъ Теръ-Сахана начальникъ штаба полковникъ Малама, высланный также въ Чатъ для встрѣчи новаго отряднаго начальника. Отъ него мы узнали, что главныя силы отряда останутся въ Теръ-Саханѣ, до прибытія туда генерала Тергукасова, который и рѣшитъ, удержать ли этотъ пунктъ за нами, или же отступить до Дузъ-Олума.

На другой день, около 10 часовъ утра, 4-й эскадронъ переяславскихъ драгунъ выступилъ изъ Дузъ-Олума, конвоируя начальника штаба, князя Долгорукаго и подполковника Васильчикова.

Переправившись черезъ рѣку Сумбаръ, мы двинулись по правому берегу ея и пройдя верстъ 9, повернули въ горное ущелье. Пройдя горами 12 верстъ, снова вышли на рѣку Сумбаръ и вскорѣ сдѣлали привалъ на мѣстѣ называемомъ Хоръ-Олумъ.

Начиная отъ Дузъ-Олума, горы превращаются по немногу въ холмы, холмы въ холмики и пригорки и верстахъ въ 6 за Хоръ-Олумомъ начинается гладкая степь, доходящая вплоть до Каспійскаго моря. Невесела эта степь... Многія десятки верстъ идешь по ней, не встрѣчая ни малѣйшаго признака человѣческаго жилья, ни малѣйшаго признака жизни. Все одно и тоже, одно и тоже, однообразіе, утомляющее и душу и тѣло. Куда ни взглянешь, все тотъ же сѣрый глинистый грунтъ, потрескавшійся отъ жары, все таже безбрежная мертвая степь. Лишь изрѣдка, то тутъ, то тамъ, встрѣчаются по пути гніющіе трупы верблюдовъ и лошадей, или выбѣленныя солнцемъ ихъ кости, нарушающія однообразіе картины.

Отдохнувъ два часа въ Хоръ-Олумѣ и напоивъ лошадей, мы выступили на Чатъ. Подвигались весьма медленно, задерживаемые ежеминутными остановками обоза и къ 10 часамъ вечера пришли изнеможенные и обезсилѣвшіе въ Чатъ, гдѣ узнали, что генералъ Тергукасовъ прибылъ туда наканунѣ, въ сопровожденіи генералъ-майора Гурчина и нѣсколькихъ офицеровъ.

Чатскій госпиталь былъ буквально переполненъ больными

и кладбище увеличивалось съ каждымъ днемъ на нѣсколько могилъ. Когда мы шли впередъ оно насчитывало ихъ въ своей оградѣ едва нѣсколько десятковъ, теперь же заключало въ себѣ до двухсотъ, если не болѣе, свѣжихъ могилъ.

Ночью, въ день прихода нашего въ Чатъ, пошелъ сильный дождь и къ утру мы буквально плавали въ грязи. Весь день дождь не переставалъ ни на минуту и всѣ промокли до костей.

19-го числа погода прояснилась и генералъ Тергукасовъ назначилъ къ четыремъ часамъ пополудни смотръ. Еще съ утра драгуны, ходившіе съ генераломъ, въ минувшую кампанію, на освобожденіе Баязета и знавшіе его хорошо, стали тщательно чиститься и мыться. Наконецъ, около 4-хъ часовь ихъ вывели на линію и вскорѣ затѣмъ подъѣхалъ къ рядамъ генералъ Тергукасовъ. Поздоровавшись съ солдатами и офицерами и побесѣдовавъ съ ними минутъ двадцать, генералъ сѣлъ въ приготовленный экипажъ и распрощавшись съ драгунами выѣхалъ, спѣша въ Теръ-Саханъ, сопровождаемый полусотней казаковъ.

Передъ отъѣздомъ генерала пріѣхала въ Чатъ депутація изъ ближайшаго аула туркменъ-гоклановъ, расположеннаго на персидскомъ берегу рѣки Атрека. Они явились привѣтствовать новаго сердаря. Во главѣ этой депутаціи явилась степная амазонка. Это была довольно пожилая женщина, сидѣвшая на лошади по мужски; на головѣ ея былъ одѣтъ бѣлый шелковый тюрбанъ, концы котораго ниспадали по бокамъ до стремянъ; одѣта она была въ красную, перехваченную широкимъ поясомъ, рубашку и такія же шаровары, на плечахъ былъ накинутъ, живописно, темнаго цвѣта суконный бешметъ на красной подкладкѣ; ноги были обуты въ солдатскіе сапоги. Подойдя къ генералу, гокланка подала ему руку и произнесла по туркменски краткую поздравительную рѣчь.

Между тѣмъ, по всей принадлежащей намъ Туркменіи, разсѣялись многочисленныя шайки текинцевъ, начавшія грабить преданныхъ намъ туркменъ, отказавшихся присоединиться къ нимъ по приходѣ нашихъ войскъ. Шайки эти хорошо наблюдали и слѣдили за всѣми передвиженіями частей. Онѣ пользо-

вались малѣйшей оплошностью съ нашей стороны и появляясь внезапно, то уводили скотину, то перехватывали верблюдовъ. Такъ напримѣръ, 16 сентября одна изъ нихъ налетѣла, какъ снѣгъ на голову, на армянъ, пасшихъ стадо отряднаго подрядчика близь Дузъ-Олума, и, вырѣзавъ пастуховъ, погнала его въ горы. Двѣ сотни дагестанцевъ полетѣли на розыски, но текинцы точно въ воду канули и неудалось, даже приблизительно, попасть на слѣдъ ихъ. Почти такой же случай повторился и въ Чатѣ. 20-го сентября, около 2-хъ часовъ пополудни, когда наши бараны и верблюды паслись по ту сторону Атрека, въ 2-хъ верстахъ отъ Чата (безъ конвоя), внезапно появилась шайка текинцевъ и на глазахъ у всѣхъ, перевязавъ пастуховъ, преспокойно погнала наши стада и вскорѣ скрылась за холмами. Тотчасъ же былъ высланъ взводъ драгунъ подъ командой унтеръ-офицера Алиханова, слѣдомъ за нимъ послали съ полуэскадрономъ прапорщика Лашкарева. Началась лихая скачка... Вскорѣ драгуны скрылись. Часа $1^1/_2$ спустя, мы увидали свои стада, отбитыя у дерзкой шайки и всѣ успокоились.

21-го сентября, около 8 часовъ утра, выступилъ изъ Чата дивизіонъ переяславскихъ драгунъ, получившій наканунѣ приказъ идти въ Чекишляръ. 24-хъ верстный переходъ до Текенджика, на рѣкѣ Атрекѣ, былъ довольно сносенъ, благодаря тому, что вслѣдствіе сильнаго дождя, шедшаго 18 числа, не было пыли. Въ Текенджикѣ мы переночевали и съ разсвѣтомъ выступили на Чекишляръ, идя по новой дорогѣ, напрямикъ черезъ степь, а не по прежней, которая пролегаетъ вдоль р. Атрека. Дорога эта на 25 верстъ короче послѣдней. Отойдя на 28 верстъ, по ровной степи, мы остановились вечеромъ на ночлегъ у большой дождевой лужи. Трудно себѣ представить до чего отвратительна была въ ней вода, отзывавшаяся, вслѣдствіе разлагавшихся въ ней двухъ верблюжьихъ труповъ, гнилью. Часа въ 4 утра мы выступили, направляясь на колодцы Караджа-Батырь. Едва мы отошли верстъ 6, какъ по дорогѣ попалось довольно большое болото, образовавшееся вслѣдствіе шедшихъ здѣсь дождей. Пришлось двигаться на протяженіи около двухъ верстъ по жидкой

размякшей глинѣ; лошади вязли по колѣна, несчастные же верблюды положительно выбивались изъ силъ. Посреди болота необходимо было спѣшить половину людей для вытаскиванія лазаретной каруцы и перевьючки груза, съ отказывавшихся идти далѣе верблюдовъ. Наконецъ, мы кое-какъ выбрались изъ болота на болѣе твердый грунтъ и къ двумъ часамъ пополудни пришли къ колодцамъ Караджа-Батырь. Тутъ мы встрѣтили первый колесный транспортъ, шедшій изъ Чекишляра, состоявшій изъ 140 арбъ.

Вода въ Караджа-Батырѣ довольно хорошая и послѣ тухлой воды, которую мы пили наканунѣ, всѣ вполнѣ наслаждались колодезной водой. Здѣсь два колодца—одинъ для людей, другой для животныхъ.

Въ два часа ночи весь отрядъ былъ уже на ногахъ, предстоялъ огромный переходъ до Чекишляра, въ 50 верстъ. Часъ спустя мы уже были въ пути. На полдорогѣ былъ сдѣланъ часовой привалъ. Наконецъ, часа въ два пополудни мы увидѣли верхушку Чекишлярской вышки, а вскорѣ глазамъ представились: ярко блестѣвшее Каспійское море, палатки, кибитки и строенія Чекишляра. Съ какой радостью мы снова ихъ увидѣли! Сколько разъ во время похода, не одинъ изъ насъ думалъ, что, быть можетъ, не суждено будетъ вернуться къ морю, вдали за которымъ находились дорогая родина, семья и друзья...

Генералъ Тергукасовъ, пріѣхавъ въ Теръ-Саханъ, произвелъ смотръ войскамъ и рѣшилъ покинуть этотъ пунктъ, ограничившись удержаніемъ Дузъ-Олума; войскамъ же, бывшимъ въ походѣ, приказалъ идти въ Чекишляръ и переправляться на кавказскій берегъ, по мѣрѣ возможности. Но эта возможность не скоро наступила и войскамъ снова пришлось сидѣть въ Чекишлярѣ въ томительномъ выжиданіи пароходовъ, которые перевезли бы ихъ на западный берегъ. Время быстро летѣло и осень понемногу наступила, съ холодными ночами, вѣтрами, дождями и сыростью, принесшими за собой всевозможныя болѣзни. Диссентерія, цынга и лихорадки стали выхватывать, съ первыхъ дней прихода въ Чекишляръ, изъ рядовъ войскъ множество жертвъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ дивизіонѣ перея-

славскихъ драгунъ, въ которомъ во время пребыванія въ Ахалѣ совершенно не было больныхъ, черезъ три дня по приходѣ къ морю заболѣли: 18 человѣкъ кровавымъ поносомъ, 12 лихорадкой и у 8 открылась цынга. Въ другихъ частяхъ происходило тоже самое.

Чтобы судить о томъ, насколько медленно совершалась перевозка, достаточно сказать, что къ концу ноября, т. е. два мѣсяца спустя по возвращеніи войскъ, на ту сторону были переправлены лишь 4 батальона пѣхоты, 6 сотенъ и 2 эскадрона кавалеріи и конная полубатарея. Прежде всѣхъ отправили въ Петровскъ раненыхъ и больныхъ, за ними переправились въ Баку драгуны и т. д.

Въ трехъ занятыхъ нашими гарнизонами пунктахъ: Чекишлярѣ, Чатѣ и Дузъ-Олумѣ, оставлено было 8 батальоновъ пѣхоты, четыре сотни кавалеріи и батарея артиллеріи, изъ тѣхъ войскъ, которыя не участвовали въ походѣ на оазисъ, а оставались въ опорныхъ пунктахъ.

Послѣ переправленія войскъ, генералъ Тергукасовъ занялся устройствомъ въ вышеназванныхъ пунктахъ, провіантскихъ и интендантскихъ складовъ, для будущей экспедиціи.

Итакъ, экспедиція 1879 года вполнѣ неудалась, несмотря на то, что на нее было потрачено болѣе десяти милліоновъ рублей и нѣсколько мѣсяцевъ приготовленій, несмотря на то, что по ту сторону Каспія сосредоточены были отборныя войска кавказской арміи, въ небывалыхъ до того размѣрахъ.

Причинъ неудачи весьма много, но главныя изъ нихъ заключаются: во 1) въ малочисленности отряда, вторгнувшагося въ оазисъ; во 2) въ недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ, и происшедшемъ вслѣдствіе этого недостаткѣ провіанта и фуража; и въ 3) въ совершенномъ незнакомствѣ съ противникомъ и полномъ пренебреженіи къ нему.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Страницы:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
I	22	Бичь	Бичъ
18	2		
IV	32	горнизонъ	гарнизонъ
VI	3	несправедливые	несправедливыя
2	5	какіе	какія
10	24	съ	къ
14	25	моря	края
23	6	ограниченія	ограниченія
—	13	отряад	отряда
25	18 и 19	ужь	ужъ
—	32	разные	разныя
31	1	они и	и они
37	5	Мхмуда	Махмуда
55	5	тмъ	тамъ
—	6	глиняные	глиняныя
84	8	съ уживающаяся	съуживающаяся
87	28	отведенныхи	отведенныхъ
92	27	эскодронъ	эскадронъ
100	26	выскзывалъ	высказывалъ
103	10	высокимъ	невысокимъ
110	4	къ	въ
—	28	мододую	молодую
113	13	беребѣгая	перебѣгая
117	26	гибиль	гибель
145	9	отогнали мѣткими	отогнали ее мѣткими
150	19	геокъ-текинскаго	геокъ-тепинскаго
153	20	не долго	долго
171	16	околдкѣ	околодкѣ
173	12	часовь	часовъ
—	20	Они явились	Она явилась.

На планѣ:

д—полубатарей 20 ор. д—полубатареи 20 бр.

На картѣ:

Названіе *Р. Чандыръ* по ошибкѣ поставлено на р. Сумбарѣ. Чандырь лѣвый притокъ Сумбара.

страницы:	ст...		...ѣдуетъ читать:
I			
18			
IV			...онъ
VI			...ведливыя
2			
10	9...		
14	2...		
23			...ченія
—	1...		
25	18		
—	3...		
31			
37			...да
55			
—			...ыя
84			...ающаяся
87	2...		...нныхъ
92	2...		...нъ
100	2...		...ивалъ
103	1...		...имъ
110			
—	2...		...о
113	1...		...ая
117	2...		
145	9		...и ее мѣткими
150	1...		...епинскаго
153	2...		
171	1...		...ь
173	12		
—	2...		...лась.
			...батареи 20 бр.

Названіе *Р.* ... Чумбарѣ. Чандырь лѣвый притокъ С...

Лит. Ф. Голике. Невскій 106.

Чр

Цѣна 1 руб. 50 коп.

2000014628